

№3. 2014

Берега

Калининград

Берега

Литературно-художественный и общественно-политический журнал

Цитата номера

Мужество идет обыкновенно рядом с мягкостью характера,
и мужественный человек более других способен
на великодушие.

Н.В. Шелгунов, русский философ

Главный редактор: Лидия Довыденко

Редакционная коллегия: Дмитрий Воронин, Виктор Геманов, Игорь
Ерофеев, Николай Иванов, Александр Казинцев, Юрий Крупенич, Валентин
Курбатов, Александр Николашин, Светлана Супрунова, Виталий Шевцов,
Владимир Шемшученко, Олег Щеблыкин

Февраль. 2014. №3

Содержание

Слово редактора	3
Публицистика	
Барбара Кригер. Создаем новую карту познания Мира.....	4
Олег Щебылкин. София и хаос.....	8
Поэзия	
Анатолий Аврутин. Стихи в Россию.....	14
Валерий Хатюшин. Солнце русских. Стихи.....	23
Евгений Семичев. Стихи	40
Геннадий Сазонов. Стихи.....	50
Владимир Молчанов. Стихи	78
Андрей Омельченко. Стихи	85
Проза	
Александр Грибков. Библиада, или Литературный герой. Роман. <i>Окончание</i> <i>Начало в №1,2</i>	25
Николай Иванов. Брянская повесть	42
Екатерина Наговицына. Энгенойская ведьма.....	52
Александр Пономарев. Рассказы.....	80
Валерий Горбань. Рассказы.....	87
Сергей Сальников. Память ангелов. Рассказ	102
Иван Привалов. Следы на песке. Отрывок из повести.....	110
По литературным местам	
Александр Новосельцев. Скорбь... В.И. Лихоносов в Бунинских местах.....	117
Искусство и культура	
Лидия Довыденко. Художник и педагог Светлана Максимова.....	131
Переводы	
Алексей Троцак. Некоторые переводы англоязычных поэтов.....	136
История и краеведение	
Леонид Тимин. Размышление об Афганской войне.....	139
Игорь Ерофеев. Ротмистр Петр Врангель в Каушенском бою 6 августа 1914 года.....	145
Русский мир без границ	
«Русский язык - это моя страсть»	148
Критика	
Валентин Курбатов. «По снегу русскому - домой»	152

Фото на обложке: Валентины Архиповской

Слово редактора

Уважаемые читатели!

Прежде всего, позвольте поблагодарить всех за добрые слова о журнале, которые нам нужны и дороги. Благодарим за поддержку Правление Союза писателей России, сайты и порталы:

<http://podlinnik.org/index.php/geobarometr/den-za-dnjom/item/811-novyj-zhurnal-berega>,
http://pregolia-art.com/publ/literaturnye_berega/22-1-0-1491,
<http://www.rospisatel.ru/sob176.htm>, <http://www.russkline.ru>,
<http://www.kaliningrad.vie.su>,
<http://andrey-ka23.livejournal.com/548961.html>,
<http://ekogradmoscow.ru/2012-11-25-08-45-48/13848-fotootchet-ekograda-s-prezentatsii-zhurnala-berega-baltiysk-pillau>,
<http://www.mosjour.ru>,
<http://ingild.com/event>,
<http://www.bfrz.ru>, <http://lgz.ru>!

Также благодарим организаторов презентации журнала во Львове, которая стала возможна по благословению епископа Львовского и Галицкого Филарета (Кучерова) и при поддержке Генерального консула России во Львове Олега Юрьевича Астахова! Благодарим Председателя общественной организации Землячество ленинградцев во Львове «Питер-клуб» Игоря Михайловича Корчевского, его заместителя Владимира Ивановича Вакатова, а также Марию Титенич, Леонида и Людмилу Тиминых, Веру Николаевну Толяронок, Юрия Павловича Хохлова, Игоря Держко, Юрия Шевцова, Олега Петрова и многих новых друзей! Выражаем надежду и веру в то, что журнал стал поддержкой для соотечественников в напряженный период в Украине, что в братской славянской стране скоро наступят стабильность и процветание.

Также благодарим за организацию презентации журнала руководство Дома русского зарубежья имени А. И. Солженицына и Ирину Тишину, Надежду Егорову, Заслуженную артистку России Н.А. Кулинкину, Михаила Головки, Андрея Королькова, Сергея Милокова и всех, кто участвовал в этом мероприятии.

Темой третьего, февральского, номера журнала в рубрике «Проза» мы выбрали феномен мужества. Авторами стали те, кто сам прошел дорогами войны, побывал в «горячих точках», в чьих «глазах, где отчаянья нет, / Зреет грозный спасительный свет» (Валерий Хатюшин), кто бросил вызов тому, что «наших героев за подвиги судит / Время плевков и измен» (Анатолий Аврутин), кто открыл для себя «великое право видеть, слышать, дышать, думать» (Александр Грибков), кто сказал, что можно «жить не пошло» (Андрей Омельченко). Как написал Евгений Семичев: «Можно нас истребить, но останутся корни, / И из них прорастет будет русский народ». Ведь «сначала верим, потом делаем» (Валерий Горбань).

Мы остаемся людьми, вирус цинизма поразил далеко не всех, а миф об утрате читательского интереса к высокой литературе не имеет под собой почвы, хотя коррупция, разъедающая общество, проникает и в сферу культуры. Настоящее искусство живо, память и чувство истории тоже.

Часть человечества, погнавшаяся за «изобилием», признавая ценностями лишь то, что можно «съесть, выпить, поцеловать», провозгласив лозунг: «потребляй, развлекайся и главное! ни о чем не думай», стала слепой и ничтожной, закрывшись для Божественного и Святого, уперлась в экономический и финансовый кризисы, то есть в кризис мировоззрения. Если спросить себя, что такое вечный двигатель, то это не какое-то механическое устройство, а он был и есть: это движение Земли вокруг Солнца, смена времен года, круговорот воды в природе, чувство любви в человеческом сердце, радость, которая, по определению Ф.Шиллера, «двигает колеса вечных мировых часов». Но, главное, вечный двигатель - это Слово, дышащее Красотой и Мудростью. Журнал предлагает читателям авторов, пишущих для обретения чувства собственного достоинства, «человеческого в человеке», Чувства Истории, которое, в конечном итоге, по выражению М.Цветаевой, «только чувство Судьбы», веры в то, что Слово никогда не исчезнет из стихий, слагающих Русскую Судьбу. Итак, читаем...

Публицистика

Барбара Кригер

Барбара Кригер – философ, культуролог. Выпускница Краковского Ягеллонского университета. С 1990 года активный деятель Славянского Движения, участница I Учредительного Всеславянского Собора. Автор более 80 работ в области славяноведения, экологии, охраны окружающей среды. Член Международной Кирилло-Мефодиевской академии славянского просвещения, член-корреспондент Международной славянской академии.

Создаем новую карту познания Мира

Разум и мир сопряжены друг с другом,
взаимозависимы, присутствуют в своём взаимном существовании.
Генрик Сколимовский («Participatory Mind», 1994)

Наши глубоко укоренившиеся убеждения о природе того, что нас окружает и о том, кто мы, составляют наше мировоззрение. Оно представляет собой своеобразную карту познания Мира. Мы пользуемся ею неосознанно, оценивая действительность, с которой сталкиваемся в нашей жизни. Эти утвердившиеся в культуре убеждения зачастую восходят к незапамятным временам, когда знания человеческого рода об окружающей действительности опирались на совершенно иной опыт, полученный в принципиально иных условиях.

Сегодня, принимая во внимание современные достижения многих отраслей новой науки, мы можем прийти к закономерному выводу, что распространённая и утвердившаяся в культуре карта познания Мира представляется не только устаревшей, но и ложной. И именно эта ложная карта познания является главным препятствием в понимании действительности и участии в её преобразовании.

Однако нет оснований впадать в пессимизм по причине этого шокирующего утверждения, ибо именно на наших глазах и с нашим участием появляется новый образ Мира — мировоззрение, достойное третьего тысячелетия. Некоторые его фрагменты уже ясно видны, другие же пока заметны лишь в контурах, но с каждым днём они становятся всё более чёткими.

ОБОБЩЁННЫЙ ОБРАЗ МИРА

Мы иногда задумываемся, чем для нас является мировоззрение и какую роль оно играет в жизни. Однако чаще мы думаем о мировоззрении других людей, особенно тогда, когда оно значительно отличается от нашего, от образа мира, который мы считаем истинным. Согласно определению, принятому в антропологии, мировоззрение — это обобщённый образ мира и представление о роли человека в этом мире. Обычно мировоззрение «имеют» или им «обладают», не особо интересуясь, откуда оно взялось и каким образом стало частью нас. Оно кажется нам таким естественным и очевидным, как воздух, которым мы дышим. Очевидное — значит, «истинное». Так думаем мы. В то же время, оказывается, что мировоззрение не столь уж очевидно и не столь истинно, как нам кажется.

Потому уместно поставить вопрос: можем ли мы в свете современных знаний вообще говорить о едином истинном образе мира, сформировавшемся в пространстве какой-либо из культур, существующих на нашей планете? Возможно, скорее следовало бы задуматься, что такое образ мира — с одной стороны, как динамичное, подверженное изменениям ментальное образование, организованное как сеть понятий в нашем сознании, а с другой — как культурный код, созданный человеком в его видовом развитии. Также возникает вопрос: какова его эволюционная функция?

В своём первом значении образ мира — это индивидуальная сеть понятий в сознании отдельного человека. Её биологическую основу составляет также индивидуальная нейронная сеть в нашем мозге. Этот образ реализуется на основе генетического кода и формулируется под влиянием полученного в процессе образования культурного кода. Кроме того, он под воздействием разнообразных стимулов обогащается и актуализируется в динамичном процессе адаптации к окружающей среде и в адаптации окружающей среды к нам. Одновременно образ мира как культурный код выполняет функцию матрицы, помогающей создавать актуализированную личную понятийную сеть. Он также передаётся следующим поколениям в каждой отдельной культуре.

В нашей интеллектуальной традиции образ мира воспринимается как литературно-эстетическое предание о возникновении и структуре мира, составляющее кульминацию культурного опыта. Почему же мы так склонны настаивать на том, что наш принятый в процессе обучения в близкой культурной среде образ мира является «единственно правильным», хотя он в значительной степени условный и не проверенный? Скорее всего, потому, что мы не имеем понятия, насколько ограничено и избирательно наше познание. Мы очень мало знаем о методах восприятия и не абстрагируемся от него. Сидя внутри познавательного «кокона», трудно увидеть его снаружи.

Было бы лучше, если бы могли трактовать этот распространённый в культуре образ мира как всего лишь ориентировочное описание, способствующее нашей деятельности в стремлении к гармонии с процессом эволюции. Он может скорее играть роль «карты познания мира», с которой мы вступаем на наш личный путь поисков и открытий. Что мы решаемся открывать, в значительной мере зависит от нас самих. От нас также зависит, сохраним ли мы результат наших поисков как читаемый культурный код, чтобы поделиться им с другими.

Итак, примем, что мировоззрение — это обобщённый образ мира и способ понимания роли человека в этом мире. Обладание определённым мировоззрением является основной потребностью человека, так как определяет его иерархию ценностей. Как следствие, оно также определяет совершенный выбор и позицию по отношению к собственному жизненному пути, к другим людям в индивидуальных отношениях, а также к общности, к которой человек принадлежит. Мировоззрение определяет конкретные критерии поведения в жизни. Руководствуясь им, человек реализует определённую линию своей жизни, с которой связан порядок происходящих событий и их значение для данного человека.

Потому каждый человек обладает каким-либо мировоззрением, причём независимо от того, осознаёт он это или нет. Мировоззрение относится прежде всего к пониманию природы мира и природы человека. Чем лучше понята эта природа, то есть чем более когерентно мировоззрение, тем лучше оно служит человеку в выборе и реализации жизненного пути и в достижении успеха: в развитии творческого потенциала, обретении общего физического равновесия, психического равновесия и добрых отношений с социальной и природной средой.

ПРОБЛЕМЫ С МИРОВОЗЗРЕНИЕМ

Постоянной проблемой является, однако, огромное разнообразие мировоззрений, которое демонстрируют и люди в рамках так называемой «западной культуры», и тем более представители различных культур. Трудности взаимопонимания могут показаться неразрешимыми, если мы не изменим принципиального отношения как к собственному мировоззрению, так и к мировоззрению других.

Пока мы будем полагать, что наше личное мировоззрение основано на непререкаемых истинах, до тех пор мы будем упрямо бороться, защищая эти истины, и не допускать даже мысли о том, что другие мировоззрения могут быть также «хорошими и истинными». В действительности же распространённые в настоящее время мировоззрения почти все одинаково фрагментарны и неактуальны. Всё более очевидным образом они уже не соответствуют природе действительности, постигаемой и описываемой новой наукой. Это также подтверждает наша интуиция.

Непонимание возникает также оттого, что мы совершенно безосновательно абсолютизируем наш субъективный, заключённый внутри нас образ мира, представляющий свойственный нам способ индивидуального восприятия. Мы забываем о том, что он является всего лишь обобщённой умозрительной моделью некоторой области действительности, доступной нашему наблюдению и опыту. К тому же, поскольку эта область уже научно исследована, пределы

наблюдения задаются нам не только биологическими, но и культурными факторами через усвоенные в процессе обучения культурные модели и доминирующее в нашем ближайшем окружении мировоззрение, которое мы неосознанно воспринимаем.

Дошло до того, что людям проще понимать друг друга, взаимодействовать и даже дружить, если они избегают вопроса о том, что они считают важнейшими, так называемыми фундаментальными истинами. Попытки определить это и найти «общие истины», то есть такие истины, которые все могли бы принять, обычно заканчиваются плачевно, и большинство людей охотнее возвращается к своим устоявшимся интеллектуальным навыкам. Это составляет значительное препятствие в стремлении к успешной организации общественных структур, начиная с семьи, местной общины вплоть до международного сообщества. Более того, можно с уверенностью утверждать, что в этом состоит величайшее препятствие на пути преодоления современного цивилизационного кризиса и осуществления эволюционного скачка.

В СТОРОНУ НОВОЙ ПАРАДИГМЫ

Одним из распространённых примеров расхождений в мышлении о мире является непрекращающийся мировоззренческий спор между материалистами и идеалистами. Одни настаивают, что на возникновение Вселенной не повлияли никакие разумные силы, и утверждают, что видимое нами — это всего лишь проявление законов развития и воздействия материи, а разум и всё с ним связанное — это следствие биологического развития форм материи. С другой стороны, идеалистическая концепция ставит в центр творческих процессов на Земле и в Космосе Божественный Источник Разума и неоправданно полностью отвергает материалистическую позицию, пренебрегая при этом достижениями многих точных наук.

В пределах этих главных мировоззренческих течений существуют, разумеется, различные мутации. Однако в свете полученных новой наукой уже в XXI веке знаний о процессах космогенеза и возникновении биоматерии, то есть живой материи (речь здесь идёт прежде всего о новой физике, новой биологии, астрофизике и космологии), необходимо пересмотреть наш нынешний образ мира, а также понимание сущности человека и его роли в этом мире. Естественно, необходима актуализация мировоззрения как «карты познания Мира», чтобы возникло гораздо более точное, а значит, и более адекватное описание природы того, что в действительности происходит во Вселенной. Требуется ответ на вопрос, какова наша природа и какова наша роль в биосфере в качестве сознательного фактора эволюции. И хорошо описанных элементов этого видения уже появляется всё больше.

Когда новое видение Человека как творения и сотворца Космоса обретёт, наконец, зрелость, оно станет не возвращением к псевдонаучному пониманию действительности, а целостным творческим синтезом знаний, полученных в прошлом и в современности. Тогда мы заново определим своё место и роль во Вселенной в качестве существ, разделивших свое эволюционное прошлое с Космосом, чьи тела возникли из звёздной пыли. Мы убедимся, что благодаря нам по мере эволюционного развития Космос может сам себя наблюдать. Тогда также станет более понятной роль человека в мире и значение его деятельности, которая может как способствовать развитию, так и наоборот, приводить к деградации жизни биосферы и планеты.

ДУХОВНО-МАТЕРИАЛЬНОЕ ЕДИНСТВО ВСЕЛЕННОЙ

При нынешнем ресурсе знаний, которыми располагает человечество, споры о материальной или духовной природе Вселенной вообще необоснованны. Уже имеющиеся знания позволяют не только предполагать, но уже утверждать, что природа эта как материального, так и духовного свойства, что, впрочем, с древнейших времен провозглашали такие религиозные и философские системы, как даосизм, буддизм или веды, а в настоящее время вновь открывают и стараются шире описать новые науки — квантовая физика, новая биология, астрофизика и космология. При этом они принимают во внимание богатый и убедительный опытный материал.

Общеизвестно уже, что был научно доказан факт присутствия во Вселенной, а значит, и в нашей галактике, двух основных компонентов — Энергии и Материи. Они тесно связаны друг с другом, и проявление одного из них невозможно без присутствия другого. Каждый компонент может принимать две основные формы существования; в случае энергии — это сила и информация; в случае материи — вещество и поле. Существовая в неразрывной связи, они в

непрерывном взаимодействии стремятся к взаимному преобразованию путём разнообразных комбинаций всех возможных форм, притом все эти преобразования взаимозависимы.

Иными словами, во Вселенной действует принцип непрерывного преобразования его компонентов по постоянному замкнутому кругу: Энергия — Поле — Энергия — Материя — Энергия. Процесс этот бесконечен. Из этого принципа вытекает, что нельзя произвольно установить, что первично, а что вторично, ибо результат наблюдения зависит от выбора фазы, наступающей попеременно в этом непрекращающемся процессе. В то же время именно утверждения о первичности являются главной причиной мировоззренческих споров о природе Вселенной.

В соответствии с законом сохранения энергии, который является основным законом природы, энергия в природе не возникает из ничего и не исчезает без следа. Она может только переходить из одной формы в другую, преобразование материи происходит, таким образом, с помощью энергии с полным сохранением её изначального количества. Закономерности этого процесса давно были описаны физикой.

Если сознание мы будем трактовать как ресурс информации, введённый энергией при более ранних преобразованиях материи в соответствующие формы (вещество или поле), то становится очевидным, что и материя, и поле обладают сознанием. Также, согласно буддийскому учению, дуализм «материя — сознание» является ложной проблемой, поскольку ни материя, ни сознание не обладают независимым существованием. Энергия, в сущности, одновременно является носителем информации и творцом форм материи. Происхождение всех форм материи непосредственно связано с энергией, которая, преобразуясь, порождает материю, а её особым видом является биоматерия, что в нашем понимании означает жизнь. На просторах Вселенной и нашей Галактики всем управляет лучезарная Энергия, которая также способна творить жизнь. Поэтому мы можем признать, что Энергия происходит из Разумного Космического Источника Света, от которого происходит всё сущее.

В этом месте наиболее любознательные читатели имеют право спросить: «А какова движущая причина этого Источника?» Если предпринять попытку ответить на этот вопрос, следовало бы углубиться в теологические рассуждения. Однако в этом подходе кроется опасность создать спорную ситуацию, запутавшись в интерпретациях, относящихся к изначальному постижению понятия БОГ, которое испокон веков означало представление о высших силах.

Стоя перед этой проблемой, мы бы предпочли скромно согласиться, что слова естественного языка, которыми мы пользуемся, чтобы выразить мысль, не имеют надлежащей силы выражения, а также ценного свойства достаточного обобщения, а потому они не могут полностью описать сложнейшее Высшее и Непостижимое Бытие. Следует помнить, что, как доказывает лингвистика и нейробиология, отношение слово/значение в значительной степени субъективно. По своей природе оно сильно обусловлено индивидуальными чертами человека и умозрительными моделями, привнесёнными из культуры, в которой он рос.

Скорее всего, глубокое понимание этих условностей нашими предшественниками — древними носителями мудрости — проявилось в том, что в некоторых культурах с очень старой традицией недопустимо словесное уточнение значения понятия Бога (например, в традиции китайского даосизма). Во многих других традициях тоже не принято представлять конкретизированное изображение воображаемого Бога.

В настоящее время мы все ощущаем, что продолжающиеся веками религиозные споры и вспышки ненависти между последователями различных религий исчерпали уже свою побуждающую силу. Вместо того, чтобы вести цивилизацию на высший уровень сознания, они становятся всё более реакционными и абсурдными. Ведь мы уже понимаем универсальную ценность религиозности и вообще духовности как атрибута человеческой сущности. Одновременно мы видим в масштабах планеты огромную культурную неоднородность форм выражения и культивирования религиозных переживаний. Растёт также всеобщая тоска по миру, взаимодействию и взаимному уважению религиозных чувств, а также по преодолению искусственных разделений. Одновременно растёт осознание нашей человеческой, видовой общности и взаимной ответственности за дальнейшую судьбу Земли.

Однако до сих пор поиск пути преодоления этого безвыходного положения оказывается безуспешным, прежде всего потому, что вместо обращения к глубине и сущности нашей духовности слишком большое значение придаётся разнообразию языковых или иконографических форм записи. Те же по причине своего исторически и культурно обусловленного характера

неизбежно несут на себе печать эпохи и колорит цивилизации, в которой возникли. А потому в них невозможно или, по крайней мере, трудно заметить, что, в сущности, они относятся к одним и тем же универсальным, трудно выразимым смыслам. Побеждает некогда принятый и утверждённый канон, признанный единственно точным и обязательным для всех. Бессмысленный спор о непогрешимости исповедуемой доктрины не прекращается, борьба за абстрактную «истинность» продолжается. Внимание направляется на второстепенные различия, а спасительное, вожделенное Единство исчезает с горизонта.

В сущности, все существующие в мире религиозные системы признают постулат, что Разумная Высшая Сила участвует во всех процессах во Вселенной, особенно в её становлении и развитии — и в настоящий момент, и всегда. И именно эта точка зрения объединяет все религии мира. Отсюда мы можем черпать надежду на то, что создание общей для всего человечества духовной плоскости, а точнее общего понимания духовного измерения человека, возможно. И тогда споры о «приоритете» какой-либо религии станут совершенно излишними.

Дороги, ведущие к пониманию нашей духовной природы, и, как следствие, к пониманию нашей связи с Источником Существования, могут быть самыми различными, так же, как различными могут быть тропы, ведущие к вершине одной горы. В нашем обобщённом рассуждении стоит вновь глубоко задуматься над древней метафорой восхождения в гору, так как она хорошо представляет характер процесса постепенного обретения понимания духовного аспекта жизни как Целого. Она подразумевает также разнообразие путей, которые ведут к одной и той же цели.

Потому уважение и культивирование разных религий не должно быть препятствием в стремлении к реализации объединительной идеи человеческого рода как Целого. Культурная разнородность не только является нашим духовным богатством, но позволяет сохранить прекрасные ритуалы, соединяющие нас и наших близких с традицией и опытом собственной общности и её прошлого.

РЕЛИГИЯ И НАУКА НЕ ПРОТИВОПОЛОЖНЫ ДРУГ ДРУГУ

В XXI веке, на фоне великого развития знаний о мире, уже определённно нет никаких оснований поддерживать конфликт между религией и наукой. Ведь они представляют собой хоть и различные, но взаимодополняющие пути познания, описания и переживания одной и той же действительности. Этим общим, объединительным фактором, лежащим в основе всего и скрепляющим человеческий мир религии и науки, является *units mundus* — один и тот же мир, к которому обе эти сферы относятся и который они объясняют и описывают каждая по-своему.

Кроме того, вопреки научному фундаментализму, оказалось, что новая наука отказывается от многих старых, до сих пор нерушимых, именно фундаментальных постулатов, относящихся к структуре и принципам функционирования Вселенной, поскольку новые достижения науки противоречат этим постулатам. Зачастую новые постулаты, например, относительно структуры материи, начинают напоминать описания, сформулированные на почве, которая прежде признавалась не научной, а скорее религиозной, например, в буддизме или индуизме. На субатомном уровне не существует ничего такого, что бы мы могли назвать воображаемой материей.

В первую очередь классическая наука была вынуждена поставить под сомнение непогрешимость собственных методологических основ, на которых зиждилось её чувство уверенности. Речь идёт прежде всего о тех основах, которые, как оказалось, наиболее ограничивают её дальнейшее развитие. Это механицизм, объективизм, редукционизм и детерминизм.

СЛЕДУЕТ ОТВЕРГНУТЬ УСТАРЕВШИЕ МИФЫ

Мы уже знаем, что не можем трактовать мир как бездушную машину. Наша Земля, Гея — не механизм, а тем более мы, сознательные частицы ее биосферы — не машины. Как единое целое мы составляем живой, сложный организм. Более того, такой взгляд вовсе не является для нас чем-то новым — мы знаем, что уже давно его ясно выразил Парацельс и на него опирался в своей небывало успешной медицинской деятельности. Парацельс считал, что Вселенная является живым существом и проходит те же самые фазы развития, что и все организмы. Он писал, что человек —

это микрокосмос, построенный из тех же самых элементов, что и макрокосмос, и что в космосе существует духовная связь всех вещей между собой. Ту же самую точку зрения исчерпывающе выразил и шотландский учёный Джеймс Хаттон в 1785 году на одной из своих лекций в Эдинбурге, сказав прямо: «Я считаю Землю суперорганизмом, функциями которого должна заниматься физиология».

В настоящее время на благодатную почву попала сформулированная британским учёным Джеймсом Лавлоком гипотеза Геи. Она пришлась по душе многим людям, разочарованным частичностью и банальностью научных гипотез, относящихся к человеку и Миру. В то же время оперирование категориями «Геи» позволяет нам лучше понимать естественные взаимозависимости и целостность жизненных процессов. Помогает оно нам также принимать многие мнимые противоположности как явления, которые взаимно дополняют друг друга и могут быть гармонизированы. Тем более, что растущие естественные знания убеждают нас, что атрибутом жизни является не взаимное исключение явлений (что зачастую нам внушает наука), а их взаимозависимость и комплементарность. Гармония не исключает рациональности, наоборот, она способствует сохранению пропорционального присутствия всех жизненных измерений. Ещё с античных времен символом этой гармонии была неразрывная триада: Красота — Добро — Правда. Все явления взаимозависимы, поскольку они сосуществуют в той же самой реальности, функционирование которой основано на взаимной причинности. Всё во Вселенной тем или иным образом связано с целым.

На рубеже XX и XXI веков большие сомнения возникли и в отношении столь любимого и внушаемого нам классической наукой объективизма. Новая наука также подрывает веру в его обоснованность. Одним из наиболее значимых открытий современной физики является принцип единства субъекта и объекта наблюдения. Из этого вытекает вывод, что наблюдаемые явления нельзя отделить от наблюдателя, а изменение точки зрения в опытах наблюдения влияет в том числе и на ход наблюдаемых процессов. А потому мы не можем утверждать, что являемся объективными наблюдателями исследуемой реальности. Более разумным будет замечание, что мы её участники. Отсюда, как утверждал известный в научном мире физик Джон Арчибальд Уиллер, «универсум не существует снаружи, независимо от нас. Мы сами неизбежно вовлечены в акт демонстрации того, что кажется нам происходящим перед нами. Мы являемся участниками, в некотором смысле мы живем в партиципирующем универсуме».

Таким образом, говорить об объективной реальности, которая существовала бы при одновременном отсутствии каких-либо наблюдателей, просто не имеет смысла. «Разум и мир сопряжены друг с другом, взаимозависимы, присутствуют в своём взаимном существовании», — так говорит Генрик Сколимовский, создатель концепции присутствующего (а значит, и участвующего) разума. Судьбы Вселенной переплетаются с разумом наблюдателя во взаимозависимой причинно-следственной петле (Participatory Mind, 1994).

Когда мы согласимся с тем, что мы не отделены, обособлены от мира, а являемся его имманентной частицей, тогда будет побеждено ощущение чуждости мира и возможно будет преодолеть разногласия и противоречия между посланиями религии и науки, которые зачастую вместо того, чтобы соединять нас с миром, нас с ним ментально разделяют.

Если мы обладаем целостным мировоззрением, мы понимаем, что являемся частицей природы и Космоса. Если же мы частица, то мы обретаем чувство участия в великом эпосе эволюции Космоса. Мы приходим из вещества Космоса, наши тела образованы из звёздной пыли. Мы одновременно и творения, и сотворцы Космоса. Если мы сознательно участвуем в этом процессе, мы понимаем не только свою ответственность, но также осознаём свою неповторимую ценность сотворцов. Но такое понимание нашей роли возможно только с целостной, холистической перспективой, когда наша принадлежность к Целому становится для нас очевидной и глубоко переживаемой. Так в нашем сознании выстраивается ощущение единства с природным целым и даже больше — с космическим целым. Так устраняется мучительная и сковывающая боль одиночества человека в Мире. За этим следует радостное чувство единства с большим целым и вытекающее из него ощущение силы. Одновременно растёт сознание совместного творения мира в нас и вокруг нас, а потому также и сознание общей ответственности.

Холистическое мышление даёт нам обширные перспективы, поскольку позволяет преодолеть тесные материалистические границы, очерченные редуционистским подходом. Однако оно требует предварительно померяться силами со сковывающей мощью детерминизма, который по сей день занимает сильные позиции в парадигме классической науки. По этой же

причине он распространился в обыденном мышлении, подсказывая удобное оправдание человеческой безответственности.

Эволюционный детерминизм, якобы полностью управляющий действиями человека, особенно усилился в связи с прочтением генома человека и поиском генетических причин всевозможных болезней. Это привело к утверждению догмы, что жизнь контролируется ДНК. Но, как доказывает новая биология, это вовсе не так. Это ещё один миф механистической науки, который, к счастью для нашего будущего мышления, недавно был опровергнут. Новая биология доказывает, что гены являются только респондентами наблюдений, воспринятых в среде оболочкой клетки. «Через поведение оболочки клетки мы можем собственно контролировать наши гены, нашу биологию, нашу жизнь и делаем это, хотя и верим, что являемся жертвами генов» (Bruce Lipton: *Biologia przekonań*, 2012).

Таким образом, именно мы своим мышлением и действиями программируем поведение наших клеток и можем тем самым влиять на поведение генов и изменение их свойств. И именно в этом направлении продвигалась эволюционная мысль Жана-Батиста Ламарка, к сожалению, беспардонно отвергнутая дарвинистами, что принесло вред дальнейшему развитию естественных наук. Сейчас новая биология даёт нам возможность осознать, что нельзя уже дальше распространять убеждение, будто мы бессильны перед «генетической программой», а потому полностью детерминированы.

Так нам была «возвращена» свободная воля. Иными словами, мы вернули себе убеждение, что имеем возможность осуществлять выбор и принимать собственные ответственные решения, благоприятные для здоровья и развития потенциала нашего организма и нашего жизненного успеха в целом. Это, в свою очередь, имеет непосредственное влияние на нашу социальную и природную среду.

Мы не бессильны перед ложно интерпретированным в дарвинизме принципом выживания в процессе эволюции наиболее сильных особей. Дарвинизм главной движущей силой эволюции упрощённо считал борьбу за существование, что стало небезопасным аргументом для эгоистических позиций и признания беспощадной силы прерогативой в общественной жизни. Это распространённое убеждение, что движущей силой эволюции является борьба за существование, оправдывает болезненное и опасное стремление к демонстрации силы и наполняет нашу жизнь негативным напряжением, страхом и чувством угрозы. Как следствие, это ведёт к внезапным вспышкам насилия и неконтролируемому, тотальному разрушению.

Современная наука доказывает, что в этом случае Дарвин совершил принципиальную ошибку. Разнообразие видов не зависит исключительно от мутаций, а также естественного отбора, происходящих в процессе взаимного соперничества, то есть в дарвиновской борьбе за существование. Скорее, сотрудничество и симбиоз составляют движущую силу эволюции. Именно сотрудничество, взаимодействие и взаимозависимость различных форм жизни сделало возможным распространение жизни. Жизнь развивается путём создания сети взаимодействия (Margulis L.: *Symbiosis in Cell Evolution*, 1993). На каждом уровне эволюции не конфликт, а сотрудничество ведёт к достижению высшего уровня развития.

Становится всё более очевидным, что редуccionистский образ мышления исчерпал свои возможности. Наука вынуждена приспособлять свои методы к исследованию чрезвычайно сложных, динамичных реляционных и фрактальных структур, которые через всё более глубокое проникновение в мир природы буквально раскрываются перед нашими глазами. Свойственный классической науке линейный характер дискурса непригоден для описания структур, которые открывает квантовая механика и новая биология. Сама жизнь органична, а потому постижение жизни и исследование жизненных структур тоже органично, а значит, нелинейно.

ФОРМИРУЕТСЯ НОВОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ

В нашем актуальном познании действительности наряду с эволюционизмом всё более выдвигаются на передний план заново сформулированные принципы исследования — органицизм, партиципизм, холизм. В сущности, эти подходы в исследовании мира всегда выступали на протяжении развития цивилизации и отчётливо проявились в истории культуры. Однако после утверждения материализма в европейской науке они были отстранены механицизмом, редуccionизмом и детерминизмом. Теперь же становится очевидным, что они вновь вернут себе должное положение в качестве наиболее эффективного способа познания Мира.

В отличие от механицизма, трактующего Мир как механизм, органицизм является гипотезой органичности, представляющей Мир как живой организм. «Организмами являются не только отдельные люди, но и вся биосфера, а также Вселенная. Органическая гипотеза выглядит новой, но в действительности это очень старая идея. Она только возвращается к нам в новой форме — более конкретной и убедительной, подкреплённой современными науками. Однако понять её не трудно. Просто наше образование опиралось не на эту идею, а на ньютоновское, механистическое мировоззрение» (Grof S., Laszlo E., Russel P. 1999).

Уже на рубеже XIX и XX веков оформилось русско-славянское философское течение — космизм. Оно априори утверждало органическое единство всего со всем и дало представление о Космосе как о живом организме, находящемся в постоянном взаимодействии с создателем.

В наше время всё большее значение приобретает холистическое восприятие. В Мире, который является единым целым, нет разделения микро- и макроуровней. То, как мы познаём, зависит от перспективы наблюдения, которую мы сами выбираем. Мы исследуем одну и ту же общую действительность. Когда мы опускаем различия культурных, а особенно научных записей, из-за ширмы языка описания выступает единство Мира.

Язык описания – это прежде всего наш естественный язык, который нас ограничивает. С одной стороны, язык делает доступными для нас накопившиеся знания и опыт других людей, с другой стороны, утверждает нас в убеждении, что ограниченное сознание и является именно тем единственно правильным. Чтобы преодолеть эту ограниченность, «мы должны научиться эффективно обращаться со словами, но в то же время мы должны сохранить и, если необходимо, усиливать свою способность смотреть на мир непосредственно, а не сквозь эту полупрозрачную среду представлений, которая искажает каждый факт, придавая ему слишком уж знакомое подобие некоей обозначающей этикетки или разъяснительной абстракции» (A. Huxley: Drzwi persercej, 2012).

Кроме того, научное описание, сконцентрированное на выявлении различий, наблюдаемых на детальном уровне, затрудняет нам понимание целостности.

Проблему познания можно, скорее, разрешить путём усовершенствования наших собственных навыков наблюдения и восприятия, путём тренировки концентрации внимания, очищения разума от искажённых умозрительных схем и гармонизации эмоций. Путь индивидуального развития может подготовить нас к лучшему восприятию этих необычайно сложных, динамичных структур реальности, которые открывают нам квантовая физика, новая биология и космология. Такой же смысл с давних времён имело учение йоги как тропы развития, ведущей к пониманию собственной структуры и структуры Вселенной, неотъемлемым аспектом которой является духовность. В понимании йоги «духовность — это вовсе не внешняя цель, которую нужно искать, а часть божественного начала в каждом из нас, которую мы должны открыть». Духовность, как пытается объяснить Айенгар Б.К.С. (2006), «не эфирная и сверхъестественная, а доступная и осязаемая в наших собственных телах. По сути, даже сама идея духовной тропы — ошибочное определение. В конце концов, как можно идти в сторону чего-то, что, как Божество, по определению, находится везде?»

Освободившись от мифов прошлого, мы получаем возможность увидеть нашу собственную природу в новом свете полученного опыта и расширенного знания. Мы сразу начинаем замечать, что мы не чужие в таинственной и неизведанной Вселенной. Наоборот, мы уже знаем, что рождены Вселенной, что мы из того же самого вещества, что и она, что мы её часть и более того — исключительно привилегированная, ибо можем это осознать.

Это означает, что в целостном, холистическом понимании мы также являемся частью процесса познания. Мы непосредственно присутствуем «внутри» процесса познания мира и одновременно влияем на его форму, так как наш разум является участвующим. Но этот новый подход к нашей роли во Вселенной ещё не столь распространён. Он вообще не гармонизируется или с трудом гармонизируется с нашим устаревшим мировоззрением, в основе которого лежит частичное знание и старые модели мышления. Эта зависимость составляет главный аргумент в пользу построения нового мировоззрения.

Современное знание о природе процесса познания подтверждает уже давно выдвинутый тезис, что мы конструируем образ Мира, который громко называем «объективной реальностью». Видение Мира — это отражение состояния сознания. Наш уровень сознания определяет, что мы видим в мире.

Казалось бы, утверждение, что видимый нами образ мира в значительной мере нашего авторства, можно считать пессимистическим выводом. Ведь он ставит под сомнение категорию объективизма, которой до сих пор злоупотребляли, и даже рационализм. Однако если мы присмотримся глубже к нашим отношениям познания мира, то вывод может оказаться оптимистическим. Основываясь на знании о том, как создаётся наш индивидуальный образ мира, мы можем понять, что имеем колоссальное влияние на его форму и что, в сущности, мы являемся его сотворцами. Это звучит неплохо. Однако если канву для этого творчества образует сформировавшееся ранее ложное мировоззрение, то оно направит и ограничит поиск информации о нас, о среде, как социальной, так и природной. Это приведёт к искажению и преждевременному обобщению доступной информации.

Эту зависимость легче будет понять и прочувствовать, если мы осознаем «парадигматичность» мировоззрения. Эта черта, описанная Т. Куном, теоретически была воспринята наукой, однако на практике сохраняются неизменные, упомянутые в этом эссе парадигмы, которые утратили свою пригодность. Это так называемое «парадигматическое ослепление».

То, как мы понимаем мир, имеет, конечно, влияние на наши этические принципы. Существенно прежде всего то, поняли ли мы в нашей познавательной позиции по отношению к Миру принцип собственного участия в жизненном процессе, в эволюционном процессе, а потому и ответственность за форму нашей жизни.

Именно из мировоззрения вытекает иерархия ценностей. Но если мировоззрение является редуционистским, разбитым на куски, «калейдоскопичным», то такова будет и псевдоиерархия ценностей, а вернее, разрозненный набор ценностей и целей, порой противоречащих друг другу.

Если мы являемся частью единого целого, способной осознать это единство, то именно внутри нас и находится ключ к познанию. Потому построение этого сознания начинается от «познания самого себя». Мы уже много раз это слышали и читали, но по-прежнему склонны искать ответ вне нас. Потому столь важен вопрос о природе человека.

Во-первых, мы являемся космическими существами. Мы возникли из Космоса и Космосу принадлежим. Современная космология открыла, что жизнь человеческого существа записана в свойствах каждого атома звезды, галактики и в каждом физическом законе, который управляет Космосом (такое же мнение высказал известный астрофизик Александр Волчан в 2009 году в Варшаве в своей лекции «Дети Вселенной»). Мы созданы из того же вещества, что и Вселенная, и участвуем в эволюции Вселенной с самого начала своего существования в ней, осознаём мы это или нет.

Наша натура энергетична, так же, как энергетична натура всего, что нас окружает. Взгляд на человека как на энергетическую структуру имеет давнюю традицию. Сегодня знания в области физики полностью подтверждают, что мы действительно существуем прежде всего как энергетическая структура, включённая в энергетическое поле Космоса. Более того, уже известно, что все процессы, связанные с изменениями, начинаются в нашем энергетическом теле, а затем проявляются в теле физическом. В настоящее время развивающаяся энергетическая медицина (называемая также вибрационной) принимает за основу своего функционирования именно энергетическую концепцию человека.

Кроме того, за последние десятилетия доказано, что процесс нашей личностной интеграции происходит путём активации связи с биосферой посредством сердца. Впервые в официальной науке говорится о сердце не как о метафоре, а как о центре управления, о главном органе восприятия, тесно связанном с мозгом и всегда взаимодействующим с ним (HeartMath Institute).

Обретая образ Мира, мы не можем ждать, пока интеграционная деятельность нашего мозга принесёт ощутимый нами результат, каковым может быть рост сознания лишь после многих лет индивидуального развития. Мы должны раньше принять к сведению, даже если нам трудно это понять, что с начала нашего существования клетки нашего тела наделены физиологическим умом. Иначе бы наши тела не смогли не только развиваться, но даже выжить. Этот взгляд покажется нам совершенно естественным, когда мы примем уже приведённую концепцию Вселенной как организма, аспектом которого является сознание.

Чтобы понять нашу роль в Мире, нам нужен взгляд на человека как на космическое существо. В соответствии с современными знаниями мы как частицы большого целого включены в процесс эволюции, а значит, динамика Вселенной относится также и к нам. Потому говорить о

нашей человеческой структуре имеет смысл только тогда, когда мы предполагаем её изменчивость и постоянное участие в большем процессе эволюционного развития и перемен. Мы являемся многомерной структурой, а потому существует большое разнообразие аспектов нашего бытия. Чтобы понять богатство этой структуры, мы также обладаем различными возможностями и способами восприятия всевозможных сигналов из окружающей среды. Это необходимо по причине постоянной адаптации к окружающей среде, а с другой стороны, адаптации окружающей среды к нашему видению и нуждам.

Уже известно, что свойственная нам индивидуальная энергетическая система включает нас в энергетическое поле Космоса, независимо от того, знаем мы это или нет. С полной уверенностью можно сказать, что мы вовсе не являемся некими изолированными сущностями, которые могут руководствоваться произвольно выбранными принципами. Мы включены в поле, которое имеет резонансный характер, мы являемся его частью и одновременно центром, который может это поле модифицировать своими свойствами и осознанным поведением.

Важно осознать и то, что нашим центром восприятия окружающей среды и осуществления выбора в буквальном смысле является сердце, которое включает нас в биосферу и её биологический ритм, свойственный всему живому.

МИРОВОЗЗРЕНИЕ УЖЕ ГОТОВО...

Мировоззрение, которое формируется на наших глазах и с нашим участием, уже готово. Много ответов на волнующие нас вопросы находится в великолепных статьях и книгах, которые появились в последние десятилетия. Некоторые из них напомнили нам глубокие, но забытые знания древности, которые теперь подтверждает новая наука.

Независимо от детальных форм, которыми мы творчески наполняем наш формирующийся образ Мира, он создаётся как КОСМИЧЕСКИЙ, ХОЛИСТИЧЕСКИЙ, ДИНАМИЧЕСКИЙ, ЭВОЛЮЦИОННЫЙ И КРЕАТИВНЫЙ, а одновременно ГЕРОИЧЕСКИЙ И УНИВЕРСАЛЬНЫЙ.

Поэзия

Анатолий Аврутин

Анатолий Юрьевич Аврутин - поэт, переводчик, критик, публицист. Родился в 1948 году в Минске, окончил Белорусский государственный университет. Автор двадцати поэтических книг, изданных в России, Беларуси и Германии, двухтомника избранных произведений «Времена». Главный редактор журнала «Новая Немига литературная», в 2005-2008 гг. - первый секретарь Правления Союза писателей Беларуси. Член-корреспондент Академии поэзии и Петровской академии наук и искусств. Лауреат международных литературных премий им. Симеона Полоцкого, им. Сергея Есенина «О Русь, взмахни крылами...», им. Бориса Корнилова «Дорога жизни», всероссийских премий им. А.Чехова, «Белуха» им. Г.Д.Гребенщикова, им. Николая Минского, «Русь единая», украинской премии им. «Молодой Гвардии», годовых премий журналов «Аврора», «Молодая Гвардия» и др. Название «Поэт Анатолий Аврутин» в 2011 г. присвоено звезде в созвездии Рака. Публиковался в «Литературной газете», «Дне поэзии», журналах «Москва», «Наши современники», «Молодая гвардия», «Юность», «Нева», «Аврора», «Форум», «Братина», «Север», «Сибирские огни», «Дон», «Подъем», «Великороссь», «Поэзия», «Невский альманах», «Московский вестник», «Родная Ладога», «Вертикаль. XXI век», «Литературный европеец» (Германия), «Мосты» (Германия), «Пражский Парнас» (Чехия), «Витражи» (Австралия), «Венский литератор» (Австрия), «Альманах поэзии» (США), газетах «Литературная Россия», «Обзор» (США), «Соотечественник» (Австрия), «Россия-Русия» (Болгария) и др.

Живет в Минске.

Стихи в Россию

Памяти отца

1.

Родина... Родители... Рождение...
Рожь... Россия... Розвальни... Росток...
Роковое слов кровосмешенье,
Роковое чтение между строк.

Сызмала я нет, приучен не был
Трепетать от трелей соловья...
Грозовая утренняя небыль,
Роковая Родина моя.

Но уже тогда я чуял кожей
С родником и рощицею связь,
С драною кошёлкой из рогожи,
Где ромашка робко привилась.

Жизнь вносила росчерком неровным
Правки в мельтешенье лет и зим.
Не бывает кровное – бескровным,
Не бывает отчее – чужим!

Папы нет... Никто не молвит: «Сынку,

Знай свой род и помни про него!...»
Поздняя слезинка, как росинка...
Робкий свет... И больше никого...

2.

Кто во гробе?.. – Папа мой лежит,
А вокруг – гвоздики да мимозы...
Мама бы заплакала навзрыд,
Но давно уж выплаканы слезы.

Пусть Всевышний так провозгласил –
Папа вскрикнул... Сбросил одеяло...
Мама б молча рухнула без сил,
Но давно уж силы растеряла.

Стылой прелью тянет от земли...
Что же ты наделал, святой Боже?
Маму б в чёрном под руки вели,
Но она давно ходить не может.

Лишь бессильно смотрит и молчит...
Снег на веках папиных не тает...
И невольно плачется навзрыд,
И под горло вечность подступает...

Что-то вздрогнет в душе...
Подхвачусь... Побегу под навес,
Чтоб в блокнот занести
 отражение редких прозрений.
И откликнется мне
 в своём вечном безмолвии лес,
И откроются мне
 к серым стенам приросшие тени.

Что беседовать с тенью?
Я тоже сегодня, как тень.
Мои близкие люди
 давно уже стали тенью.
Не поддайся печали
 и женщину взглядом раздень
Так, чтоб странная искра
 взахлёб заметалась меж нами...

И от искорки этой
 в ночи запылает костёр...
В стороне от костра
 закричит говорливая птаха.
Сам собой возгордишься –
 мол, всё же не тать и не вор,
Может, и не лихой,
 но испытанный парень-рубаша.

Пусть картавая темень
 разводится белым вином,
Пусть три жалких аккорда
 опять дребезжат о разлуке,
Пусть свеча догорела
 и всё в этом доме вверх дном --
Я могу целовать эти тонкие белые руки.

И останутся нежность и женщина
 в сумраке дней...
Извиваются руки,
 как в небе неслышная стая.
Всё забудется, знаю...
 Лишь тени забытых теней
Шевельнутся порой,
 что-то в стылой душе пробуждая...

***В годы войны на территории Белоруссии
фашисты создали 14 лагерей, в которых
полностью забирали кровь у детей,
переливая её своим раненым.
Тела умерших детишек сжигали.***

- Я з Крыніц... Жыва пакуль*...
Зваць Алеся.
- З Докшыц я... А ты адкуль**?
- Я з Палесся...

Кровь возьмут до капли, всю,
Без разбору.
Было б восемь Михасю,
Шесть – Рыгору.
А Алесе скоро семь...
Время мчится.
Было б лучше им совсем
Не родиться.

Горе-горюшко родне...
Крови алость,
Что немецкой солдатне
Доставалась.

В госпитальной чистоте
Бывшей школы
Перелили в вены те
Кровь Миколы.

Заживляла след от пуль
Кровь Алеси,
Что шептала:
- Ты адкуль?
Я – з Палесся...

И фашист, набравшись сил,
Встав с кровати,
Нет, не «муттер»*** говорил,
Плакал: «Маці...»

И не мог никак понять,
Хромоножка,
Почему назвать кровать
Тянет «ложкам»****?

Ведь не знал он этих слов...
Как, откуда
У немецких докторов
Вышло чудо?

Не понять ему – бандит, –
В мракобесье:
Кровь Миколы говорит,
Кровь Алеси...

*Пакуль (бел.) – пока
** Адкуль (бел.) – откуда
***Муттер (нем.) – мама
****Ложак (бел.) – кровать

Снова колокол бьёт
 над нелепым, мрачнейшим миром,
Снова странен и страшен его вразумляющий
зык.

Кто придёт и воздаст
за напрасные муки кумирам,
Кто двуликому Янусу бросит: «Да ты же
двулик?..»

Я не верю молве –
всех великих молва оболгала,
Я не верю толпе, что затопчет, а после –
бежать...

Первый снег на дворе
раскатает своё покрывало,
И по вспученным венам опять побежит
благодать.

Как же сладостно – снег!
Как пронзительно – колокол слышен!
Как скворцы осторожно
простор отдают снегилям!
Как же терпки слова
с горьким привкусом мёрзнущих
вишен,
Как прозрачен твой образ, что я никому не
отдам!..

И пускай отгорит,
что ещё отгореть не успело,
Пусть звучат голоса
из-под серых кладбищенских плит...
Нынче колокол бьёт... Благодать... И какое
мне дело,
И какое мне дело, что завтра ещё отгорит?..

Нынче колокол бьёт...
Что-то тёплое гонит по венам.
Кто-то мимо прошёл, на снегу не оставив
следа...
И так жаждешь сказать
о мучительном и сокровенном...
Но ведь колокол бьёт...
И не скажешь уже никогда...

В Россию можно только верить...

Фёдор Тютчев

Хмур проводник... В одеяле прореха...
Старой любви не зову.
Кто-то в истории, помнится, ехал
Из Петербурга в Москву.

Кучер был хмур... Дребезжала карета.
Лошади хмуро плелись.
Хмуро вливалось тягучее лето
В хмурую русскую высь...

Тысячи раз отрыдала валторна, –
Мир без концов и начал.

16

Помнится, памятник нерукотворный
Кто-то уже воздвигал.

Нету концов... Позабыты начала.
Прежний отвергнут кумир.
Вспомнишь с трудом две строки про мочало,
Что нам твердил «Мойдодыр»...

Вспомнишь... Под визг тормозов на уклоне
Вытащишь хлеб и вино.
Снова умом ты Россию не понял,
Снова лишь верить дано...

Линия жизни, как чёрточка мелом -
Белым по чёрному, истово белым,
Свет разделила и тьму.
Дождь не кончается... Холодно... Слякоть...
Хочется снова забыться, заплакать,
Бога спросить: «Почему?..»
Может быть, просто теперь понимаю
Горе-соседа, прожившего с краю,
Что ни во что не встревал.
Мы бунтовали, дерзали, кипели...
Бунты подавлены... Смолкли свирели.
Стяг на флагштоке не ал...

Прежнее – вымарать?.. Предки – не правы?
Мы – незаконные дети державы,
Что обратилась во тлен?..
Так получилось?.. А что ещё будет?
Наших героев за подвиги судит
Время плевков и измен.

Время бесовское... Сняты портреты...
Где же вы нынче – вожди и поэты?
Недругам льётся елей.
О, воспевание лжи и увечий! –
Разве воспетый порок человеческий
Сделает души светлей?

Лампа прикручена... Дело за малым –
Зябкие плечи прикрыть одеялом,
Вспомнить, что чай на столе...
И возмечтать – вдруг такое случится:
Кто-то среди полночи в дверь постучится,
С ним порыдаем во мгле...

Бывший...

Забыть на час, что ты никто,
Хоть был недавно в силе.
Утожить галстук и пальто,
Гордясь, что пригласили...

Явиться... Озирая зал,

Торчать в углу у входа:
Ну, хоть бы кто-нибудь узнал
И руку, руку подал...

И даже дёрнуться слегка
Туда, где сквозь истому
Была сановная рука
Протянута другому.

Чуть подзабыв привычный зуд
Во всём искать услады,
Подумать: «Ладно... Хоть зовут...
Могли б не вспомнить... Гады...»

А на банкете, у стола,
Тайком бутылку спрятать,
Фужеров выпить – несть числа,
И падать... Падать... Падать...

И люблю... И боюсь...
 И смеюсь...
 И рыдаю над теми,
Кто, страдая, не выжил
 среди этих унылых широт.
Просто в омут нырнул...
Просто канул в промозглую темень...
 на этих просторах живёт.
И когда в полумгле
 всё скрипит полувысохший тополь,
Легкокрылую сойку
 единственной веткой держа,
Слышу гуннов забытых
 тяжёлый и мертвенный топот,
И всё жду,
 что ордынец
 вдруг вынырнет из камыша.
И начнут они жечь,
 что ещё на Руси не сгорело,
И руины соборов
 в руины руин превращать...
Будут плети свистать,
 и пленённое женское тело,
Ту любовь ненавидя,
 начнёт им любовь отдавать...
Что-то ухнет в ночи...
Пропоют о своём половицы...
И, как будто с похмелья,
 я в чёрной ночи подхвачусь.
И понять не смогу –
 если всё это мне только снится,
Почему так печальна
 пресветлая девица-Русь?
Почему же и днём
Путь-дороженьку шарю на ощупь,
В обмелевшей запруде

давно зацветает вода?..
Только сизая хмарь...
Новых гуннов тяжёлая поступь...
Да раскисший просёлок,
 который ведёт в никуда...

Публицистика

Олег Щеблыкин

Олег Владимирович Щеблыкин родился в селе Парусное Воронежской области. После срочной службы на Дальнем Востоке учился на факультете журналистики Львовского высшего военно-политического училища, служил в редакциях флотской и окружной газет в Калининграде и Санкт-Петербурге. Ныне преподаватель Военно-морской академии. Педагог высшей школы. Капитан второго ранга. Ветеран военной службы. Общественный деятель. Лауреат и дипломант всероссийских и областных литературных конкурсов. Член Союза журналистов (1993) и Союза писателей (2013) России. Автор пяти изданных книг поэзии и публицистики. Автор-составитель и участник коллективных сборников. Главный редактор исторического и информационно-аналитического журнала «Морское наследие».

София и хаос

История XX века и первых десятилетий века текущего преподала человечеству наглядный и трагический урок: до тех пор, пока мышление строится на принципах абсолютного рационализма, неминуемо исчезает осмысление и созидание существенной части духовного бытия, а следовательно, и главного представителя духовного начала - человека. На основе рационализма можно достичь любой цели. Но этот путь неизбежно проходит через... другого человека. Или, если цель возведена на национальный уровень, то и через другое общественное образование – племя, государство. Победители и жертвы! Цена успеха! Вкус наживы! Прорыв или надрыв?

Два образа мышления - две культуры, во многом полярно противоположные. Россия не чужда их носителям - ни Западу, ни Востоку, и потому способна аккумулировать всё то, что есть ценного в этих двух, так непохожих друг на друга цивилизациях. В этом свойство её культуры, её универсальность.

Выражая собственное мнение, скажу, что место России не на Востоке, под которым принято понимать Азию, и не на Западе, под которым подразумевают Европу и Северную Америку. Просторы России - и в Европе, и в Азии. Конечно, географические особенности накладывают отпечаток на культурный облик народа. Но лучше бы России быть зеркалом, в которое смотрелись бы эти культурные полюсы. Мысль эта амбициозна. Трудно быть образцом. И в один момент им не стать. К счастью, прошло время, когда было не принято говорить о родной стране в превосходной форме. Именно сейчас наступил переломный момент, когда всё «лучшее отечественное» должно быть по достоинству оценено, аккумулировано и использовано на благо России.

Ещё в первой половине XIX века П.Я. Чаадаевым был выявлен и теоретически осмыслен тот факт, что культуры Востока и Запада по-разному воспринимают и осваивают окружающий мир. Со времён античности западная цивилизация строится на основах рационализма, что обуславливает индивидуалистический крен в вопросах взаимоотношения человека и мира. Отсюда и специфическая иерархия ценностей, в которой верховное место занимает бытие личности. Отсюда же и динамичный, подвижный характер западного общества, который позволил достичь невиданных успехов в науке, технике и материальном производстве.

На Востоке господствуют внерациональные механизмы познания и освоения мира. И на основе этих механизмов создана самобытная восточная культура, где индивидуальность оказывается поглощённой универсумом, где бытие личности ориентировано на подчинение интересам целого - общины, государства, макрокосма. Восточное мировоззрение покоится на иных категориях: знанию оно часто противопоставляет понимание, изучению - чувствование, активному мышлению - пассивное созерцание, осмыслению - переживание.

Анализируя современную духовную жизнь, можно констатировать, что сегодня политические, правовые, межличностные отношения строятся на основе всеобъемлющего внедрения рационально-экономического стиля мышления. Но, строго говоря, так называемое «экономическое мышление» уже взяло верх не только в области политики, но и на всех уровнях духовной жизни человечества.

Даже в сфере межличностных отношений этот принцип из разряда необходимых перешёл в главенствующий. Экономическое мышление как результат многовековой практики есть величайшее порождение рационалистического ума и в качестве регулятора общественных отношений, безусловно, несёт в себе колоссальный конструктивный заряд. Беда не в том, что экономизм внедрился в наше сознание. Беда в том, что экономизм, внедрившись в наше сознание, приобрёл тотальное влияние.

Теоретически экономический стиль мышления является лишь одним из способов мышления вообще и поэтому представляет собой не что иное, как одно из проявлений «отвлечённых начал». А любое отвлечённое начало, возведённое в абсолют, через свою гипертрофию неизбежно обречено на самоотрицание. Практически же такое самоотрицание наблюдается уже сейчас, и становится совершенно ясным, что цивилизация XXI века либо будет существовать на иных основах, либо вовсе существовать не будет. И в данном случае остаётся актуальной мысль о том, что XXI век будет веком религии или его вообще не будет. Такой прогноз на нашей встрече сделал Нобелевский лауреат по литературе Чеслав Милош в 2002 году, за два года до его смерти. В своей небольшой квартире в Кракове меня любезно принимал убелённый сединами 90-летний старец. Разговор длился не больше часа. Я тщательно зафиксировал содержание беседы и постоянно возвращаюсь к ней.

«Я думаю, что место религии в XXI веке очень значительное, пусть и не всегда доброе, - говорил он. - Эта встреча религий Востока и Запада очень интересна для наблюдения. Я долго жил в Калифорнии и наблюдал влияние буддизма. Не думаю, что Запад способен понять смысл религии Востока - Индии и других стран, стран буддизма, например. Нет, я говорю не о конфликте. Сейчас – большой хаос. И трудно предсказать, что нас ждёт».

В самом деле, что нас может ожидать в будущем, если мы всё-таки будем ориентироваться на Запад и, следовательно, будем продолжать экономизировать вслед за бытием своё мышление? Очевидно, что в этом случае мы обречём себя на долгий и мучительный путь, не сможем избежать дальнейшего ожесточения общества; ценности нравственного и эстетического характера надолго окажутся отодвинутыми на второй план. Дистанция между нами и Западом неизбежно сохранится, и потому любая конкуренция на чисто экономических основах бессмысленна.

В этом контексте особого внимания заслуживает Калининградская область, жители которой помещены в противоречивые условия. С одной стороны субъект федерации в силу геополитического положения в окружении Евросоюза подвержен сильному внешнему воздействию. С другой, внутренние общественные отношения регулируются федеральным законодательством. По всем формальным признакам независимости, самостоятельности и суверенитету России в Калининградской области ничто не угрожает. Но внешнее спокойствие не означает спокойствия внутреннего. Общественная жизнь здесь активная, если не сказать кипучая, именно в силу столкновения разнополярных интересов. С 1991 по 2007 год я жил в Калининграде, здесь родились мои дети. Находясь последние шесть лет в Санкт-Петербурге, внимательно слежу за событиями, а когда удаётся бывать в Калининграде, то и участвую в них.

Надо ли говорить о том, насколько велико влияние Литвы, Польши, Германии, да и всего Европейского Союза на Калининградскую область и её жителей? И экономическое, и культурное. Наиболее популярна, конечно же, немецкая тема. А в ней ярко выделяется фигура Иммануила Канта. Конечно, это значительная личность. Мавзолей над могилой, памятник, доска с изречением, имя университета – знаки, его увековечившие вопреки всем переменам за два с лишним века. Но, осмелюсь высказаться, отношение у многих к этой фигуре и её роли в развитии философии и цивилизации в целом достаточно поверхностное. Насколько позволяет мне пространство чистого листа, постараюсь кратко обрисовать ситуацию. Известная часть публики воспринимает Канта как своего земляка, проявляет к нему краеведческий интерес и даже копирует ритуалы его обыденной жизни.

Мне хотелось бы пожелать, чтобы И. Кант и его деятельность рассматривались в контексте эпохи. Он жил в период перехода Пруссии от своего провинциального состояния к идее лидерства среди германских государств, укрепления её позиций в Европе. Кант выдвигается на

передовые позиции в немецкой науке. И хронологически в это же время в своих трудах Кант приходит к идее отрицания Бога. Известно письмо Фридриха Великого, который указал, что не может позволить, чтобы в его христианском государстве отрицали Бога. Кант следует политической конъюнктуре и создаёт четвёртый императив. Этот момент, кстати, обыгран в романе «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова в сцене на Патриарших прудах. Дословные формулировки хорошо известны, потому что это классика. Первыми тремя императивами он отрицал Бога, а четвёртым он его вернул в свою философскую конструкцию. Высказав в определённый момент то, что думает, он был вынужден пойти на политическую сделку с королём. Канту нельзя отказать в гибкости, изворотливости ума, ибо целью этой сделки было сохранение основного ядра его философии. Так состоялась защита рационального зерна от внешних посягательств. Цель достигнута. Средства?

Основная идея ставит человека в середину творения. Антропоцентризм. И в тоже время Бог – высшая идея человека. С одной стороны, человек – высшая идея Бога, с другой, человек творит Бога. В обоих случаях – по образу своему. При этом не так уж важно, кто сотворил кого. Кант не даёт ответа на вопрос о том, что является источником творения. Гегель продолжает его философию и называет источником творения Дух. В XX веке возникает новая наука этология, одним из исследователей, внёсшим в её развитие большой вклад, был Бруно Беттельгейм. Его первая публикация «Индивидуальное и массовое поведение в экстремальных ситуациях» вышла в США ещё в 1943 году. Этот австриец в течение одиннадцати месяцев был узником немецких концентрационных лагерей Бухенвальд и Дахау. В 1939 году он был выпущен по амнистии к дню рождения А. Гитлера и смог перебраться в Швейцарию, а затем - в США. В дальнейшем он изучал и сопоставлял внутренние режимы нацистских и советских лагерей. Беттельгейм пришёл к следующему выводу: в советских лагерях можно было выжить, так как там использовались способности человека. В немецких же лагерях ставилась лишённая идеи Бога задача сломать человека как личность, превратить его в «идеального заключённого», а потом и уничтожить физически. Разум творит себе Бога. По-русски прямо противоположно: не сотвори себе кумира. Без Бога человек не видит себе ограничений.

Из Канта вызрела немецкая классическая философия, из неё – европейская. Далее философия стала основой идеологических концепций: в Европе коммунизм, фашизм и национал-социализм. Но в отличие от Запада, который в ту эпоху восхищался позитивизмом и отрицал собственно философское знание, в России сформировался круг философов, не принявших западных веяний и создавших оригинальную российскую философию, величайшими открытиями которой Россия всегда может гордиться. Это - Владимир Сергеевич Соловьёв, Николай Александрович Бердяев, Василий Васильевич Розанов, Сергей Николаевич Булгаков и другие. Они выступали с критикой западного пути развития, как ведущего в духовный тупик, превращающего человека из субъекта в объект, и тем самым разрушающего самые глубинные слои существования культуры.

Важное отличие самобытной российской философии от западной - её глубокая религиозность, напрямую связанная с традиционной религиозностью всего русского народа. И если западная философия изощрялась в анализаторстве, то для российской философской мысли намного ближе были идеи соборности, единения во имя всеобщего спасения. Оригинальная русская философия получила своё развитие и в трудах представителей русского религиозно-философского Ренессанса (отец Павел Флоренский, отец Сергей Булгаков, Н.А. Бердяев).

С.Булгаков блестяще доказывает, что марксизм есть извращённая религия, основой которой является некорректное политэкономическое истолкование еврейской хилиастической утопии (хилиазм - царство святых на земле). Марксизм лишь перевернул с ног на голову идею богочеловечества (восхождение человека к Богу), заменив её идеей «человекобожия» (низведение божественного к человеческому, принцип «самообожествления»). Наряду с отцом Павлом Флоренским (1882-1943) С. Булгаков разрабатывает учение о софийности мира, о сопричастности каждой земной твари и человечества в целом божественной премудрости, божественной красоте и любви. София, по мнению мыслителей, - актуальная связь между Богом и человечеством, которая дана ему в самом реальном бытии и которая наполняет жизнь подлинным смыслом. Учение о Софии так и не было понято и воспринято при жизни этих философов. Взгляды Сергея Булгакова были осуждены ортодоксами православной церкви, а Павел Флоренский окончил свой жизненный путь в сталинском лагере на Соловках.

Традиции оригинальной русской философии продолжили мыслители послеоктябрьского зарубежья (С.Л. Франк, Н.О. Лосский, Л.П. Карсавин, Л.А. Шестов, Д.С. Мережковский, С.А. Алексеев, Б.П. Вышеславцев, И.А. Ильин, отец Георгий Флоровский, отец Василий Зеньковский), философы православной церкви (Александр Мень) и даже некоторые мыслители советской России, например, А.Ф. Лосев.

А русская философия – это поиск Бога (Ильин, Соловьёв), а не противопоставление человека и Бога, поиски следа Бога в человеке. Приняв западную идеологию и свойственный Западу цинизм по отношению ко всему окружающему миру, включая человека, мы оказались вне идей гуманности, отказались от человеческого отношения к человеку, как это ни парадоксально. И надо понимать, что Кант и его учение являются базисом для оправдания потребительского отношения человека ко всему, в том числе и к самому человеку. К подобным выводам пришёл последний русский философ Лосев. Далее философия не продвинулась. От Сократа до Ницше на Западе и Лосева - в России.

Любовь к мудрствованию - то, на чём сформировалась европейская цивилизация. По восточной линии философские концепции формировались в поиске морального закона. Европа стремится к единой идее, проще говоря, к унификации, которая спасёт всех, невзирая на количество жертв. Глобализация! А Восток спасает каждого, суля индивидуальное спасение, несмотря на то, что другие губят себя. Это и буддизм, и конфуцианство, и синтоизм. И получается, что эти концепции в мировоззрении человека соприкасаются в России и обнажают своё противоречие. И именно в России возникает идея соборности (всем миром) – отказ от личных эгоистических выгод в пользу всеобщего блага.

Ярким проявлением российской культуры стала литература. Практически все идеи, будоражившие умы, проверялись на литературном материале. Наиболее значительными и продуктивными в этом отношении явились первая и последняя трети XIX столетия, а также Серебряный век. Воспетые и затронутые темы, безусловно, выводят и на современные ключевые вопросы гуманитарных наук. А раньше единым полем была литература, в которой всё и вызрело. Примеры Л. Толстого, Ф. Достоевского характерны.

А какой всплеск литературы произошёл в военную пору. На надрыве, на грани жизни и смерти! Весь мир знает русские песни той поры.

Калининград – показательное поле битвы. Здесь логика земли противостоит вторжению. На земли истреблённых в XIII веке Тевтонским орденом пруссов в XX веке пришли русские, белорусы, украинцы, литовцы, для которых идея соборности является генетически близкой. Поэтому Калининград – это Россия со своей соборностью. И по своему составу подавляющая часть населения – люди православные. Запад ведёт своё вторжение - только современными методами, направленными на размывание, а в итоге - на уничтожение национального характера и культуры.

Что осталось от пруссов? Факт их легендарного существования и... уничтожения в результате рыцарских походов, отблески топонимики... Мы даже достоверно не знаем, как долго древнее племя жило в этих местах. С 1256 по 1945 год, то есть 689 лет эту территорию занимали немцы. Конечно, 68 лет российской истории этой земли в XX и XXI веках несравнимо мало, чтобы сразу или вдруг всё преобразовать. Процесс изменений идёт. В этом крае на основе русской матрицы происходит симбиоз различных культур. И различные проявления этого процесса – лишь подтверждение динамики перемен. Калининград динамичен. Калининградцы динамичны. Мы живём в прекрасное время, которое открыло возможности использовать опыт предыдущих поколений, а он богат и многообразен.

Так уж повелось, что стройкам, технике, технологиям уделяется всегда больше внимания, чем людям. Но техника служит лишь усилению возможностей человека. Эксплуатируют и применяют её люди. Всё зависит от них. И самые сложные ситуации, вопреки всему, разрешались благодаря так называемому человеческому фактору. Люди с их энергией и уникальными творческими способностями – вот главная ценность!

И каждый гражданин России – это личность. Цельность ей придаёт обязательный набор характеристик. *Первая: убедительный (осмысленный) патриотизм.* В моём понимании любовь к Отечеству, служение родине не должны быть слепыми. Чувственное начало обязательно должно опираться на интеллектуальный базис. Основательное знание собственной истории при развитом гражданском сознании само по себе предполагает патриотичность убеждений и устремлений и не нуждается в дополнительных усилиях. *Вторая: развитые творческие способности.* Каждый из

нас талантлив. Только индивидуальность проявляется по-разному, поэтому способности необходимо развивать, дабы быть полезным обществу и жить с интересом. *Третья: широкий кругозор.* Он позволяет определять своё место в обществе и место своей страны в многополярном мире. *Четвёртая: совершенное владение русским языком.* Именно так, поскольку язык – система. Включаемые в нашу речь заимствования из сферы информатизации и обслуживающей её английской терминологии подчиняются законам языка. Он регулирует сопряжение одного с другим. И активные коммуникационные процессы только обогащают нашу жизнь.

Все эти характеристики системны. А значит, возникают не вдруг, поэтому личность, в которой логически сочетаются необходимые мировоззрение и способности, надо воспитывать. Именно воспитание тут во главе угла – чуткое, каждодневное, всепоглощающее, свергающее человека в водоворот жизни без всякого остатка. И система отношений выглядит настолько объёмной, что в короткой статье не отразить.

Движение от хаоса к упорядоченному состоянию осуществляется через усложнение системы. Любое качественное изменение состояния системы (или режима её работы) производит впечатление неожиданного. При более детальном анализе выясняется, конечно, что ничего «неожиданного» не произошло. «Причиной» неожиданного, как правило, оказывается неустойчивость. Выживают те социальные системы, которые в максимальной степени могут использовать «внешнее вещество и энергию» — капитал, трудовые ресурсы, сырьё, энергию, знания и современные технологии. Способность к этому практически всегда определяла исход конфликтов между социальными организмами и их организованными системами, а также отбор таких систем. Человеческое общество является самой высокоорганизованной из всех известных самоорганизующихся систем, и это отражается на сложности и степени организованности его аппарата регуляции. Саморегуляция в социальной системе осуществляется преимущественно информационным способом. Такая саморегуляция опирается на созданную в процессе исторического развития искусственную систему абиогенных средств — механизмов культуры и способов их актуализации.

Россия уже есть. Россия есть как великая страна со своей собственной великой историей, с великой культурой и великими традициями. Россия никогда не была ни Европой, ни Азией. Она всегда была именно Россией. Она и сейчас остаётся Россией и всегда останется только ею. Только внутренняя самодостаточность, цельность, по-моему, даёт право на самостоятельность, на обладание равными возможностями и условиями их реализации. Послом России в мире должна быть её уникальная культура, достижения которой имеют мировое значение и потому бесценны. И чем больше современная русская культура будет фонтанировать, представляя миру лучшие образцы и достижения, тем быстрее страна приблизится к образу зеркала, в которое будут всматриваться и Восток, и Запад. К этому необходимо стремиться, потому что это даст стабильность. Лучше определённости ничего нет.

Народ – это преимущественно живущий организм с целями и ценностями национального бытия, с общим духом и верой, общими историческими и ежедневными переживаниями. Только такой инициативный порыв превращает население в нацию, толкая её к продолжению непрерывного творческого акта.

Поэзия

Валерий Хатюшин

Родился в 1948 году в городе Ногинске (Богородске) Московской области. Там же окончил среднюю школу. Служил в ракетных войсках в Сибири, работал на строительстве газопровода «Север-Центр», строил КамАЗ. Первая книга стихотворений «Быть человеком на Земле» вышла в 1982 году. С 1986 года член Союза писателей СССР и России. Окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте им. М. Горького, автор многих книг. Более двадцати лет отдал работе в журнале «Молодая гвардия», в настоящее время является главным редактором этого русского национально-патриотического издания. Лауреат отечественных и международных литературных премий.

Солнце русских

Вырвусь я в своем пророчестве
Из тоски лихих годин.
Даже в полном одиночестве
Я на свете не один.

Пусть душа, ни с чьей не схожая,
Словно комната пуста,
Предо мною – мать Божия
И спокойный лик Христа.

Лампа ночью долго светится
Над застывшею строкой.
Есть мне, с кем глазами встретиться
И к кому прильнуть душой...

Солнце русских

Время русских ещё не пришло,
Наше солнце пока не возшло.
Мы живём в полуночной стране,
День далёкий мы видим во сне.

Слишком плотно обьяла нас тьма,
Нам родная страна – как тюрьма.
Людям наши слова не слышны,
Наши слёзы во тьме не важны.

Пусть безумен в жестокости враг,
Точим мы безысходность и мрак.
И в глазах, где отчаянья нет,
Зреет грозный спасительный свет.

Мало нас, кто упорен и смел,
Кто глухое безделье презрел.

Мы готовим великий восход,
Наше солнце без нас не взойдёт.

Наверно, смешно и нелепо
В закатную верить зарю...
Смотрю на вечернее небо,
Спокойно и долго смотрю.

Мне волосы ветер полощет
И полнится взгляд синевою,
Я вижу яснее и проще
Прошедшее перед собой.

Ведомый велением вышним,
Прорвал я соблазны греха.
Что было никчемным и лишним –
Отсеялось, как шелуха.

Испытан земной маятою,
Я с ней расквитался давно.
Всему пережитому мною
Меня пережить суждено.

И вот, не забывший о многом,
Судьбу разглядевший свою,
Безропотно, как перед Богом,
Под небом вечерним стою.

Внимаю сердечной надежде
на эту живую зарю,
С любовью, неведомой прежде,
В предвечное небо смотрю.

В родной деревне

Вместо речки – ручеёк,
Продан детства дом.
И в окошке огонёк
Скрыт глубоким сном.

Всё чужое: дом не тот
И не тот забор,
Пёс рычащий у ворот
И недобрый взор.

Здесь ли я играл в лапту
И гонял гусей?
Здесь ли высмотрел мечту
Жизни всей своей?
Ухожу, и боль тоски
Сердце бередит,
Словно вслед из-под руки
Бабушка глядит...

Пасмурный вечер, тяжёлые тучи,
Трепет листвы на кустах...
Нет, мне уже никогда не наскучит
Серая муть в небесах.
Ветер и дождь в среднерусской природе
Грустному сердцу нужней,
В этой холодной ненастной погоде
Легче ему и вольней.
Взгляд мой оживший спокоен и светел,
Сладостно дышится мне.
Скоро и сам я, как дождь и как ветер,
Буду в родной стороне...

Сирень

Опадает сирень, исчезает...
И вернулись на миг холода.
Майский день, словно жизнь, угасает,
Погружаясь во мглу навсегда.

И от сорванной ветки сирени
Вечер в комнате дышит тоской.
На твои, дорогая, колени
Я прилягу колючей щекой.

И такую почувствую нежность
В невесомой, в горячей руке!..
Всех остывших ночей безутешность
Просквозит по шершавой щеке.

Просквозит и слезинкой истает
Под теплом чуть дрожащей руки...
Отцветает сирень, облетает
В терпких волнах весенней тоски.

Новый снег ляжет на землю,
Из-за туч вырвется просинь...
Словно дар Божий, приемлю
Шестьдесят пятую осень.

Что-то в ней было такое,
Отчего верится очень,
Что вернёт время былое
Шестьдесят пятая осень,

Где меня жизнь не состарит,
Где с висков ссыплется проседь...
Блеском глаз щедро одарит
Шестьдесят пятая осень.

Но зима всё ж не минует.
Мокрый лист шмякнулся оземь.
Первый снег в щеки целует
Шестьдесят пятую осень...

Проза

Александр Грибков

Александр Фёдорович Грибков родился в 1952 году в городе Волгограде. После окончания средней школы и службы в армии учился в институте и в мореходном училище. Работал на севере в Траловом флоте и в Московской Патриархии. Автор эзотерического трактата «Имя зверя (тайна слова)».

Библиада, или Литературный герой

Роман. Окончание. Начало в №№ 1, 2. Полная версия романа на сайте <http://vmfor.jimdo.com/>

Глава 5

Если от Бога, если ему всё видно - зачем же тогда на одного валить? Ведь надо ж распределять как-то...

А. Солженицын. «Раковый корпус»

Приближается час, которого я не люблю, потому что давно уже потерял сон.

Б. Пастернак. «Доктор Живаго»

... И те, кому мы посвящаем опыт, до опыта приобрели черты.

О. Мандельштам

Он же псих.

Ю. Домбровский. «Факультет ненужных вещей»

... Из-за которой были слышны от слова до слова их разговоры.

Б. Пастернак. «Доктор Живаго»

Она уже на пути домой.

Т. Линдгрен

То, что «любимую студент терял», - след этого судьбоносного для себя события Кобецкий обнаружил случайно - у шведской писательницы Сельмы Лагерлёф. Там же он обнаружил и недвусмысленное подтверждение верности своего предвидения - «она владела даром ясновидения, умела заглядывать в будущее и предсказывать людям, что с ними случится, до того точно, словно уже видела это собственными глазами».

Так и произошло. Когда Ольга уходила, он был дома. На санках, с новым «мужем» она перевезла вещи. Её Кобецкому удалось увидеть только со спины и издали - в окно с лестничной площадки: тот тащил санки, а Ольга шла сбоку и придерживала коробки. За три раза они перевезли всё. По интервалу между ходками он определил, что устроились они неподалёку. Так потом и оказалось. Жильё они сняли в частном доме, в десяти минутах ходьбы. Потом Ольга зашла напомнить о Багире (полудикой сиамской кошке, которую себе завела). Багира где-то гуляла, и Ольга предупредила, что завтра зайдет за кошкой. А Кобецкий, избегая встречаться с ней глазами, рассеянно перелистывал библиотечный журнал с пустяшным романом Сальваджо.

Неубедительный его герой *Себ*; одна стоящая фраза, и та Данте: *«Дочь праха не бывает так разом прекрасна и чиста»*.

«Да», - сказал он, пообещав не выпускать Багиру из дома.

Всё так же, не поднимая глаз, он с отвращением пролистнул страницу - постельную сцену, подчеркнутую кем-то карандашом. А она, прежде чем закрыть за собой дверь, сказала: «Пойми, я х о ч у ж и т ь».

Повторила то (пророческое), что не далее, как вчера, ему уже привиделось у Горького в «Дачниках». Это самое *«хочу жить»*.

Ольга ушла (уже окончательно), а его начало трясти. И он в бессилии сжимал кулаки. И от сознания бессилия что-либо изменить, и от понимания правоты Ольги.

Заточив себя в этой комнате, отгородившись от всего и живя в недоступном для неё собственном мире идей и книг, что оставлял он ей?..

После ухода Ольги он, как обычно, обратился к Библии. Открывал наудачу и читал первое, что бросалось в глаза:

«... потерял ли жену, не ищи жены».

Он закрывал и открывал опять:

«... она сядет напротив всякого шатра, и пред стрелюю откроет колчан».

И сердце его разрывалось от ревности и от горя.

Он закрывал и открывал:

«... досада, стыд, срам, когда жена будет преобладать над своим мужем. Сердце унылое и лицо печальное, и рана сердечная - злая жена».

И ненавидел весь мир.

«... кто зол для себя, для кого будет добр».

И Кобецкий опять открывал Библию:

«... трудно тому, кто ищет трудного».

И когда, отшвырнув Писание, он снова (только в виде эксперимента, только для того, чтобы уничтожить этот, смеющийся ему в лицо, фантом) ухватился за журнал, то его глаза сразу же выхватили то, о чём Кобецкий и думал:

«... Ничего, я подожду, я буду ждать месяцы и годы, но я дождусь дня твоего заката, когда увянет твоё красивое лицо и одряхлеет тело. Тогда я вернусь, постучусь, и ты откроешь, и я, наконец, рассчитаюсь с тобой»...

И журнал летел следом. Через несколько дней, в воскресенье, он установил, где *они* жили. Он прогуливался в предполагаемом районе и на глиняных отвалах свежевыврытой траншеи среди детворы увидел Димку. Дети играли в войну: носились друг за другом, целились палками и орали, что есть мочи. Димка, изображая убитого, без конца падал, валился прямо в перемешанный с глиной снег, и было видно, что падения эти доставляют ему главное удовольствие.

Кобецкий наблюдал за ним из-за забора, и Димка его видеть не мог. Он был весел и беззаботен и, казалось, что ничто не омрачает его счастья. И оттого, что тот был весел и беззаботен, Кобецкому было еще горше. Он смотрел, и слеза мешала его взору. Так он простоял минут пять.

А потом появилась Ольга, налегке, с непокрытой головой и наброшенным на плечи пальто, надала под зад Димке и увела его в дом напротив. Так он выяснил, где они жили. Улица Льва Толстого, дом пять.

В тот же день, когда стемнело, он прошелся мимо, но никого не увидел. Окна были освещены, но зашторены. Но *они* жили тут - в одном из окошек он узнал горшок с ольгиными цветами.

Бракоразводный процесс, последовавший вслед за всем этим, занял не больше минуты. В районный суд Кобецкий явился один. Ольга не пришла. В коридоре томилось несколько пар и одиночек вроде него - мужчин и женщин. Он отдал секретарше повестку и остался ждать. Походил по коридору, сел. Однако ждать ему долго не пришлось.

За большим столом располагалось нечто вроде комиссии.

- Жена-то где? - спросили его.

- Жена-то?.. - он не знал, что сказать.

- Понятно, - сказал тот же голос. - Разводиться не передумали?

- Нет.

- Хорошо.

И ему зачитали постановление.

«...Брак считать расторгнутым, - услышал он. - Штampы в паспортах - после уплаты денег. Прямо по коридору, окошко слева...».

Вот и вся недолга.

Никогда ещё Кобецкому не было так худо, как в те первые дни. Опять прихватило сердце. Шёл и застыл. Он не мог сделать ни шагу. Так пронзала его до сих пор только одна мысль.

Его обходили люди. А он стоял, делая осторожные попытки вдохнуть. А потом пошёл, еле перебирая ногами.

Он сделал кардиограмму, сдал кровь, а в кабинете окулиста врача заглядывала ему в глаза.

- У вас сильно сужены сосуды, - сказала она. - Наверное, много работаете, устаёте?

- Это оттого, что смотреть ни на что не хочется, - сказал Кобецкий.

Постепенно он заболел бессонницей. Часы показывали час ночи, два, три, но сна не было, а были мысли и мысли. И была Ольга. И её голубые глаза с поволокой, что так сокрушительно действовала на него.

Он перепробовал все средства: от разнообразного снотворного, аутогенных тренировок и горячих, изнуряющих ванн, до обыкновенного подсчёта воображаемых баранов.

Он читал до глубокой ночи и откладывал книгу, одурев от чтения, но заснуть не мог. Урывками поспать удавалось не более двух часов, а днём он ходил вымотанный и измученный и смертельно хотел спать. Ночью он бодрствовал, а днём боролся со сном. Зато хорошо, до деталей, запоминалось то, что снилось. И продолжал писаться роман, и была верная, как Пенелопа, Ольга, и платил ей черной неблагодарностью непостоянный, как Протей, он.

И было только одно единственное и безотказное средство заснуть без проблем. Это выпить водки. И время от времени он так и делал. Напивался водки. Но тогда (на другой день) приходила пора страхов, сумасшествия - адских мук.

«*А затем, представьте себе, наступала третья стадия - страха*». И он, как и Мастер у Булгакова, «*просыпаясь не владеящим собой*» и «*появлялись мысли бежать*». Но куда?..

«А мои ли все эти мысли и чувства? - приходило ему с похмелья. - Не украл ли я их? Не присвоил ли чужое я, живущий не в настоящем, а в ирреальном, нафантазированном мире?»

Он читал «Королей в изгнании» Доде и узнавал своего двойника в тамошнем герое - в трагической фигуре главного персонажа, задумавшего роман, в котором хотел выразить всего себя, и носившегося с «*идеями, вскормлёнными чтением, фактами и неустанными раздумьями*», и боявшегося больше всего «*умереть, не дописав книги*».

За окном с шорохом билась в стекло мелкая снежная крупа, а Кобецкий всё никак не мог оторваться от чтения, от ставшего ему таким близким *Элизе Мери*, и всё надеялся и желал исполнения планов. Но его внутренний голос говорил ему: всё напрасно. И он всплакнул над последней страницей, когда умирающего *Мери* посетил маленький калека, и детский голосок пролепетал: «*Здравствуйте, господин Элизе*». В этот момент ему представился он сам - поверженный, как и *Мери*, «*неопределённо твердивший о каком-то грандиозном замысле, который ему не удалось осуществить*».

«А не была ли моя жизнь сплошным самообманом?» - думал Кобецкий, как и *Мери*, и безумная мысль опять поражала его до глубины сердца. А существует ли он на самом деле? Именно он, Олег Кобецкий, индивид?

Так он сходил с ума...

В туалете его опять рвало кровью, а в ванной комнате Кобецкий боролся с искушением полоснуть себя бритвой по руке. Проводил слегка лезвием по запястью и наблюдал, как появляются крошечные пунцовые шарики крови. Стоило только посильнее нажать и - на обеих руках. Выпить до бесчувствия, представлялось ему, наглотаться снотворного, вскрыть себе вены и улечься в ванну.

Но обнаруживал, что у него отнято и это право, потому что открывал Библию, и не оставляли никаких сомнений в этом строчки, на которых останавливался его взгляд: «*В те дни люди будут искать смерти, но не найдут её; пожелают умереть, но смерть убежит от них*».

И он опять вспоминал ту давнюю, неудавшуюся свою попытку перед электрической розеткой с женской заколкой для волос в зубах.

Оставалось - жить, когда хотелось - умереть. Всё, как и напороочил ему о самоубийстве в «Мёртвом попугае» Голестан: «*Избежать смерти хуже, чем умереть*». И Кобецкий уже

догадывался, что будет. Что ничего уже не будет, а только второе страдание и третье. Как и обещал ему в «Вопросах литературы» Кафка: *«Творчество для художника страдание, посредством которого он освобождает себя для нового страдания».*

И боль его, казалось, не кончится никогда, а станет его сутью, как и боль того патриарха, готового мстить до скончания века и святого в своей мести - в романе Алвеса Редола.

В конце концов Кобецкий всё же ненадолго засыпал. А в половине пятого его уже поднимал гвалт ворон. И он пешком брёл до станции на работу.

На работу Кобецкий теперь ходил не иначе, как через не могу. А в *тот* день у него вообще не шли ноги. Подгонял себя тем, что твердил «Заповедь» Кипплинга. Что-то вроде молитвы, жалобы или вопля, призыва *ЕГО* в свидетели.

Умей принудить сердце, нервы, тело
Тебе служить, когда в твоей груди
Уже давно всё пусто, всё сгорело,
И только воля говорит: «Иди!»...

В полупустой электричке тянуло сквозняком, Кобецкого начинало знобить, и опять болело сердце. В этот день у него было суточное дежурство. Днём он, как обычно, боролся со сном, но зато ночь была его. К ночи от его сонливости не оставалось и следа. Вероятно, так уже приспособился организм.

Ночь была тёплая, тихая, звёздная. Он ходил кругами по охраняемой территории и, убивая время, читал вслух «Пророка».

Духовной жаждою томим,
В пустыни мрачной я влачился,
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился...

Но особенно захватывала концовка...

... Как труп в пустыне я лежал,
И Бога глас ко мне воззвал:
Встань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей!

И он повторял раз за разом полюбившиеся строки и довёл себя до экстаза, так расчувствовался, что защемило сердце, и он улегся прямо в снег. Был он в тулупе, лежал и глядел в звёздное небо, и сердце уже не колело, а пекло, и он уже знал, что это хуже всего - это предвестие инфаркта.

Он лежал и смотрел в усыпанное звёздами небо, думал и слушал тишину и не заметил, как заснул.

Начальника караула, нагрянувшего с проверкой, он перепугал до смерти - тот принял его за труп. А Кобецкий объяснил своё лежание тем, что устал-де ходить и прилёг отдохнуть. Ничего другого ему не пришло в голову. По обыкновению начкар обо всём доложил начальнику команды, и вскоре после этого он попал к психиатру. Направлять его никто не направлял. Просто по его месту жительства пришёл вызов в железнодорожную поликлинику, в которой он проходил медкомиссию, когда устраивался на работу.

Тогда он ещё ни о чём не догадывался и недоумевал: для чего?

В коридоре перед кабинетом врача было пусто.

Кобецкий постучал в дверь, заглянул в кабинет. За столом сидел врач.

- Разрешите?

- Вы на приём? Как фамилия?

- Кобецкий.

- Подождите в коридоре.

Он уселся на стул перед кабинетом, просидел минут двадцать, но никто его не приглашал. Посчитав, что о нём просто забыли, постучался во второй раз.

- Кобецкий? - ещё раз спросил врач и сверился с лежащей на столе медицинской картой.

- Да.

- Заходите.

Кобецкий зашёл, опустился на стоящий перед столом стул. А врач отложил карту и углубился в чтение. Он сидел и читал, и лицо его (он был немногим старше Кобецкого) было непроницаемым.

Прошла ещё пара минут, прежде чем тот решил напомнить о себе - пошевелился и кашлянул. Психиатр даже ухом не повёл.

Наконец он прекратил чтение, но взялся за ручку и принялся что-то писать. Подождав ещё немного, Кобецкий не выдержал.

- Прошу меня извинить, но у меня мало времени.

Всё так же, не обращая на него никакого внимания, врач спокойно дописал, отложил ручку, взял в руки его карту, полистал и только после этого взглянул на него.

- Отчего Вы такой нервный?.. Если пришли в медицинское учреждение, то надо быть готовым подождать.

Кобецкому хотелось спросить о том, каким бы тоном тот говорил на его месте сам. Он хотел сказать, что нельзя так работать. Нельзя так издеваться над людьми. Но сказал другое.

- Я пришёл потому, что меня вызвали. И уже час хочу выяснить: зачем? Сам бы я сюда по своей воле не пришёл. Мне тут нечего делать...

- Да Вы как не в себе, товарищ... - взглянул на него врач. - На такой ответственной работе... Стрелок ВОХРа. С оружием. И так остро реагировать на пустяки... Посмотрите-ка сюда... - направив на него свет настольной лампы, он принялся водить перед его глазами блестящим металлическим стержнем. - Так... Покажите язык... Так... Больше, больше... Зубы...

Он вышел из-за стола.

- Закройте глаза, руки вперёд. Расставьте пальцы. Так... Тремор. Алкоголь употребляете?

- Все употребляют.

- Так...

Психиатр ударил несколько раз молоточком по коленям, проверил рефлексы и вернулся за стол.

- Затем и вызывали, что не годитесь Вы в стрелки.

- Это почему?

- Нервы нужно полечить. Расторможены, а работа связана с оружием.

- До сих пор годился.

- До сих пор, может, и годились.

- А теперь нет?

- А теперь нет.

Психиатр что-то писал в медицинской карте.

- Псих, значит?

- Ну, зачем же так? Повышенная возбудимость. Неврастения... Неврастеник.

Кровь бросилась Кобецкому в лицо, и в груди, как перед дракой, появилась ноющая пустота.

- Сами Вы... неврастеник.

- Вот Вам и симптомы, - психиатр оторвался от письма. Он улыбался. - Вы учтите – здесь, внизу, милиция...

- Идиот! - сказал Кобецкий, поднимаясь (он уже не владел собой). - Да таким же образом я могу доказать, что баран - это ты. Это же специально подстроено...

- Вы, кажется, спешили. До свиданья.

- Шкура! - Кобецкий шёл к двери.

- Ответ Вам сообщат на работе...

Несмотря на возможные основания сомневаться в его профпригодности, у Кобецкого не проходило ощущение того, что он пал жертвою некоего заговора. Причём круг заговорщиков не ограничивался начальством на работе, он был куда шире: в этот круг попадал и психиатр поликлиники, вынесший свой вердикт, и те люди, которые были властны переводить с места на место отца Льва, ибо, по его абсолютной внутренней убеждённости, и его увольнение, и перевод

отца Льва в нынешнюю заштатную церквушку были звеньями одной цепи, пролётшей с того самого несданного им экзамена.

И, разумеется, ко всему этому, в первую очередь, был причастен *ОН*. А потому с обреченностью фаталиста Кобецкий ожидал и ещё чего-нибудь в этом роде. Как по Апокалипсису: «*Второе горе прошло, вот идёт скоро третье горе*».

Медленно, но он всё-таки приходил в себя. Время - лучший лекарь. И Кобецкий уже не чувствовал той безысходности, парализовавшей его ранее. Не ощущал себя таким бесконечно одиноким, как в те первые дни. «*Степным волком*» Германа Гессе. Он планировал завести себе собаку или хомячка и, на худой конец, быть счастливым, если не как человек, то хотя бы как *Нильс* – среди зверья.

Деметриади дал адрес неплохого места работы. Ночным сторожем на тарном складе. Кругом лес. С восьми вечера до восьми утра. Через ночь. Для человека пишущего лучше трудно вообразить. И Кобецкого, разумеется, устраивало. Оставалось только съездить. Не забывал и отец Лев, неожиданно предложивший устроить его к себе в церковь псаломщиком. И это было ещё лучше.

Рядом с ним жил точно такой же одинокий. Дверь в дверь. Интересовались и соседи. Не далее, как вчера, про Ольгу спрашивала хозяйка дога.

- Что-то супруги Вашей не видно и деток, не заболели ли?

И покраснела, как помидор.

- Слава богу, здоровы, - сказал он.

Словом, получалось, как у Герда Фукса: «*Когда все знают, что Одинокий волк одинок, тогда*

Одинокий волк уже не одинок».

Теперь Кобецкий ощущал себя Куприным, старым и больным, но вернувшимся на родину. Потерявшим всё бродягой, но открывшим для себя великое право видеть, слышать, дышать, думать. И теперь ему думалось о себе даже возвышенно, словами Стейнбека. «*Его тёмные глаза словно извели все горе, выпадающее на долю человека, и, одолев страдание и боль, поднялись по ним, как по ступенькам, к спокойствию и пониманию*».

По вечерам он по-прежнему приходил к её дому. Смотрел на зашторенные окна. Но уже без жажды мести. Он довольствовался малым и находил в этом счастье. Счастье того, что живет с Ольгой рядом, ходит по одной земле, дышит одним воздухом.

...Что же делать, если обманула
Та мечта, как всякая мечта,
И что жизнь безжалостно стегнула
Грубою веревкою кнута?
Не до нас ей, жизни торопливой,
И мечта права, что нам лгала. -
Всё-таки, когда-нибудь счастливой
Разве ты со мною не была?..

Сегодня, в субботу, они как раз обмывали его развод. Обмывали задним числом. Он, Светка и отец Лев. Тот заявился прямо с утра, как и предчувствовал Кобецкий. Сегодня с утра ему опять было тоскливо, он ждал и искренне обрадовался, когда прозвенел звонок, он открыл дверь и увидел Светку и своего друга.

- *Nunc est bibendum!* - объявил тот прямо с порога. И Кобецкий (он уже понимал его латынь - «а теперь выпьем!»), разумеется, не возражал.

Он смеялся, шутил, стараясь не подавать виду, как ему плохо, и отец Лев был под стать, в своём репертуаре: дурачился и юродствовал.

- Ты много налил, сын мой, но ничего, с божьей помощью всё можно преодолеть. Не отравлюсь? Нет?.. - он смеялся.

И Кобецкий улыбался. Он узнавал Сервантеса. Они выпивали, и отец Лев «с позиций фрейдизма» обосновывал уход Ольги.

- Акт творчества - это и есть акт. Акт соития с Музой и зачатия того, что мы называем «произведением». А потому, бессознательно, для жены твой уход в творчество был изменой (с

Музой). А простить эту измену мог только близкий тебе по духу человек. Но, как мы видим, близкой тебе по духу она не была, и поэтому ваш союз неминуемо должен был распасться. Но оно и к лучшему, - и отец Лев цитировал следом «Доктора Живаго»: *«Истину любят только одиночки и порывают со всеми, кто её любит недостаточно»*...

«Доктора Живаго» вместе с «Раковым корпусом» Солженицына (отпечатанные на машинке списки) дал Кобецкому отец Лев. И теперь, после прочтения, он мог обе книги сравнить. В том его едином «ковре-творении» мировой литературы пастернаковскую *Лару* - «самое чистое существо на свете» - дополняла солженицынская *Вега* - находившая «самое высокое наслаждение в верности». Сам же он опять обнаруживал просто удивительное сходство своё и *Юрия Живаго*. Схожесть характеров, надежд, мыслей и вкусов. Как он понимал его страдания после ухода *Лары*! Но а больше всего его поразила концовка романа. Будничная, заурядная, потрясая до глубины души смерть героя после всего им выстраданного, прочувствованного, открытого и великого, показалась ему абсолютно невозможной. Кобецкий отказывался в неё верить. Это был момент истины. И он снова не поверил в самую смерть. Не поверил окончательно и бесповоротно. Он не верил, что такой грандиозный и трагический урок, как жизнь, может оборваться без последствий, со смертью, вот так. ДЛЯ ЧЕГО? Если ЗАКОНЫ управляют миром, то это невозможно - хотя бы в силу закона сохранения. Но он искренне оплакал смерть персонажа, ставшего дорогим (*«в слезах от жалости к себе»*). Оплакал нелепое, несбывшееся - то, что смерть возвеличивает до невероятного размера. Он дал волю своим чувствам. Ему уже никто не мог помешать (теперь он был один). Таков был урок «Доктора Живаго».

Но на этот раз тему предопределил развод Кобецкого.

- В союзе двух неизбежно присутствуют родство тел и родство душ, - отец Лев оседлал любимого конька, и опять было непонятно, шутит он или говорит всерьёз. - Родство тел первично на определённом, начальном этапе, но во времени и пространстве, как нетрудно вообразить, первично родство душ.

Возьмём частный случай (он подмигивал Кобецкому). Хотя бы это наше знакомство со Светланой Юрьевной. О чём она думала, когда строила мне глазки в святом храме? О вечном? Отнюдь. Я прав, радость моя? О преходящем, о тварном, о плотском...

- Я ему «строила глазки!» - ахала Светка. - Во нахал!.. А он?..

И у них начиналась шутливая возня.

- Ну что? Ну что «а он»? - смеялся, отбиваясь от Светки, отец Лев.

- Ничего!.. Нет, ну какой гад!..

- Ха-ха-ха! - заливался отец Лев (он пытался поймать её руки). - *«Ну, выругайся хорошим крепким ругательством, Кэт... Как настоящая леди»*...

И Кобецкий смеялся вместе с ними. «Оборзевший поп!» - думал и посмеивался он. Что касалось отношений отца Льва и Светки, то он уже махнул рукой на своего дружка. Кто он? *«Священник не по призванию»*, о котором говорил *Жюльену Сорелю Шелан?* Похотливый *пастор Ио* у Хуго Клауса? Или тот *Йеста Берлинг* у Сельмы Лагерлёф - человек, в которого влюбляются и женщины, и мужчины: гордец, бражник, дурак и возвышенная натура.

- А всё потому, что люди не верят в существование души.

- Я верю, - возразила Светка.

Но отец Лев упреждающе поднял палец.

- Они верят в то, что видимо и осязаемо, - в тело. Но ведь оно принадлежит человеку постольку поскольку. И превосходно обходится без него. Волосы и ногти растут не по его воле, клетки делятся, пища переваривается, кровь циркулирует, раны гноятся и заживают. И только душа всецело принадлежит тебе. Тело обязательно изменит, душа никогда. Бессознательно (увы, только бессознательно) любой человек «знает» о её существовании и даже «знает» её свойства. Неслучайно же мы произносим «жили душа в душу», «в глубине души» или «душевно рад». «В чём душа держится» или «душа ушла в пятки». «Правильно ли я живу?» - спрашивают её же, душу. И душа горько плачет. Значит, что?..

Все мы, люди, черпаем из одного источника, - прыгал с пятого на десятое отец Лев. - И источник этот указал Фрейд. То поле битвы, где сражаются бог и дьявол.

Кто такой или что такое *Квазимодо?* Горбун? Но горбунов в искусстве хватало. *Риголетто*, лермонтовский *Вадим*, *Ричард Третий*...

Нет, *Квазимодо* - это символ, как символична и *Эсмеральда*. И их союз - соединение не символов, а людей, реально, понятно, невозможен. Поэтому-то и урок, может, для многих и

многих жизней – умение разглядеть за внешним уродством прекрасную душу и полюбить эту душу как тело.

Классический пример. Ленин и Крупская. Жизнь - борьба. Два убеждённых марксиста. И трудно вообразить людей, более близких по духу. С другой стороны, какая-никакая семья. Да и мифология обязывает. Но что?.. Побеждает «тело», и Ильич вовсю гуляет от Крупской.

- Да не может быть! - так и ахнула Светка.

- Может, может, и не смотри на меня, как Ленин... Вот видишь, - сказал отец Лев Кобецкому, - она не верит. А почему? Да потому что сейчас её устами говорит бесконечность. Влюблённая в положительный пример мифологии её бессмертная душа.

- Я и сам, признаться... Но ведь нужны факты. (Кобецкого сильно заинтересовало это - о Ленине с Крупской).

- Факты?.. В определённых кругах и на Западе они хорошо известны. Слыхали об Инессе Арманд?.. Так вот, она и была его любовницей. Настоящей женой. Потому-то Крупская, зная мужнины грешки, и возражала после его смерти: не нужно, мол, из него делать икону.

А почему погуливал? Вы фотографии Крупской видели? Это ж ведьма. А почему она превратилась в ведьму? Да потому что в душе она этой самой ведьмой и была. Её и покарал бог базедовой болезнью, показав её истинную сущность. И Ильич жил с нею только формально, только для мифологии. А то, что это была настоящая ведьма (как и он - ведьмак), я докажу на простом примере. Почему, став причиной сиротства тысяч и тысяч, Ильич с Наденькой, сами бездетные, никого не усыновили или не удочерили?.. Чисто символически? А? Ответьте... Слишком заняты для этого были? Ну, при их-то положении, при Горках, домработницах и всей челяди. Скрасить быт там, не знаю... Сделать хотя бы подобие семьи. Человеческие, не партийные ведь желания должны были быть?.. В том числе хотя бы для примера. Ведь проблема беспризорицины была жуткой. Если даже ЧК на это дело бросили... А?.. А я ещё в школе об этом задумался.

Здесь и ответ. Потому что больше всего на свете оба ненавидели людей. И она, и он. А исповедуемый обоими марксизм просто освящал право на эту ненависть. Потому и учил наш Ильич: если для дела построения коммунизма нужно уничтожить 9/10 всего народа, то большевики не должны задумываться. Не верите? Загляните в собрание сочинений. Том одиннадцатый. Потому-то его бог и покарал. Не здоровье он в Горках восстанавливал, а его там от людей прятали. Существуют не только воспоминания того периода, но и фотографии. Не для широкой, разумеется, общественности. Но мне кое-что довелось и видеть, и читать. Перед смертью это был уже идиот. И все эти якобы ленинские «завещания» и «письма к съездам» - фальшивки товарища Троцкого и его присной - Крупской. Правда, бывали и периоды просветления, когда разум к нему как будто возвращался. Но для него это было ещё хуже. Потому что в эти дни он мог осознать степень своего убожества. Потому-то, осознав, и просил у Политбюро яду. И для того-то и попустил бог эти дни просветления - единственно только для того, чтобы он мог понять, в кого превратился, и раскаяться в том, что натворил. Вообразите себе кретина в инвалидной коляске, пускающего слюни и под себя делающего. Вот вам портрет Ленина образца двадцать третьего тире двадцать четвёртого года!

- Тише ты! - шикнул Кобецкий и оглянулся на дверь. – Сосед дома!..

- А потому я тебе и говорю. Жениться тебе надо, мой друг! - вдруг ни с того ни с сего объявил отец Лев.

Я - священник, - продолжил он, - а потому мне по специальности положено чувствовать чужую душу. А еще я - реалист. И вижу в человеке п р е д е л. А потому я одному говорю: speravit infestis («надейся и в горе»), а другому: capre diem («лови день»). Да, даже и так. Ибо вижу «предел». Каковой у каждого, как известно, свой.

А потому я и говорю: монаха в миру из тебя не выйдет. Да ты и сам об этом знаешь. Ты посмотри на него, у него даже глаза ввалились, - повернулся он к Светке.

- Похудел, осунулся, - поддакнула та.

Кобецкий молчал. Теперь, к чему с самого начала вёл отец Лев, он понимал.

- А куда денется Ольга?

Несколько мгновений отец Лев изумленно на него смотрел.

- Ты что-нибудь понимаешь? - повернулся он опять к Светке. - Опять двадцать пять! Она уже *делась*! Если я что-нибудь понимаю. А ты - в разводе. Законном даже во Христе. Загляни в Евангелие. Причина - прелюбодеяние.

- Но ты же знаешь, что разводился я вынужденно. Я не хотел развода. И во многом в её «прелюбодеянии» виноват я сам.

- Ну, и как тебе сие? - отец Лев опять обращался к Светке, которая не спускала с Кобецкого глаз. - Так ты, значит, надеешься, что она одумается и вернётся? - он снова обращался к Кобецкому. - Страдаешь и ждёшь?.. Да не Ольга тебе нужна, пойми! Вбил себе в мозги! Ну, давай я ту приведу? (я ему уже предлагал - бросил он Светке). Интеллектуалка. Тебе ведь такие по душе...

- Кто такая? - спросила Светка.

- Есть у меня одна на примете. В церковь у нас ходит. Из тех, из ждущих апостола Магдалин. Правда, это плохо, когда девка слишком умная. Но уж лучше Екатерина Александрийская, чем Екатерина Великая...

- Это не твоя часом, отставленная? - сказала Светка.

- Так и знал, что сейчас скажет!

- Да подозрительно - всё про неё знаешь.

- Я же духовник, балда! Оттого и знаю. Исповедовать людей - моя специальность... Ты-то смотри чего не подумай, - отец Лев опять обращался к Кобецкому. - Там на хромой козе не подъедешь. Клянусь. Да, была замужем. Обожглась. Опыт! Гарантирую: будет верная, как жена Гасдрубала. Ну, чего молчишь?.. Молчит. Ты видишь? Не хочет...

Кобецкий молчал.

- Ты посмотри: глядит, как волк *Ларсен* на *Хэмпа*. Ну и любуйся на свою ненаглядную! Мало тебе было?

- Да причём здесь «ненаглядную»?..

- Уй!.. Не надо! Молчи!.. - отец Лев даже кулаки сжал. - Тебя не понять. Ты его понимаешь? - набросился он на Светку (и Светка смотрела на Кобецкого и качала головой). - Вцепился в подол! Идеал верности!.. А может, идеала-то и ждёшь? Непорочного? Только нет их, идеалов-то! По всем космическим законам. Вот у неё спроси. Верить в литературные персонажи? Так тургеневских девушек давно сменили другие. Персонажи... Ну, да ладно, всё равно не согласишься. Идеал-то, наверное, *Лиза Калитина*? А? Ха-ха! Угадал?..

- Кто такая? - сказала Светка. - Я не знаю.

Отец Лев переглянулся с Кобецким и расхохотался.

- Да уж, наверное, не знаешь. А надо бы! Идеал! Тот, что у Ивана Тургенева. Ну? Угадал?.. - он смотрел на Кобецкого.

- С моей зарплатой да с алиментами мне только и ждать, - сказал Кобецкий.

- Ага! Вот-вот! Уже горячее! - отец Лев даже подскочил. - Логично! *Мастер* уволился из музея, чтобы создать нетленный труд. И *Мастеру* нужна *Маргарита*. Но он нищий. Но и «*Маргарита Николаевна не нуждалась в деньгах*». «*Ей нужен был он, Мастер*». Говорю тебе, она - это как раз то, что тебе нужно. Последний ходячий персонаж. Таких я ещё не встречал. Я ей дам «*Мастера и Маргариту*», если не читала (но читала-то наверняка и, как пить дать, влюблена в *Маргариту*). А потом всё объясню. И гарантирую тебе: материальные проблемы - это то, чего ей будет не хватать. Ну, договорились?..

- Не в деньгах счастье, - добавила Светка. Поддержала. Но как-то неуверенно поддержала.

- Не договорились.

- Дурак!.. Что я могу сказать?..

И отец Лев сокрушенно развёл руками.

По его лицу было видно, как он расстроен.

После этого некоторое время молчали. Но вопрос, остававшийся открытым, конечно же, витал, требовал разъяснения, а потому после паузы отец Лев опять взял слово - последнее, как всегда, было за ним.

Он вздохнул, выпрямился на стуле и, подводя итог, сказал.

- *Nihil admirari* (ничему не удивляться) - моё правило. Может, ты и прав. Есть такая штука - судьба. *Deo volente* (если Богу угодно). Тогда - жаль. Искренне жаль. Потому что тогда тебе предстоит испить эту чашу до дна.

Твоя жена («бывшая, бывшая» - поправился он), ты, конечно, извини, но тут все в курсе, а потому я без обвиняков, как психолог и врач, - натура истерического склада с неустойчивой психикой. Такие мгновенно реагируют на всё (неудачи, неурядицы). Быстрее, чем способен оценить и всё взвесить разум. И, как следствие, неадекватно. Словом, ожидать от неё серьёзных

каких-то действий и поступков - несерьёзно. Тут всё в жизни - быстро затухающий порыв. Да и, судя по тому, что рассказала мне про её хахалю Светлана... – отец кивнул на Светку.

- Идиот натуральный!.. - попыталась вставить та (она была в курсе всех ольгиных дел).

- Стоп! - Кобецкий упрёждающе поднял руку. - Я же сказал. Я ничего не хочу знать!

Отец Лев понимающе улыбался.

- В общем, вот тебе, парень, мой прогноз. Жди назад. Скоро. Да-да, жди...

- Кого? - сделал вид, что не понял, Кобецкий.

- Не кого, а чего! - продолжал улыбаться отец Лев. - Счастья своего...

... Иван Робертович отвлёкся, пошевелил носом: почудилось или нет? Как будто пахло горелым... И вдруг ахнул, вспомнив про варившуюся на кухне вермишель.

Потёки на кастрюле пригорели и дымили. Чертыхаясь, Иван Робертович выключил газ, подхватил тряпкой кастрюлю, вывалил парящую массу в миску, а кастрюлю сунул под воду. Отмокать.

И поспешил обратно.

А за дверью, похоже, начинали петь и, судя по пустым бутылкам у помойного ведра, было с чего.

Второго, пьяницу и бабника с дурацким не то именем, не то кличкой Олимпий, Иван Робертович уже знал. Знал и то, что последует вслед за всем этим.

В комнате же по соседству начиналась очередная спевка. Уже хвативший отец Лев устраивал Кобецкому очередной («на предмет выяснения готовности к должности псаломщика») экзамен.

- Благослови, душе моя, Господа и вся внутренняя моя имя святое Его, - начинал Кобецкий. - Благослови, душе моя, Господа, и не забывай всех воздаяний Его... Хвали, душе моя, Господа. Восхваляю Господа в животе моем, пою Богу моему, дондеже есмь...

А потом вступал отец Лев.

- Благословенно царство Отца и Сына и Святаго Духа ныне и присно и во веки веко-о-ов, - гудел он басом и краснел от напряжения.

- Ами-и-инь, - вёл новую партию Кобецкий.

- Миром Господу помо-о-олился-а... - начинал Великую Ектению отец Лев.

- Господи, поми-и-илуй... - подхватывал следом Кобецкий.

- О вышнем мире и спасении душ наших Господу помо-о-олился-а...

- Господи, поми-и-илуй...

- О мире всего мира, благостоянии святых Божиих церквей и соединении всех Господу помо-о-олился-а...

- Господи, поми-и-илуй...

- О святом храме сем и с верою, благоговением и страхом Божиим, входящих в он, Господу помо-о-олился-а...

- Господи, поми-и-илуй...

- О Святейшем Патриархе Пимене, о Священном Синоде, о митрополите Крутицком и Коломенском Ювеналие, честнем Пресвитерстве, во Христе Диаконстве, о всем причте и людех Господу помо-о-олился-а...

- Господи, поми-и-илуй...

- О Благочестивейшем, Самодержавнейшем Великом Политбюро ЦК КПСС нашем (отец Лев подмигивал) и о новоизбранном Генеральном Секретаре Михаиле Сергеевиче Горбачёве, Государе нашем и о супруге его, Благочестивейшей Государыне, Господу помо-о-олился-а...

- Господи, поми-и-илуй...

Светка ахала, улыбалась, а в своей комнате понимающе кивал головой Иван Робертович.

- О наследниках Его, и о всей Царствующей Партии, и о воинстве Их, Господу помо-о-олился-а...

- Господи, поми-и-илуй...

- О пособити и покорити под нозе Их всякаго врага и супостата, Господу помо-о-олился-а...

- Господи, поми-и-илуй...

- Яко подобает Тебе всякая слава, честь и поклонение Отцу и Сыну и Святому Духу ныне, присно и во веки веко-о-ов...

- Ами-и-инь.

...Всем вам будет скоро «аминь!» - пригрозил стенке кулаком Иван Робертович. Вермишель в его миске уже остыла, и можно было приступать к трапезе. Свидетелем подобных спевков он становился уже не раз (правда, до сих пор без упоминания ЦК КПСС и Генерального секретаря): сначала он удивлялся, но теперь уже привык.

Наверное, настало время сказать об этой личности чуть подробнее.

Прежде всего, сразу отметим, что, обращая внимание Кобецкого на ненормальность имени его нового соседа, отец Лев попал в точку. Увы, разве могли родители маленького Вани предполагать, что нелепостью имени «Иван Робертович» передают своему чаду и соответствующие черты характера, и эту самую, увиденную отцом Львом, ненормальность. Отсюда, собственно, и очередная эта ремарка.

До восьмого класса он был круглым отличником, коллекционировал марки и любил читать, а во Дворце пионеров посещал сразу несколько кружков: астрономический, физический и хоровой. Получив аттестат, он подал документы в престижный столичный физико-технический институт, но... не прошёл по конкурсу. И это явилось для него настоящим ударом. Ему стукнуло восемнадцать. Впереди была армия. И смириться с этой мыслью было нельзя.

Армия превзошла самые худшие его ожидания. Мысль о том, что впереди у него такой жизни три года, сводила его с ума. Он лихорадочно искал выход. И однажды показалось, что нашёл.

Вскоре после этого командиру роты, в которой он служил, доложили, что у них появился «лунатик», рядовой Мякишев, который бродит ночью по казарме и даже выходит на улицу, в мороз, в одних кальсонах. Его отправили на обследование в армейский госпиталь, к психиатру. Психиатр долго и обстоятельно беседовал с ним, расспрашивал о его жизни до призыва и о его семье. Отвечая же на вопрос относительно цели своих ночных прогулок, Мякишев сообщил, что ничего о таковых не знает, а на последующий вопрос, желает ли он продолжать службу, что не только желает, но и мечтает, ибо быть защитником Родины - это самая большая мечта его детства.

И вот тут-то и произошло то, что свидетельствует если не о гениальном, то во всяком случае на редкость незаурядном уме Ивана Робертовича.

- Сдаётся мне, что Вы – симулянт, и как раз не желаете служить, - заметил на это врач, беря при этом его за запястье и проверяя пульс (врач ожидал соответствующей реакции), но брови у него тут же изумлённо поднялись - пульс у субъекта прыгал и замирал, он как бы выстукивал точки и тире, и этой «азбуки Морзе» врач не понимал.

Он заглянул испытуемому в глаза, попросил показать язык, предложил с закрытыми глазами попасть пальцем в кончик носа, проверяя рефлексы, постучал по локтям и коленкам и опять взялся за пульс.

Врач ничего не понимал.

НЕ ПРЕДСТАВЛЯЛОСЬ НИКАКОЙ ВОЗМОЖНОСТИ СДЕЛАТЬ ВЫВОД О ВОЛНЕНИИ ИЛИ НЕВМЕНЯЕМОСТИ СУБЪЕКТА!

Верный (как сверка отпечатков пальцев) способ отпадал.

На другой день рядовым Мякишевым занялись сразу двое. Его опять расспрашивали. Опять стучали по коленкам. И опять проверяли пульс. Потом ему измерили давление, сняли электрокардиограмму, взяли на анализ мочу и кровь. Пару недель после этого его никто не беспокоил (если не считать того, что давали какие-то таблетки), и он повторил свой лунатический поход.

А затем снова знакомый кабинет, но, помимо прежних врачей, ещё третий. Пожилой и, судя по всему, старший.

И опять расспросы и вопросы. Только теперь всё усложнилось. Поначалу Ивану Робертовичу было предложено, мельком взглянув на написанные столбиком несколько слов, попытаться в предлагаемом порядке их повторить. Что он и сделал. Потом его попросили назвать слово, следующее по списку вторым, третьим или пятым, и всякий раз он безошибочно его называл. Столь же свободно он оперировал и цифрами и совершенно поразил тем, что перемножал в уме двузначные числа.

Перед врачебной комиссией был сложнейший случай явного отклонения от нормы (ненормальности) на фоне сомнамбулизма, параноидальной психопатии и прогрессирующего сердечно-сосудистого заболевания, а потому, увы, сбиться мечте Ивана Робертовича было не

суждено, и он, вместо того, чтобы быть комиссованным и отправиться домой, оказался в психиатрической больнице.

Теперь целые дни он проводил, лёжа в кровати, завернувшись в одеяло. Приезжали мать и отец Ивана Робертовича и уехали все в слезах. Они тоже поверили, что их Ванечка - сумасшедший.

Объяснялось же его поведение очень просто: Иван Робертович боялся разоблачения. Могли он знать, что поступил в психиатрическую больницу с диагнозом «шизофрения», а в самой больнице, в истории его болезни, уже было дописано: «псевдосимулянт». То есть психически больной, симулирующий психическое здоровье. За больницей дело не стало, и если бы Иван Робертович узнал, чем страдает, то он бы очень удивился. Тут были и сумеречное состояние, и маниакально-депрессивный психоз, а кроме этого, и целых два бреда: бред ипохондрический и бред толкования.

Как и всякий нормальный человек, он боялся сумасшедших. Однако через некоторое время он пришёл к выводу, что опасными они могут быть лишь в той же степени, в какой опасными могут быть люди вообще. Буйных среди них не было. Но были и такие, которые поражали не только здравыми суждениями, но и умом. Таковым был, например, сосед Мякишева по палате Ложкин. В дискуссиях он побивал самого главврача - рассеянного и меланхолического человека, почему-то стриженного под «ноль» и, если чем и отличавшегося от своих пациентов, то только наличием белого халата.

- А ответь-ка, отец родной, - начинал, завидев его, Ложкин, - что такое «ненормальный»? Где эта норма? Покажите её мне! Доктор Крупов у Герцена считал, что безумием больно всё человечество. Вы такой же ненормальный! Ненормальный - устанавливающий нормы!

Главный врач окликал санитаров, и языкастый больной получал свой укол.

Радикальных методов, впрочем, Сергей Сергеевич Близнюк (так звали главврача) старался избегать, а в лечении, помимо общей терапии, использовал и свой собственный метод. Заключался он в лечебном воздействии на подсознание больных словом. Слово, являющееся ключевым, никогда не озвучивалось, но подразумевалось в рассказах, которые сочинял Сергей Сергеевич сам. Например, в его методологии этим словом мог быть корень взаимоисключающих понятий: «водолечение» (гидротерапия) и «водобоязнь» (бешенство) - вода. Вечером, перед сном, больные надевали наушники, в ординаторской включался магнитофон, и под усыпляющую музыку звучал лечебный текст. Монотонный голос бубнил то о рыбаке, ожидающем клева на берегу, то о человеке, попавшем под дождь, то о гребцах, борющихся с непогодой, то о пловце, готовящемся установить рекорд. Все рассказы имели счастливый конец: рыбак вылавливал судака; попавшему под дождь предлагался зонтик; гребцы укрывались в гавани; а пловец побивал рекорд.

Раз в неделю Сергей Сергеевич проверял результаты лечения в индивидуальных беседах.

После с блеском удавшейся попытки Мякишева провести армейскую психиатрическую комиссию главврача он презирал, но «воды» боялся всю жизнь, а потому пытался объяснить, что до него неважно доходит, так как он не умеет плавать.

«Я научу», - пообещал Близнюк.

Иногда он поручал писать сочинения на свободную тему. В его методе это было не менее важным. Душевнобольной мог говорить очень умные вещи, мог хитрить и производить впечатление вполне здорового человека, но литературный текст (акт творчества) неминуемо, подобно принимающей тот или иной цвет лакмусовой бумаге, помогал Сергею Сергеевичу отличить здорового от больного, установить не только болезнь и поставить точный диагноз, но и выявить её развитие и все стадии.

Так проходили дни. Однообразные, похожие друг на друга. Больным, впрочем, Иван Робертович себя сознавал - у него продолжало болеть сердце, и тут он сознательно лечился.

Завернувшись в одеяло и коротая время, он размышлял. Постепенно он научился извлекать из этого ни с чем не сравнимое удовольствие и, подобно Титу Лукрецию Кару, открывал в элементарном поразительные вещи.

Из дурдома он вышел сложившимся философом, через полтора года - день в день, когда призывался. Вышел с белым билетом и убеждённым в своей гениальности. Написав сочинение, которое главврач оценил на «пять», и получив из его рук памятку, своеобразную «путёвку в жизнь», которую следовало читать регулярно, как молитву.

ДОРОГОЙ ТОВАРИЩ!

ПОМНИТЕ, ЧТО ВАША БЫВШАЯ «БОЛЕЗНЬ» - ПЛОД ВАШЕЙ ФАНТАЗИИ. ОТНЫНЕ ВЫ, ПОДОБНО КОРАБЛЮ, ПУСКАЕТЕСЬ В БОЛЬШОЕ ПЛАВАНИЕ, НАЗВАНИЕ КОТОРОМУ ПОЛНОЦЕННАЯ И СЧАСТЛИВАЯ ЖИЗНЬ! С УВАЖЕНИЕМ И НАИЛУЧШИМИ ПОЖЕЛАНИЯМИ, С.С. БЛИЗНЮК.

Несмотря на уже обозначившуюся к этому времени дырку в голове, Иван Робертович легко поступил в местный ВУЗ и учился столь же легко. Но среди однокурсников пользовался нелюбовью – за скрытность и индивидуализм. Что же касается его частной жизни, то отныне весь его досуг, наряду с учёбой и философскими рассуждениями, занимало чтение. Оно было выборочным. И если интерес его к специальной литературе, в частности к книгам по психиатрии, был вполне объясним, то увлечённость серией ЖЗЛ - симптоматичной. Биографии великих привлекали его пристальное внимание. Он готовил себя к великой будущности, а попутно проверял теорию, родившуюся у него под влиянием сумасшедшего Ложкина: *«человеческая гениальность и её обязательный спутник - отклонение от нормы (ненормальность)»*. Любимыми его гениями были выдающийся физик Альберт Эйнштейн и больной гигантоманией (одержимый идеей покорить мир) маленький император. Всё подтверждало пока его теорию: у любого из гениев, будь то Эйнштейн, Наполеон, Фрейд, Мусоргский, Чайковский, Достоевский, Толстой, Бальзак, Ван Гог, Бетховен, Гоголь или Врубель, он находил наличие «бредовой идеи» и её спутника - паранойю. *«Если у человека существует ИДЕЯ, то он не может не быть больным»*, - выписывал он у психиатра Шюле (Мякишев вел нечто вроде дневника), и космическую эту мысль подтверждала любая психиатрическая школа - Грезингера, Бехтерева, Крепелина.

Помимо ВУЗа, Иван Робертович окончил аспирантуру и Университет марксизма-ленинизма, но карьера его не задалась. За пятнадцать лет он поменял несколько мест работы и везде оставил незабываемый след: несколько раз он уходил сам, пару раз уйти ему рекомендовали.

Пять раз Иван Робертович был женат. Из них три раза официально. И пять раз менял местожительство - переезжал из города в город.

Страсть его к переездам объяснялась просто: всеми правдами и неправдами Иван Робертович рвался в Москву. И если взглянуть на географическую карту, соединив прямыми города, в которых он жил, то легко увидеть устремленный к столице зигзаг его мечты. Подобно герою киноартиста Игоря Ильинского, только здесь он видел подходящее место приложения своих талантов, и только в этом городе могла находиться стартовая площадка в ту великую будущность, которую он ещё продолжал себе прочить.

Для этой цели (познакомиться и жениться на москвичке) Иван Робертович неоднократно приезжал в столицу, но не везло ему с фатальным постоянством. Планида подбрасывала ему то Анну из заштатного Великого Устюга, то Валентину из провинциального Муром. По столь же странному стечению обстоятельств свою последнюю жену Веру он тоже встретил не в Подмосковье, а в забытом богом Тамбове, куда выезжал как лектор общества «Знание» с курсом лекций о космосе. Она оказалась из Загорска; это была уже почти Москва, и Иван Робертович решил не искушать судьбу.

Полгода он вёл себя, как в дурдоме (был тише воды, ниже травы), - ожидал, когда его пропишут. А ещё через два месяца Вера Васильевна вынуждена была перейти жить к матери. Она плакала и рассказывала, каким мерзавцем оказался муж, называя его не иначе, как «садистом». Бедной старушке было жаль дочь, но не менее было жаль и квартиру. Она советовала дочери покориться судьбе и вернуться к мужу. Беспокоилась она не напрасно: Иван Робертович уже подыскивал вариант размена.

Не снискал он любви и на новом месте. Прежде всего, из-за занятой им злополучной комнаты. К тому же он оказался очень сухим и малообщительным человеком. Настолько малообщительным, что то, что его зовут Иваном Робертовичем, Кобецкий узнал лишь спустя месяц после его переезда. Пищу он принимал исключительно у себя в комнате, и к неудовольствию Ольги часто и подолгу занимал ванную и туалет. К достоинствам же нового жильца Кобецкий относил то, что тот оказался не алкоголик, ни о чем никогда не просил, вёл себя тихо и вообще редко попадался на глаза.

К моменту нашего рассказа Ивану Робертовичу уже стукнуло тридцать девять. Теперь это был худощавый мужчина с цепкими узловатыми пальцами философа и с большой лысиной, которая делала его солиднее и старше. Он вступил в пору зрелости и сейчас, с высоты прожитого,

более трезво смотрел на вещи. Веры в собственную исключительность у него поубавилось, и ему всё чаще вспоминались слова своего кумира: «от великого до смешного один шаг». Но идеи у него оставались (он не смог бы без них жить) и даже появились новые, куда более приземлённые, но не менее фантастические.

Например, он намеревался прожить не менее ста лет, для чего до последнего времени выписывал журнал «Здоровье» и внимательно следил за своим, поочерёдно следуя (надолго его не хватало) всем веяниям моды, увлекаясь то бегом трусцой, то лечебным голоданием, то сыроедением, то омолаживающими организм клизмами.

Последние полгода (перед переездом в Горелово), прочитав в какой-то газете статью о борьбе с облысением (при надлежащем терпении и следованию рекомендациям автор гарантировал результат), он стойко, несколько месяцев следовал этим рекомендациям: пил настои хвоща, массажировал голову и втирал в плешь тёртый чеснок. Волос, однако, у него не прибавилось, а кончилось всё тем, что кожа на его лысине сначала задубела, а потом и слезла вовсе (плешь стала мраморно-белой, как его холодильник «ЗИЛ»), и перепуганный Иван Робертович так вознегодовал на медицину, что отказался от подписки на некогда любимый журнал.

Он никогда не пил и не курил. Он берёт серое вещество мозга, раз и навсегда уяснив для себя, насколько губителен для него алкоголь. Как-то, ещё в пору молодости, Ивану Робертовичу довелось посмотреть научно-популярный фильм о влиянии на организм алкоголя. В фильме был показан эксперимент по спаиванию крысы. На Ивана Робертовича эксперимент произвёл столь удручающее впечатление, что с тех пор он дал себе зарок не брать спиртного в рот.

Сердце у него уже давно не болело. Жениться он больше не собирался. Покончив с жизнью половой, он стал дожидаться творческой сублимации.

Долгожданная идея (плод сублимации) родилась в один из светлых, сопутствующих осенним месяцам, периодов ремиссии, и теперь, подобно своему соседу, он все свои силы бросил на написание капитального философско-научного труда, призванного совершить переворот в естествознании. В нём Иван Робертович в популярной, но одновременно в строго доказательной форме излагал свои взгляды на предмет происхождения и неизбежности конца света. Критикуя теорию возникновения Солнечной системы О.Ю. Шмидта, на её руинах он строил собственную теорию. Подобно Адамсу и Леверье, использовавших одни лишь законы Ньютона и указавших точное место планеты Нептун, Иван Робертович, действуя законами логики, строил здание новой теории, основываясь только на общеизвестных фактах: сплюснутости и полосатости Юпитера, наличии колец Сатурна и аномальном вращении Урана.

Работа продвигалась, и дело спорилось, правда, теперь своё личное время он был вынужден делить с другим, не менее увлекательным занятием, которому отдавался с не меньшей страстью. Около трёх месяцев назад с ним приключился вот какой случай. После лекции в заводском клубе он направлялся к станции метро, когда его вдруг остановили и пригласили сесть в притормозившую рядом «Волгу». В кабинете (что это за ведомство, Иван Робертович смекнул сразу) у него первым делом взяли подписку о неразглашении, а потом долго и обстоятельно беседовали. Поблагодарили за проявленную бдительность (речь шла о «бумаге», которую он написал на соседа), сообщили, что и сами давно интересуются этим человеком, назвав его «антисоветчиком», и предложили Ивану Робертовичу дальнейшее сотрудничество. Он должен был продолжать обращать внимание на то, с кем общается сосед, по возможности выяснять, о чём с ним говорят, обо всём письменно уведомлять органы и попытаться вступить с ним в более тесный контакт. Предложили подписать соответствующую бумагу и назначили оперативный псевдоним «Тихий». После этого его поздравили с «высокой честью» и даже выдали пятьдесят рублей на покупку письменных принадлежностей, а затем, обговорив способы конспирации и меры предосторожности, условились о месте первой встречи. Сообщили, что он не должен будет пересылать донесения по почте, а передавать их, встречаясь со связным, из рук в руки. В случае же невозможности явиться на встречу или, наоборот, в случае необходимости срочно встретиться был у Ивана Робертовича и номер телефона. Но пока он им ни разу не воспользовался.

Две встречи уже состоялись, и теперь Иван Робертович готовился к третьей. Всё пока шло гладко. Правда, начальство поторапливало с «более тесным контактом», и вот здесь Иван Робертович видел основную для себя сложность. Он вообще плохо сходил с людьми, а отношения с соседом не заладились сразу. Правда, тот выпивал, и бутылка могла стать средством такого сближения, но Иван Робертович не пил принципиально.

О возможности «тесного контакта» и раздумывал сейчас «Тихий». Он сидел у себя в комнате, дверь в коридор у него была приоткрыта, но то, что происходит у соседа, он мог слышать, и не открывая её.

А за стенкой начиналась Малая Ектения.

- На всяком месте владычества Его благослови, душе моя, Господа-а-а... Паки и паки миром Господу помо-о-олился-а... Господи, поми-и-илуй...

Дождавшись «иже херувимы», Иван Робертович, бормоча «мели Емея, твоя неделя!», поднялся и отправился на кухню скоблить посуду и тереть улучшающую работу мозга редьку.

Разумеется, на процессы в голове у Мякишева уже никакая редька повлиять не могла. И если первое донесение «Тихого» насторожило генерала Палимпсестова, то второе повергло в шок. Достаточно было прочитать всего несколько предложений его путаной и несвязной писанины, чтобы понять, что писал ненормальный.

Тень безумия сопутствовала генералу с того самого дня, когда он, благословив в отделе затею с «юродивым в храме», взялся курировать операцию.

Наверху кто-то дробно стучал, но Иван Робертович не замечал шума. Целый вечер он писал, сочинял, творил, завершая пространное повествование. Приближалась очередная (третья) встреча со связным, и Иван Робертович подводил итог наблюдений. Их, скорее, можно было назвать не наблюдениями, а размышлениями, ибо Иван Робертович позволял себе в них не только высказывания на общеполитические (и на вообще не относящиеся к делу) темы, но даже давал волю фантазии. В предыдущем послании он, например, оговорил своего начальника на работе, а на этот раз изложил компромат на свою последнюю жену Веру.

Наверху кто-то стучал, и у себя в комнате поднимал голову Кобецкий.

- Двенадцатый же час ночи! С ума они там, что ли, сошли!

И его хмельная голова опять склонялась над столом.

Отца Льва давно уже не было, его увела с собой Светка, и Кобецкий на сон грядущий решал очередную лексическую задачу. Перед ним лежали «Похождения Хаджи-Бабы из Исфагана» Джеймса Морьера в переводе барона Брамбеуса. Из предисловия к книге следовало, что автор-англичанин не сумел на своём английском точно передать момент, когда избиваемому персонажу полагалось вопить и взывать к справедливости. Сложность заключалась в точной смысловой передаче персидской идиомы «дад-о-бидад-кард». И вот теперь то же самое пытался сделать на языке русском Кобецкий.

- Дад-о-бидад-кард, - тихо повторял он и отмечал про себя содержащиеся в словосочетании «драку», и «дать», и «бить», и «обиду» - все эти вполне соответствующие моменту русские слова.

От пронзительного звонка в квартиру он вздрогнул. Не понимая, кого могло принести в столь позднее время, он чертыхнулся, поднялся из-за стола и направился к двери.

На пороге стояла Ольга. Она держала на руках Юрку, а рядом жался к ней Димка. Один из прекрасных глаз экс-супруги был бездонно печален, а другой окружал огромный фиолетовый синяк. И ещё прежде, чем она открыла рот, Кобецкий уже всё понял.

- Ну, не идиоты ли? - он посмотрел вверх. - Нашли время! Двенадцать часов ночи, а они стучат!

- Как будто нельзя это сделать завтра, - поддакнула Ольга.

Но она ошибалась - наверху чистили воблу, которой и стучали по столу. Пили по случаю добытое дефицитное.

Поэзия

Евгений Семичев

Родился в 1952 году в городе Новокуйбышевске Самарской области. Окончил Куйбышевский государственный институт культуры и Высшие литературные курсы при Литературном институте имени М. Горького. Автор девяти поэтических книг и множества публикаций в изданиях России, а также ближнего и дальнего зарубежья. Секретарь Правления Союза писателей России. Лауреат Всероссийской литературной премии им. М. Ю. Лермонтова (2004 год), имени Александра Невского, премии «Новая русская книга-2002», Всероссийской премии им. Русала Гамзатова. Живет в городе Новокуйбышевске Самарской области.

Не знает странствующий снег,
В какие странствия пустился.
Ушёл хороший человек,
Ушёл навек и не простился.

Его осиротевший свет
Ко мне доверчиво прижался.
И кто теперь мне даст совет,
Как светом мне распорядиться?

Забыв про ужин и ночлег,
Вдохнув в себя морозный воздух,
Ушёл из дома человек.
Ушёл и заблудился в звёздах.

Но, уходя, оставил свет.
И этот свет во мне не тает.
Не знает странствующий снег,
Кого он мне напоминает.

Безвременье. Смута. Разруха.
А дальше не видно ни зги.
Мне в локоть вцепилась старуха:
«Сынок, перейти помоги!»

Куда её, старую, тащит?
Она восклицает: «Прости!
Господь охраняет скорбящих...
Сынок, помоги перейти!»

«Да тут и сам чёрт сломит ногу.
Родимая, не обессудь!..»
Она мне: «Доверимся Богу.
Авось и пройдем как-нибудь»

«А чья же ты будешь, старуха?» –
«Да что ты, касатик — твоя!
Безвременье, смута, разруха

Ужель не твои сыновья?

Средь тяжких земных бездорожий
Небось и тебе пригожусь...
Зовут меня Матерью Божьей,
Иду в Православную Русь».

Не печалься обо мне, родня,
В этой жизни не было меня,
Был один протяжный грустный звук,
Да, как выдох, выпорхнул из рук.

Не страдай, любовь, судьбу кляня,
В этой жизни не было меня.
Был один весенний светлый луч,
Да растаял в сизом мраке туч.

Не жалейте, други, обо мне,
Я приснился вам в метельном сне,
Огоньком спасительным маня
В эту жизнь, где не было меня.

Сизый месяц за млечную тучку нырнул,
И туман над рекою алеет.
Это Бог наш вселенскую стужу вдохнул
И Россию на выдохе греет.

Полыхает костром заревым небосвод
Над унылым мирским бездорожьем...
И не сгинет Россия, покуда живёт
На спасительном выдохе Божьем.

Зря кликуши истошно хоронят её –
Пировать на костях не придётся.
Понапрасну клубится над ней вороньё –
Не затмить ему русское солнце.

И пребудет Россия во все времена,

Потому что на вечные лета
Светом Божьим вселенским омыта она
И дыханьем Господним согрета.

Когда ночь над московским Кремлём
Стелет ангелам Божьи полати,
Прилетает двуглавый орёл
И, нахохлясь, сидит у кровати.

Сиротливо он жмётся к плечу
И в две глотки протяжно вздыхает:
«Эх, соколик, давай прокачу!
Президент ничего не узнает.

Надоело висеть на гербе,
За грехи человечьи распятым,
Вот и я прилепился к тебе,
Как старшой брат ко младшему брату.

Ты, какой-никакой, всё же – свой.
Кто ещё обо мне пожалеет?
Тяжело жить с одной головой,
А с двумя и того тяжелее...»

«Не горюй! – я орлу говорю,
Заклучая по-братски в объятья. –
Ни за что я тебя не корю.
Завтра снова тебе на распятье.

На Руси, на спесивой Москве,
Испокон в головах паутина.
А одна голова или две –
Это Господу Богу едино...»

Говорю я ему: «Не клонись на зарю»,
Только он почему-то не верит.
А известно давно: на земле к сентябрю

Сквозняками из космоса веет.

Что же ты понаделал, мой милый дружок?
Понакликал печальницу-осень.
Вот и тихую рощу за речкой поджёл,
Листья бьются со звонами оземь.

Небеса на подмогу теперь не зови,
Это пламя исходит из сердца.
Кто из нас не горел на высокой любви?
Все мы, все мы её погорельцы.

Не зальёшь это пламя небесной водой,
Тщетно ангел-хранитель твой плачет.
Я когда-то был тоже, как ты, молодой
И, как ты, думал тоже иначе.

И тебя этот пламень вселенский увлёт,
И твою красоту он схоронит,
Но не слышит меня молодой тополёк –
На зарю свою голову клонит.

Русь взрастила меня, меня поит и кормит.
И я знаю – ей больно, когда я вдали.
Можно вырвать меня, но нельзя вырвать
корни –
Глубоко они в сердце земное вросли.

Ничего не нажил себе в жизни я, кроме
Горемычной моей материнской земли.
Можно вырвать страну, но нельзя вырвать
корни –
Глубоко они в сердце сыновье вросли.

Нашу землю, политую отчею кровью,
Никакие враги не возьмут в оборот.
Можно нас истребить, но останутся корни,
И из них прорастать будет русский народ.

Проза

Николай Иванов

Николай Фёдорович Иванов родился в 1956 году в селе Страчево Брянской области. Закончил Московское суворовское училище и факультет журналистики Львовского высшего военно-политического училища. Службу начал в Воздушно-десантных войсках. В 1981 году направлен в Афганистан. Награждён орденом «За службу Родине в ВС СССР» III степени, медалью «За отвагу», знаком ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть». В 1985 году назначен корреспондентом журнала «Советский воин»; через семь лет стал его главным редактором. В октябре 1993 года за отказ публиковать материалы в поддержку обстрела Белого дома снят с должности с формулировкой «за низкие моральные качества» и уволен из рядов Вооружённых сил. Продолжил службу в органах налоговой полиции России. Во время командировки в Чечню в июне 1996 года был захвачен в плен боевиками, освобождён через 4 месяца в результате спецоперации. Полковник налоговой полиции. Секретарь правления Союза писателей России. Автор 20 книг прозы и драматургии. В их числе: «Чёрные береты», «Гроза над Гиндукушем», «Наружка», «Женский пляж», «Спецназ, который не вернётся». В Уссурийске и Брянске идут театральные спектакли. Лауреат литературных премий имени Н. Островского, М. Булгакова, премии «Сталинград». Живёт в Москве.

Брянская повесть

Она бежала уточкой, норовя обогнать свою палку-костыль и удержать от налетающей пороши брезентовые крылья плаща. Я спешил, но старушка, видать, торопилась ещё больше.

- Ты чего стал? – настороженно заглянула она в приоткрытую щёлочку окна.

- Подвезти.

- А ты меня знаешь?

- Нет.

- Тогда почему стал?

- Снег начинается, Вы торопитесь, я еду. Садитесь.

- Но ты точно меня не знаешь?

- Не знаю.

Ветер с разбега швырнул пригоршню снега в машину, на сшитый ещё во времена развитого социализма плащ старушки, на её увитую венами руку, лежавшую на клюке.

- Бабуля, время! Едем.

Но она продолжала пристально всматриваться в меня, угадывая породу. Ни на кого в её памяти не оказался похож, но просияла вдруг в озарении, найдя неопровержимый аргумент моего возможного коварства:

- А почему тогда другие проехали мимо и не стали?

О-о-о, святая простота!

- Ну, не знаю я, бабуль. Меня подвозили - я подвожу. За других не отвечаю. Поедете? – перебростил на заднее сиденье бутылки из-под пива.

- Но ты точно меня не знаешь?

- Точно. Не знаю.

Глянула на небо, по сторонам, открыла дверцу. Прежде чем сесть, сбросила дождевик, как в деревне снимают галоши перед тем, как войти в дом. Смотрела брезент в рулон, прижала к животу: если испачкает, то себя. Осторожно усевшись, двинула зажатой меж колен клюкой, словно штурвалом в самолёте – вперёд.

Только набирать по здешним дорогам крейсерскую скорость – оставить на ней подвеску или вылететь в кювет.

- А что это у вас дороги такие разбитые?

- Так война ж была!

Не шутила, не ехидничала – правду говорила и верила в это.

Скрывая улыбку, отвернулся к окну. Молоденькие деревца, летом зелёными солдатами бежавшие по кособогу в атаку, сейчас, убелённые седым инеем, выходили из боя по колено в снегу.

Война, так война. «Мы вели машины, объезжая мины»... Сократил на свою голову дорогу по просёлкам! Хотя, как ни странно, народ здесь тоже куда-то спешит.

- И куда можно торопиться в такую погоду?

- Так снег же понедельник не отменял! А у меня дед только по ним на рыбалку: говорит, меньше конкурентов. А нынче очки забыл. Несу вот, а то без них и без меня как слепой. Чего отказываться от правды: крайней-то я окажусь, что не проверила.

Похлопала по карманам: не попутал ли бес и её? Вытащила перевязанный резиночкой очечник, как в шкатулочку, заглянула внутрь. Порылась в ворохе бумажек, оказавшихся под очками. Ноготком выпарапала с самого низа сотенную, удивилась, в дедовы же очки проверила её на свет. Укоризненно посмотрела на меня. Ясно, отвечать за поведение всего мужского населения страны тоже мне...

- А божился, как иконе, что потерял. Вот теперь будет ему ни дар, ни купля, - затолкала бумажку в карман кофты, зашпилила личный сейф булавкой. – Сам-то где живёшь?

Ехали в сторону Украины. Кивнул назад:

- В России.

- А я дома. Пятистенник. Пятерых и родила, каждому по стене. Да только разбежались все. Кукуем с дедом вдвоём. Ты, видать, такой же. Летун? – ей очень хотелось оправдаться мной, чужим для неё человеком, что остались они с дедом одни не из-за плохих детей, а что времена нынче за окном такие.

За стеклом начинающаяся позёмка била в грудь собравшихся на обочине воробьёв. Сугробы, присевшие отдохнуть на поваленные вдоль дороги деревья, приглашали присоединиться, но нам посиделок не надо. Нам вперёд, на Киевскую трассу.

Скосил глаза на панель приборов. Цифры в минутах сменяются быстрее, чем в километрах...

- А ты не летай быстрее своего ангела, - утихомирила попутчица, всё замечая. - Раз сдерживает в пути, значит, хранит от беды, которая может ждать впереди. А мне вон там, около Барыни, останови, - кивнула на железный транспарант с дородной колхозницей, державшей в руках проржавевший сноп пшеницы.

- Почему Барыня?

- Так мы все работали, а она всю жизнь простояла с улыбкой. Стопроцентная правда, это я не перцем чихнула.

- Ясно. Далеко до озера-то?

- За тремя кустами. Добегу. А то дед заревнует, что на машинах без него разъезжаю, - поулыбалась несбывшемуся. - Спасибо тебе, хоть и не знаешь меня. Авось и тебе когда от людей в нужную минуту вспоможется.

Помявшись, вскрыла сейф, на ощупь распознала его содержимое и положила на панель две конфеты:

- Вместо курева...

Огляделась, выходя: не унесла ли на хвосте чужое и не оставила ли чего своего. Раскатала обратно плащ, кивнула то ли мне, то ли небу за помощь и снова побежала, переваливаясь уточкой, к своему слепому деду-селезню. Поймать вам золотую рыбку!

А мне опять навёрстывать время, благо до трассы тоже три куста. На таких одинаковых расстояниях от пересечения дорог обычно ставят храмы...

Ударить по газам не получилось и на Киевке. На первом же пригорке, собрав гармошку из нетерпеливых, мальками дёргающихся легковушек, полз трактор-«петушок», издевательски кивая всем задраным ковшом. Сколько не имей лошадей под капотом, а подчиняйся второй скорости трактора. Тянись следом, читай указатели, смешавшие красоту и политику: «Красная поляна», «Красный бор», «Красная коммуна», «Красный колодец». Не хватало ещё какой-нибудь «Красной синьки». В Питере в двадцатых годах называли так завод, выпускавший побелку. Но там был

революционный подъём, а тут едешь как на быке. Давай же, то ли брат, то ли сестра «Беларусь», мне ещё возвращаться назад!

Рвануться вперёд всем скопом смогли, лишь выскочив на пригорок и получив обзор.

Всем скопом внизу и остановил своей волшебной палочкой выбежавший из-за автобусной остановки счастливый гаишник. Вот же засада в прямом и переносном!

Я оказался в веренице последним и мог лишь молча наблюдать, как толстый от бронжилета капитан собирал, словно жирный котяра сметану, паспорта и водительские удостоверения. Вальяжность гаишника убила добрый десяток минут, и пришлось поверх водительского протянуть служебное удостоверение – своего-то должен отпустить.

Усы кота-капитана сжались, но только лишь для того, чтобы сдержать улыбку при старшем по званию. Постучал документами по палочке. А она ведь чёрно-белая, как наша жизнь...

- Скоро у нас будет как на Кавказе, товарищ полковник.

- А что на Кавказе?

Я только что прилетел оттуда, завтра возвращаться обратно, потому иронии не принял. Хотя интересно услышать о «родных» местах со стороны.

- А там у каждого нарушителя есть оправдательный документ, - поведал капитан. И не преминул подчеркнуть своё пребывание в «горячей точке». Может, и затевал весь разговор ради этого:

- Неделю назад в Нальчик летали на усиление. Тормозим парнишу лет восемнадцати. Улыбается: я свой! И показывает листок стандартной бумаги, на котором на ксероксе переснято удостоверение его двоюродного брата. Из вневедомственной охраны. Так что всё может быть, – капитан развёл руками, размышляя, отдавать ли документы.

В другой раз пояснил бы ему разницу между парнишей и полковником, ксероксом и ксивой, проверкой документов в Нальчике и лёжкой под огнём артиллерии в Аргунском ущелье. Но я спешу, меня ждёт в госпитале мой друг Лёшка, вызвавший этот самый огонь на себя. У меня нет времени на разговоры с тобой, капитан.

Тот моё презрение почувствовал, неторопливо заглянул в машину. Сдерживая эмоции, я глубоко вздохнул: делает ведь всё законно и правильно. Я сам приучал подчинённых точно так же осматривать подозрительный транспорт. По замершему взгляду проверяющего понял, что сам же и оставил тому зацепку - бутылки из-под пива! Но не оправдываться, не обращать внимания, перевести разговор...

- Но можно узнать, что мы нарушили? Пошла прерывистая разметка...

- Товарищ полковник, а как Вы думаете, неужели мы здесь случайно стоим? Там выставлен знак «Обгон запрещён». Ждите, вызовем, - капитан ещё раз глянул на вещественные доказательства и, пропустив только-только подъехавший трактор, пошёл к спрятанной за автобусной остановкой машине.

Зато позёмка ярым нарушителем дорожного движения пересекала двойную сплошную, вылетала на встречу, переваливала отвал и неслась в снежное нетронутое безмолвие полей. Мне бы её вольницу и безнаказанность. Хотя бы на сутки!

Прикрыл глаза, откинулся на сиденье. Пока всё складывается против того, чтобы я успел к сроку в Севско – старинный русский город Севск, расположенный на границе с Украиной. Но ведь всё равно успею, иного выхода нет. Просто придётся гнать. А попутчица правду сказала про опасность впереди. Довёз бы её с очками до озера, не упёрся бы в «петушка». Вот и не верь приметам. Хотя и другая пословица есть: тише едешь – никуда не приедешь...

Гудок гаишной машины вернул к реальности: меня звали. Арестованная вереница рассосалась, только один из водителей звонил по мобильнику, явно поднимая на выручку знакомых. Мне поднимать некого, мои все в Чечне...

Мнущийся около машины капитан мурлыкал в усы песенку, за рулём оказался майор. Это лучше. В одной звезде больше мудрости, чем в четырёх капитанских жажды власти над людьми.

Не ошибся. Тот вертел в руках моё удостоверение, придумывая причину задержки.

- Вы... Вы слегка увлеклись скоростью, товарищ полковник.

- Даже не спорю, - поднял я руки.

- Не пили сегодня?

- И вчера нет. Вторые сутки за рулём. И надо успеть к утру вернуться в Москву. Аэропорт «Чкаловский». Моздок, - произнёс я паролем путь из точки А в точку Б. Гражданским они ничего не скажут, а людям в погонах это как путь из варяг в греки.

Майор понял и оценил, что я не выпячиваю Чечню охранной грамотой.

- Подождите немного, сейчас товарищ отъедет, - кивнул на звонившего.

Тот уезжать без прав не собирался, зато заглянул внутрь машины капитан:

- Куда Васю?

Майор скосил на меня глаз, но посчитал за своего и отдал распоряжение:

- Гони обратно.

Через минуту мимо нас на гору, подгазовывая себе синими точками-тире, весело побежал «петушок». Теперь уже ясно: собирать очередную партию лохов. Не знаешь, что лучше: Кавказ со своей наглостью или родная глубинка с подвохом...

Мою горькую усмешку майор попытался не увидеть, но оправдаться посчитал нужным:

- Самое гиблое место. За смену две-три аварии. А так хоть сдам её без трупов.

Стопка отобранных водительских прав на панели перед стеклом не тянула на свидетельства о смерти, но даже если она перекроет один некролог, капитан-кот не зря слизывает с пригорка свою сметану. Вот только если бы не исподтишка...

- Осторожнее, товарищ полковник. Дорога скользкая.

Спасибо. Справлюсь...

Снег кружил уже вовсю. Фуры на трассе начали сбиваться в паровозики, и обгонять их без риска схватить лобовое столкновение сделалось практически невозможно. Но я обгонял – спасибо, товарищ майор, за задержку. Понимаю ситуацию, но самолёт ждать не станет. Но вначале надо добраться до Севска, родины моего друга, которого я подставил под пули.

- Держись, родная, - я сжимался в пружину, чтобы не вильнуть и не цапнуть колесом снег на обочине. Тогда точно принесут цветы, так неестественно алеющие среди дорожных отвалов, и мне. Сейчас нельзя. Никак нельзя.

Ангел, наверное, выбился из сил попевать за мной. Держись, брат! Сам меня выбрал, не я тебя. С другим бы наверняка лежал на диване...

Самыми одинокими на зимней трассе кажутся автобусные остановки. Но когда впереди замаячила маленькая фигурка, сторбленным столбиком стоящая у дороги, я закачал головой: не-е-ет! Я что, один на всей трассе? А если бы не приехал? Все бы так и остались стоять и бежать своим ходом? Подберут те, кто не так спешит...

Сзади накатывали железнодорожным составом фуры. А стоял, кажется, пацан. Что ты тут делаешь в снегопад? Тоже на рыбалку или уже с неё? Подарю Лёшке после госпиталя удочку, приедем с ним на его Брянщину и засядем у лунки на все дни недели. Кроме понедельника.

Лишь бы выжил!

- Быстрее! – я выбросил дверцу перед парнем.

В зеркало заднего вида надвигалась снежная круговерть с мощными фарами внутри. Они мигнули, предупреждая об обгоне, и я прикрыл глаза: всё, второй раз мне эту грохочущую, клубящуюся в снегу массу не обойти. Эх, парень, парень...

Тот, похоже, уже не надеялся, что его кто-то подберёт. В лёгкой курточке, кроссовках, вязаной шапочке, паренёк полусогнутым ввалился в машину и остался на сиденье в этой же позе, совершенно равнодушный к тому, что с ним будет происходить дальше. Фуры, волнами качая машину, пронеслись мимо, и я направил на нового пассажира все вентиляторы от печки. Пропустив весь затор, выехал на дорогу. Возвращаться всё равно в темноте.

Несколько минут проехали молча. Паренёк оживал постепенно: сначала зашевелился, потом сел поудобнее, огляделся.

- А я всё равно думал, что кто-то добрый найдётся и не даст замёрзнуть, - совсем как старушка перед этим, кивнул в благодарность. Протянул руку:

- Лёша.

Пальцы были холодными, но зубы уже не стучали.

- Привет, Лёша. Моего друга тоже так зовут. Сколько же ты стоял?

- Часа два.

- А куда добираться?

- В Суземку. К крёстному.

До поворота на Суземку было километров восемьдесят, после него ещё тридцать...

- А почему не на автобусе?

- Билет 120 рублей. А мамка дала только пятьдесят три. Водитель не посадил.

- Надо было ехать?

- У меня сегодня день рождения, пятнадцать лет.

- Поздравляю!

- Спасибо! А крёстный ещё летом обещал подарок. Как Вы думаете, что он может подарить?

- А он знает, что ты едешь?

- Нет. Но он же обещал!

Господи, в какие дикие края я попал! Что это за страна такая, полная наивных людей – Брянщина! А если крёстный забыл про обещание? Или, хуже того, лежит пьяный? Или просто уехал, а дом закрыт? Лёха ты Лёха, голова и два уха...

- Бери конфету, - кивнул ему на свой утренний заработок.

Сам не успел вытянуть шею и осмотреть колонну, а сосед уже облизывал фантики синим языком. Значит, краска на обёртках поганая...

Дорога пошла волнами, сведя видимость к нулю. Рисковать попутчиком, да ещё в его день рождения, стало непозволительно. Ну и ладно. Передохнём. А ещё лучше - дозаправиться на обратную дорогу и перекусить. При таком движении всё равно одинаково со всеми подъездом к суземскому повороту.

- Перекусим? – кивнул на заправку.

Лёшка недоверчиво поднял глаза, торопливо согласился, пока я не раздумал.

- Что взять?

- А можно сосиску в тесте? Такие бывают, я знаю.

- Иди выбирай, пока заправлюсь.

Именинника нашёл у витрины. Он словно сторожил вожделенный бутерброд недельной заветренности.

- Вон она, – прошептал с облегчением часового, сдавшего пост.

- Садись туда, - кивнул я на дальний столик. Наклонился к девчонке за стойкой:

- Тому парню – хороший кусок мяса. С полной тарелкой картошки. Салат со всей зеленью, какая есть. Ещё... давайте компот с сырниками. И сосиску в тесте. А мне кофе. Покрепче.

За столом Лёшка перегнулся и, чтобы не слышали остальные, брянским партизаном-подпольщиком прошептал:

- Сзади иностранцы сидят. Видите? Думал, хохлы, а прислушался – нет, я по-ихнему понимаю. Наверное, молдаване.

Подошла девушка с полным подносом, принялась выставлять тарелки. Лёха проводил каждую завистливым взглядом, но, увидев свой заказ, облегчённо выдохнул.

- С днем рождения, Лёшка, - я сдвинул все порции к нему.

- Это мне? Всё? – голос парня дрогнул, в глазах показались слёзы. Не удержавшись, покатились по худым щекам, булькнули в компот. – А я еду и есть хочу. Еду и хочу есть...

- Я машину посмотрю, а ты ешь, - оставил именинника одного. Кофе можно и в кабине попить...

Допить не успел. Утирая рот, выбежал с зажатой в руке сосиской попутчик. Может, боялся, что уеду? Нет, Лёха, ты земляк моего друга. И имена у вас с ним одинаковые! А значит, я тебя не оставлю.

- Там был такой кусок мяса! – убедившись, что я на месте, начал именинник с самого восторженного. Видать, и впрямь мать не смогла наскрести на билет, если парень забыл, когда сытно ел. – Такой кусище! Спасибо!

Улыбнулся счастливо, по-хозяйски уселся на сиденье:

- А у меня теперь получается, что я в Москве был и в кафе. И на метро ездил. Там, чтобы попасть в него, надо сначала карточку купить и приложить к жёлтому кругу. Я два раза проехался по эскалатору – и привык сразу. Только вот народу там – табуны. Та-бу-ны народу!

Он ещё рассказывал, как надо вести себя в Москве, чтобы не потеряться, как сторониться цыганок. А главное, не покупать продукты в первом попавшемся магазине. Потому что если обойти несколько, то хоть на пять копеек, но товар найдётся дешевле...

- Лёха, вон поворот на твою Суземку. Люди стоят, значит, автобус скоро придёт. Я бы довёз до конца, но очень спешу. К твоему тёзке. Он раненый лежит. Обещай, что сядешь на автобус.

- А пешком и нельзя. Волки завелись. Не дойду.

- Это тебе на билет, - протянул ему деньги.

Я сидел сбоку, но Лёшка посмотрел вверх, словно они свалились оттуда. А может, чтобы просто проморгаться. Прекращай это мокрое дело, брат! И не заражай других.

- Спасибо за пожертвование...

Тебе спасибо, Лёшка. За твою наивность и открытость. Что оказался одного имени с другом, на которого я ненароком, но навёл врага. Я, когда останавливался, не знал, что у вас одно имя. Но пусть получится, что и таким образом я отмаливаю свой грех. Теперь одна просьба ко всем святым – чтобы был дома твой крёстный...

А мне – всё! Лимит остановок исчерпан. Хоть пожар, хоть наводнение, а мой путь только к колодцу на окраине Севска. Рядом с женским Крестовоздвиженским монастырём. В госпитале Лёшка попросил воды из него. Не просил, конечно, а лишь помечтал, облизывая сухие губы:

- Воды захотелось. Из нашего колодца...

- Воды просит, - сказал я врачу, когда вошли к нему в кабинет.

В углу рядом со скелетом стоял кулер, но я уточнил:

- Из колодца около дома.

- Это было бы, между прочим, очень кстати, - вдруг поддержал главврач. Себе налил в чашку из кулера. Набросив на скелет халат, приподнял поникший череп анатомического пособия, ставшего вешалкой. – В природе всё просто. Человек на 80 процентов состоит из воды, и её структура полностью совпадает только с той, которую он пил с рождения. Так что если больному питаться пищей, которая окружала его с детства, и пить воду из родного колодца, выздоровление пойдёт значительно быстрее.

В тот же вечер я отыскал военный борт на Москву и договорился на обратный вылет. Двухлитровые пластиковые бутылки из-под пива – это набрать воды Лёшке. И завтра утром я должен стоять с ней на аэродроме, если хочу успеть к повторной операции.

- Сегодня ночью были голубые пакеты, - усмехнулся Лёшка тогда в реанимации. Пакеты для вывоза умерших и впрямь делают разного цвета – чёрные, голубые, золотистые... – Двое ночью захрипели и... А я лежу и приказываю себе дотянуть до утра. Чтобы уж если душа летела над землей, то... на рассвете, а не в темноте. Почему-то это оказалось важным...

Уставился в высокий потолок. Однако открылась дверь, и вошёл бог земной – наш военный хирург Васильич. Постучал для меня по часам – ты просил минуту...

- Это я виноват, Васильич, - уговаривал я его накануне попасть в реанимацию. – Я вышел с ним на связь.

- А мне сказали, что он сам вызвал огонь на себя.

- Да, но всё наоборот. То есть сначала он ушёл со своей группой брать главаря. Трое суток сидел в норе как мышь. А я не знал. Никто не знал. А тут внучка родилась. Он так её ждал!

Хирург прищурил глаз, прикидывая наш возраст. Да, не мальчишки. Но что делать, если на Кавказе воюем мы, деды. В Афгане ждали рождения своих детей, на Кавказе – уже внуков. Страна не воспитала замены, Кремль с Белым домом, как шерочка с машерочкой, барахтались все эти годы в нефтяных, митинговых и барахолочных проблемах...

- И что? При чём здесь внучка?

Врач намеревался остаться непреклонным. Было от чего: через три дня у Лёшки повторная операция, и лишний раз волновать пациента – всем дороже.

- А я стал выходить на него по связи. Поздравить. Я так часто пробивался в эфир, что он испугался: что-то случилась. И ответил. И его в этот момент самого запеленговали «духи». Так он из охотника сам превратился в дичь. Потом уже был бой и огонь на себя.

- Понятно. Тебе одна минута. Он очень слаб. Дай бог продержаться критические три дня.

Три дня кончаются завтра. А я пока за 500 км от Москвы плюс полторы тысячи от столицы до Моздока.

Снег чуть поутих, но перемёты лежачими полицейскими пытались сбить скорость. Но только не сегодня и не для меня. Впереди показалась знакомая, нарастившая себе дополнительный хвост колонна. Говорил же, что придём одновременно. Слева дозорными пошли дома с окраины Севска, и первый купол от Москвы - как раз Крестовоздвиж...

Я не понял, почему вильнул хвостом летящий по трассе снежный вихрь. Но из него выпала, оторвавшись от общей колонны, последняя фура. Машина на глазах, перед глазами, стала крениться, хватать перепуганными колёсами воздух, перегораживать путь. Я летел прямо под этот падающий двухэтажный дом, тормоза бессильно завизжали на скользкой трассе, меня закружило, и последнее, что увидел, - это обрыв. То ли крикнул, то ли подумал:

- Всѐ!

Последний раз перед опасностью закрывал глаза при первых прыжках с парашютом, будучи лейтенантом. Потом запретил себе подобное. Поэтому раз не помнил, что произошло при падении, значит, потерял сознание. Кратко, на миг, но случилось...

Да и когда пришёл в себя, ничего не увидел: раскрывшийся жабьим ртом капот закрывал обзор. Прислушиваясь к себе, возможным травмам, повернул голову в сторону насыпи. И понял, что обманывался зря, что я всё же разбился: сверху меня крестила монахиня. С чёрным клобуком на голове, с большим наперстным крестом поверх мантии и рясы с широкими, развевающимися на ветру рукавами. Значит, наместница монастыря. Может, самого Крестовоздвиженского. Но как смогла так быстро оказаться здесь? Ангел позвал? Хирург зря поднимал голову скелету...

Только как могла подняться на небеса вместе со мной и кабина? Может, я всё же на земле? И жив?

Толкнул дверцу.

К машине, скользя и падая на крутом склоне, торопились люди.

- А должен был перевернуться, - услышал недоумѐнное.

- И косточки должны были лежать в рядок по насыпи.

Пока же по насыпи от моей машины шла всего одна колея. Значит, правая сторона «Рено» летела по воздуху. Старушка-попутчица не зря назвала меня Летуном. Знать, не подобрали ещё цвет для моего мешка...

- Будь скорость поменьше, перевернулся бы. Как пить дать, - продолжали со знанием дела оценивать мою аварию любопытные.

Фраза напомнила про Лёшку. Снег хотя и спас, приняв меня с машиной, как в ватную стену, но из этого рва теперь не выбраться до скончания века. Они, придорожные сугробы, давно звали меня на посиделки.

Только загорать на морозе, похоже, светило не одному мне. Из разорванного брюха развалившейся поперѐк дороги фуры вывалились мешки, перегородив и обочины. Задранные вверх колёса продолжали наматывать время. В голос дрожал треугольным нутром одинокий дорожный знак крутого поворота. Ясно, что он не виноват, но дело для России знакомое – наказать невиновных и поощрить непричастных. Тем более что трасса остановилась в обе стороны.

Любопытные разделились. Одни шли смотреть фуру, другие оценивали мой полѐт. И только матушка, не двигаясь, продолжала шептать в мою сторону молитву. Я благодарно кивнул, подумав, что надо попросить помолиться за Лёшку...

- Не вытащим. Перевернѐтся, - вокруг моей машины продолжали топтаться, утрамбовывая снег, мужики.

Склон и впрямь слишком крут, и второго фокуса с полѐтом он, конечно, не допустит. Пробиваться вперѐд - дело не менее гиблое: снег по колено, за рвом хоть и хилая, но лесополоса, а дальше заснеженное поле. Единственный выход – это оставить машину и добираться в Москву на попутках. Но ведь и попуток нет...

- Попробуй завести. На ходу хоть? – посоветовал парень в унтах. Вот так надо зимой собираться в дорогу, по-сибирски. А то вырядился в полусапожки...

Черпая ими снег, залез в машину. Не без тревоги повернул ключ. Есть! Толку от этого никакого, но завелась. И на табло горит красным контуром аккумулятор. Ясно, что это второстепенно, но со времѐн учёбы в суворовском училище предупреждали: в армии всё красное несѐт опасность.

- Аккумулятор показывает разрядку, - открыв окно, прокричал парню.

- Глуши.

Вслед за «сибиряком» в мотор нырнул шустренький, подпрыгивающий из-за малого росточка мужичок. Наверняка пахал колхозные поля. Сделайте что-нибудь, мужики! Авось получится!

Вернулись с уловом, показав всем разорванный ремень генератора. Тут даже если выбраться на дорогу, аккумулятор в одиночку, при морозе, проработает не более пятнадцати минут. Потом машина заглохнет и превратится в остывающий кусок железа и пластика. Влетел! По всей системе координат!

Зато парень не думал сдаваться.

- Мужики, у кого-нибудь ремень есть?

Несколько человек пошли к своим машинам, и вскоре с насыпи один за другим прилетело сразу четыре лассо. «Сибиряк» выбрал по размеру самый близкий к оригиналу, снова нырнул под капот. Вернулся из забитой снегом преисподней озадаченный. Одного взгляда на меня ему оказалось достаточно, чтобы понять: я тут ему не помощник. Мужичонка-механизатор тоже втянул голову в плечи, став ниже поднятого капота: в тракторе всё проще, там с матерком как с ветерком, при одном молотке да отвёртке можно объехать все поля...

- Кто-нибудь помнит схему, как надевать ремень? Здесь восемь шкивов.

Вниз, оберегая копчики, спустились ещё двое человек. Только бы не бросили, только бы у мужиков получилось! Они стали спорить, рисовать на снегу расположение шестерёнок, угадывать ход ремня. От меня им и впрямь не было никакой пользы, и я вскарабкался на дорогу. Водитель фуры сновал вдоль рассыпанных мешков, оправдываясь перед кем-то по телефону. Пробка росла на глазах. Извини, Лёха. Но я вправду очень хотел тебе помочь...

- Храни тебя Господь, - подошла тихо игуменья. – Ангел-хранитель тебе крылышки подстелил.

Согласно кивнул. Всё же успел он за мной. Вернусь в Моздок и выпишу ему увольнительную на сутки!

Но во взгляде настоятельницы читалось и осуждение за скорость, и попытка оправдаться:

- К вашему монастырю ехал. Там рядом колодец есть.

- Есть. Сами берём из него. Вкусная вода.

- За ней и ехал. Другу.

- Из самой Москвы? – монахиня посмотрела номер на моей машине.

- Из Чечни. Он ранен.

Матушка перекрестилась, зашептала молитовку. Поглядев на вставшие с обеих сторон намертво вереницы машин, отошла, достала мобильник. Если ей на вечернюю молитву, то тоже не успеть. Хорошо, что хоть я ни перед кем не виноват...

В конце пробки, убирая с дороги любопытных, закрутились под вой сирены проблесковые маячки знакомой гаишной машины. Позже всех, но всё равно вовремя. Вызовут тягачи, кран, что-нибудь да сделают. Не удалось майору спокойно завершить смену.

Одного взгляда ему хватило и оценить обстановку, и узнать меня. Капитана послал к фуре, мне укоризненно прошептал:

- Предупреждал же, чтобы осторожнее!

Я, что ль, хотел этого?

Гаишник не поленился спуститься вниз, окунуться вместе со всеми в мотор, вытолкнув плечом мужичонку. Потом нарисовал для «сибиряка» в воздухе загогулину, для гарантии повторив её на снежной схеме. Поднялся обратно, на ходу вытаскивая мобильник.

- Алло, Вася? Трос есть? Дуй на Севский перекрёсток, надо будет протянуть машину по полю.

Через два часа Вася на «петушке» набивал колею по снежной целине, «сибиряк» вырубал окно в просеке, водители, черпая туфлями снег, спускались толкать мою «реношку». Сверху крестила теперь уже всех игуменья. А по белому полю, словно чёрные воронята, утопая в снегу, шли от Крестовоздвиженского монастыря монашки с бутылками воды...

Поэзия

Геннадий Сазонов

Родился в Тверской области в 1950 году. Окончил факультет журналистики Ленинградского университета, более 40 лет проработал в печати. Автор пяти поэтических сборников и семнадцати книг прозы и публицистики. Лауреат ряда всероссийских и региональных литературных конкурсов и премий. Член Союза писателей России, член Союза журналистов России. Директор Вологодского областного отделения «Литературный фонд России». Живёт в Вологде.

СТИХИ

Кирики*

Я заплакал у старой берёзы,
Где когда-то Есенин бродил,
Набежали нежданные слёзы
В тишине возле сельских могил.

Светлый храм, где поэта венчали,
Изведён богоборцами весь,
Камень-глыба, как символ печали,
Лишь остался в Есенина честь.

Русь святая, как больно и горько
Разделить мне судьбину твою.
Целый век отшумел за пригорком.
У деревни, как нищий, стою.

Где твои лучезарные дали,
Песни звонкие, радость зари?
Отшумели и жизнь притоптали
Новых дней оторви-главари.

Плачет сердце: неужто так надо?
Но преградой грядущей беде
Вижу, как замерцали лампы
В храмах новых и древних – везде.

Потому и нахлынули слёзы,
Что святой не утрачен наш пыл
У берёзы, у старой берёзы,
Где когда-то Есенин бродил.

**Село под Вологдой, где Сергей Есенин
был обвенчан с Зинаидой Райх в 1917 году*

Февраль

Скрипя,
Рисует она на стеклах
Чудной и рабостный узор,
Ветрами резкими настёган,
Наводит глянец на простор.
Чтоб ни репейника сухого,
Ни побуревшего листа –
Вокруг кристальна чистота!
А в час покоя от метелей
Я обращаюсь, я прошу:
– Февраль,
Таким же чистым сделай
Всё, чем живу я и дышу.
И над лесами, и над крышами
Просыпь сухой и резкий снег,
Чтоб чутким к миру и возвышенным
Проснулся утром человек.
И волшебством, узором нежным
Меня опять заморози,
Лети, стучись,
Февраль заснеженный,
Как очищение души!

Окраина

Центр города блестит фасадно,
А дальше взгляд усталый брось –
К земле приделана нескладно
Окраин незрелых гроздь.
В них жизнь, как будто от натуги,
Разорвалась, и нет конца,
Дорога в ямах, там лачуга,
Мост сломан, домик без крыльца,
Стекла осколки и железа,
Завален мусором родник...

Скрипит там время на протезах,
И век застыл, и даже миг.
Окраина напомнит скоро
Детьми оставленную мать.
Нет, глубины всего разора

Не передать, не передать!
Сквозь дикое её обличье,
Где одуванчик тихий жёлт,
Цветок весны – краса девичья –
Вдруг сердце тронет и прожжёт.

Проза

Екатерина Наговицына

Екатерина Семеновна Наговицына родилась в 1978 году в Свердловске. С красным дипломом закончила техникум и три курса Уральской Академии Государственной службы, когда поступило предложение служить Родине. Майор Спецподразделения.

Участник боевых действий. Кавалер Ордена Мужества. В 2012 году окончила Юридический институт. Лауреат конкурса МВД России «Доброе слово», конкурса «Славянские традиции».

Энгенойская ведьма

Повесть

*Посвящается
тем самым четверым
женщинам-врачам*

«Как же сильно я устал!» - пронеслось в голове Игоря. Последнее время эта мысль всё чаще не давала покоя. Хотелось спать. Сказывался многодневный недосып. Но всё не так просто... Надо собраться. Собрать силы, всю волю и добить разработку предстоящего выхода разведрот на зачистку небольшого села. Времени в обрез. Выход, кажется, самый обычный. Можно даже сказать рядовой, но...

Вот это «но» не давало подполковнику покоя. И нехитрая задача вроде как в рамках условий боевых действий, обрисованных боевым распоряжением: контролирование определённой зоны в горно-лесистой местности Чеченской Республики. Участок - несколько десятков километров, в масштабах карты совсем небольшой и не такой уж сложный. Но то, что хорошо да ладненько на бумаге, очень заковыристо на овраге. На земле, за которую в данное время нёс ответственность отряд подполковника Игоря Андреевича Василевского, орудовала банда. И дело это, в общем-то, обычное, даже закономерное в условиях идущей здесь войны. Правда, до этого отряд и банда как-то вполне сносно сосуществовали рядом, просто зная о наличии друг друга, особо не контактируя и не досаждая различными неприятностями. Командиры, которые заступали на пост до Игоря, руководствовались простыми человеческими соображениями: война идёт и пусть идёт себе тихонечко стороной. Наше дело – отсидеть положенный срок и приехать домой, вернув мамкам и папкам живой личный состав. А подвиги и яростные атаки - это для героев кинолент...

Нет, конечно же, на службу никто не «забивал». Всё было продумано и отточено до мелочей. Каждый знал, что должен делать в случае неожиданного нападения на расположение. Всё же сказывался опыт первой чеченской кампании - выводы делать научились быстро.

Василевский за военной романтикой тоже не гонялся. По опыту знал, что ничего особо здесь не изменишь и войну не победишь, а вот смотреть в глаза убитых горем родителей придётся. Он становился старше и, наверное, сентиментальнее, больше стал ценить семью и уют домашнего очага. Да и что греха таить, с женой ему повезло. Ольга была замечательная женщина. Так сказать, всеми качествами этой оценки обладала - красивая, ладная и, даже слегка раздавшись после вторых родов, стала ещё привлекательнее в его глазах. Заботливая к нему и детям. Умело и споро вела их нехитрый офицерский быт. Весёлая и лёгкая по характеру. Жить с ней было одно удовольствие, и последнее время Игорь начал замечать, что в командировках вдруг стал всё больше и больше тосковать по дому, по жене, по сыновьям. А ведь раньше этого не было. Уезжал легко, приезжал легко. «Старею», - подводил итог своим размышлениям Василевский.

Так вот, в последнее время что-то изменилось в состоянии дел на его линии фронта. Что ни рейд, то какое-нибудь ЧП: то обстрел, то подрыв. Засады делались грамотно, и выскакивали бандиты как черти из табакерки. Что за ерунда такая?! Но царапала другая мысль: откуда у

«чехов» информация по маршрутам?! И ответом на это вырисовывалось единственное предположение, от которого подполковник пытался внутренне отрешиться: «сливает» кто-то, и этот кто-то совсем близко. Доступ к оперативной информации имеет и пользуется. Вот паскуда! Игорь Андреевич не привык опираться только на предположения. Его пытливый ум требовал неопровержимых фактов, доказательств, и вот тогда бы рука не дрогнула. Лично бы списал предателя на неизбежные потери. Многие мог понять и простить Василевский, сказывалась жизненная мудрость в понимании других людей, их поступков, и лишь когда сталкивался с подлостью и предательством, внутри начинал просыпаться жестокий, безжалостный зверь. Но негласные проверки ничего не давали, подсказывая вариант, что «утечка» может идти и «выше»... От этого на душе становилось совсем тоскливо.

У входа в палатку послышался стук ног о деревянный настил. Даже не оборачиваясь, Игорь легко смог представить, как командир второй разведроты Саня Крушнов сейчас безуспешно пытается скототить липкую пластилиновую грязь с берца. Василевский мог бы поклясться своим подствольником, что Саня при этом с удивлением разглядывает свои ноги, как будто никогда до этого ничего подобного не видел. Это выражение постоянно присутствовало на его лице - крайняя степень заинтересованности и лёгкое удивление. Точно так же он разглядывал новичков, карту, еду в котелке и трупы боевиков. Такая неизменная позиция импонировала Игорю. Симпатичен был ему этот немного флегматичный командир.

В душе опять заворчалось гадкое подозрение: а вдруг именно Саня «сливает» данные? Но даже под прессом внутренней паранойи не получилось связать Крушнова с боевиками. Невысокий, коренастый, немногословный, умело и спокойно вёл свой счёт с бандитами. А счета, по которым надо было взыскивать, были у всех. Тут же вспомнилось, как после первой засады, устроенной боевиками, ходили они среди погибших ребят. Игорь пытался держаться деловито, маскируя за подсчётом потерь свою растерянность от нарушенного перемирия. Вот ведь понимал, что нельзя расслабляться с этими шакалами. Сам в душе не верил в то, что постоянно будет так спокойно и ладно, но всё равно эта первая засада застала всех врасплох. Недосчитались одного, командира группы, лучшего друга Сани - Фёдора. Саня метался с несвойственной для него скоростью среди изломанных, исковерканных тел, переворачивая парней лицом кверху и называя каждого по имени. И от этой переключки Василевскому становилось не по себе. Когда пересчёт пошёл на третий круг, он не выдержал и крикнул:

- Нет его!

И Саня остановился, замер, посмотрел на него с неизменным удивлением и, как будто не слыша слов Игоря, повторил:

- Его нет.

В этот момент их позвал один из бойцов, которые осматривали пути отхода боевиков. Саня ломанулся туда. У тропы, всего в десятке метров от места засады, лежало истерзанное тело Фёдора. Окрылённые легкой победой и ощущением безнаказанности, покуражились бандиты на всю катушку.

- Как же так, братан? - шептал Саня, пытаясь оправить форму на друге, но разодранная ткань в засохшей крови не хотела ложиться как надо и всё время топорщилась, открывая изуродованное тело.

Вечером Саня попытался напиться. Сидел на камне, вглядываясь в темнеющую «зелёнку» горного перевала, а водку, которую пил из горла, закуривал сигаретами, одну за другой. К нему никто не подходил. Было понятно, что никто не сможет сказать ему ничего утешающего. Умер его друг настолько страшно, что все слова были пустыми и бессмысленными. И только начальник штаба, подполковник Лимонов, попробовал похлопать его по плечу, держись, мол. Саня только лишь дёрнулся, как будто его ошпарили, но не обернулся.

Игорю тогда тоже хотелось напиться. Сидеть и молчать, а может, наоборот, выговорить всю досаду и внутреннюю боль, но нельзя. Весь личный состав был подавлен этой первой потерей, всем было тяжело, и не хватало ещё и командиру дать слабину; тогда, считай, враги деморализовали противника, а значит, выиграли, победили, добились своей цели. Игорь ввёл усиление и сам всю ночь не спал, обходя посты, вглядываясь в темноту, прислушиваясь к беспокойной, условной тишине кавказской ночи.

А на следующий день вывезли тела в Моздок и отправили бортом домой. Саня сам утром подошёл и попросился сопровождать «груз 200». Игорь дал добро и даже предложил ему остаться дома после похорон, но Саня, отрицательно качнув головой, сказал:

- Я вернусь с заменой.

И вернулся. Привёз замену.

А после этого собранный, готовый к работе, со злым задором выдвигался на зачистки и проверки. Наверное, никто в отряде не искал с таким остервенелым рвением боевиков и не предвкушал «радость» встречи.

Палаточный полог хлопнул, и с потоком холодного ночного воздуха, как и предполагалось, вошёл Саня и без реверансов сразу спросил:

- Ну что, командир, во сколько выдвигаться будем?

- Будем, - Игорь поднял красные от недосыпа и давления глаза.

- Предлагаю часиков в шесть, так сказать, с первой зорькой.

- Можно и в шесть, только вот что-то беспокойно мне в последнее время.

- Ты знаешь, а мне как раз в последнее время очень спокойно стало. Так что не переживай.

Завтра пройдемся на мягких лапах, пошестерим по новым нычкам. Смотришь, и зацепим ублюдков.

Игорь грустно усмехнулся:

- Зацепим. Каждый раз сами же на их фокусы нарываемся. Течёт откуда-то, Саня, ой течёт...

Помолчали. Понимание в полный рост присутствовало у обоих, а вот конкретики не было. Ротный внимательно посмотрел на Игоря и произнёс вслух то, о чем уже неоднократно думал и сам Василевский:

- Может, у Тамары спросишь?

- Спрошу. Иди, отдыхай, завтра вставать рано. Перед выходом отдельно всем всё доведу.

Саша вздохнул и, не прощаясь, вышел из палатки.

Тамара - отдельная история. Приехала она с заменой, после того как погибла первая группа. Снайпер, каких поискать надо. Яркая, крепкая, с красивыми волнистыми каштановыми волосами, чересчур заметная для этого места, она внушала благоговейный ужас всем, начиная от командования и заканчивая личным составом. Был у неё, помимо снайперского таланта, ещё один необычный дар - предвиденье. Про это на людях молчали, но за глаза говорили про неё просто, по-деревенски: «Ведьма». Было что-то в ней действительно завораживающее и пугающее.

Вот и когда Саня хоронил своего друга Фёдора, чёрный от горя стоял у могилы, подошла она к нему и тихонько шепнула:

- Не рви душу, ты ИХ найдёшь и не ошибёшься, знак на КАЖДОМ будет.

И сразу как отпустило Сашку. Словно незримый ветерок души коснулся. Снова стал спокойный, как всегда. Вот только на выходах и зачистках пристально в «чехов» вглядываться начал. Пытался понять, что за знак такой имелся в виду.

Игорь ощутил лёгкий запах корицы и уже за секунду до того, как прошуршал полог, понял, что вот и она, легка на помине. На пороге стояла Тамара.

- Разрешите?

- Проходи.

Она плавно подошла и села напротив командира.

- Разговор у меня к тебе серьёзный, Игорь Андреевич.

- Ну... - протянул тот, теряясь в догадках.

- Ты только выслушай спокойно, без сердца. Просьба у меня к тебе, считай, что деликатная, личная, - и обволакивая взглядом командира, договорила, - напарница мне нужна.

- О как! А я её где возьму, напарницу-то? - не понимал сути Игорь.

- В этом всё и дело. Завтра придёт девица просить перевод в нашу бригаду - там, дома.

Позвони командиру, попроси, чтоб взяли и сюда по возможности скорее прислали.

Василевский аж задохнулся, махнув рукой.

- Да ты что, Тамара! Что ты такое говоришь?! Кто придёт, куда придёт, что я Викторовичу скажу? Да ты себе это представляешь? Как я комбригу объясню, чтоб он мне ещё одну бабу сюда прислал?!

- Не бабу, - Тамара упёрла в него свои огромные зелёные глаза, и от этого взгляда стало не по себе.

- Извини. Ну, не бабу, девицу эту. Её в глаза никто не видел. Да и как её сюда заслать?

- Будет оказия. Точно.

Игорь соскочил со стула и стал мерить палатку шагами, пытаясь найти хоть какие-то доводы, чтобы пресечь эту безумную идею.

- Тамара, ты же знаешь, как мы все к тебе относимся. Ты только пальцем ткни, и любой из пацанов за честь сочтёт с тобой двойкой быть. Ну что за блажь такая, а?!

- Я хоть раз у тебя что-то просила?

- Нет.

- Так вот, сейчас прошу. Пойми, нужна она мне. Не могу объяснить, но нужна. Вот когда она приедет, тогда я тебе вычислю, кто бандитам информацию «сливает», а пока силы не хватает.

Игорь поперхнулся.

- Бред какой-то. Такое ощущение, что я сплю. Тамара, ты что, хочешь меня на смех поднять?

- В чём смех?

- Да во всём! - он почувствовал, что внутри закипает. - Тебе-то здесь не место, а тем паче ещё одной. Давай сделаем меня командиром бабского батальона, чтоб «чехам» веселее воевать было.

- Ты, Андреич, не заводись. Говоришь сейчас не свои слова, да и мысли не твои. А вот чьи?

Василевский промолчал, понимая, что сказал лишнее. А Тамара продолжала, глядя ему в лицо:

- Ты просто не видишь эту ситуацию, как её вижу я. Пойми одно: в жизни мы всё время сталкиваемся с выбором, а потом с этим выбором надо будет жить. Сейчас не сможешь мне, потом не кляни судьбу за потерю младшего сына.

Игорь даже головой замотал от неожиданного поворота.

- Ты что! Ты что! Пашка-то тут каким боком?!

- А таким. То, что ты некоторые связи судеб не понимаешь, не означает, что их нет. Так что выбирай. Не хотела я тебе это говорить, но извини, что пришлось.

Игорь почувствовал, как окатило душу леденящим ужасом, который ковырнул хорошо скрываемый страх за семью, за сыновей: а вдруг?!

И каким-то не своим голосом он просипел:

- Да как я комбрига об этом попрошу?

- Не переживай. Скажи Викторовичу, что я просила, а там дальше всё само устроится так, как надо, - и направилась к выходу.

Вдруг остановилась, прислушавшись к тишине, и кивнув, пробормотала:

- Пусть Иргин и Буровой завтра на зачистку не идут, мамки за них сильно молили. И выходить надо в пять. Так оно надёжнее будет, - и вышла, оставив за собой легкий запах корицы и ошарашенного Василевского. Тот лишь в растерянности пробормотал:

- Мамки какие-то... Верёвки из меня вьёт. Ведьма...

В пять уже всех построили. Сонные солдаты зябли в утреннем тумане и ёжились в бушлатах. Игорь довёл основную задачу, раздал последние указания командирам разведрот и перед тем, как скомандовать на выход, объявил:

- Иргин и Буровой, выйти из строя!

Два молоденьких солдатика, с непониманием глядя на Василевского, вынырнули из шеренг.

- Заступаете сегодня в наряд по кухне. Остальные - по машинам!

Засуетились. Крушнов первый залез на броню, удобнее усаживаясь и вглядываясь в предрассветные сумерки, куда предстояло выехать, нежно поглаживая автомат, словно охотничью собаку. У Василевского заныло в груди: «Точно старею. Нервы кончились».

На последнем бэтээре взгляд выхватил Тамару, в горке и брезентовой бандане практически не отличимую от других бойцов. Та кивнула ему, и в это время машины тронулись, быстро выкатываясь колонной на дорогу, ощерили стволы в разные стороны, и, обдав оставшихся гарью выхлопных газов, рванули, набирая скорость.

Василевскому нестерпимо захотелось перекрестить удаляющиеся машины, но он удержал этот порыв. Даже представил, как нелепо это будет выглядеть, и усмехнулся. Фантазия нарисовала комичную картину, как он широким поповским жестом крестит колонну. Игорь мотнул головой,

резко развернулся и быстрым шагом, пытаясь оторваться от щемящего чувства тревоги, направился к штабной палатке. Там почему-то, даже не отдавая себе отчёт, он пристально оглядел все углы. Лишь убедившись, что точно один, достал спутниковый телефон. Посидел и, как бы собравшись с силами, стал быстро, дабы не передумать, набирать череду цифр. Пока выругал самого себя за несвойственную слабость, щёлкнуло соединение. Игорь просиял:

- Оленька, привет. Это я!

- Здравствуй, родной. Как ты?

- Нормально, не переживай. Как пацаны?

А жена уже торопилась, экономя драгоценные минуты, и, как всегда, пыталась вложить максимум информации в минимальный промежуток времени. Но главное - прочувствовать душой, всё ли в порядке.

- Всё хорошо. Костя четверть без троек закрыл. Сочинение написал на пятёрку, хочет, как ты, быть командиром.

Игорь улыбнулся. Она же продолжала, почти не делая пауз, зная, что связь может неожиданно оборваться, и когда опять услышит родной голос, неизвестно.

- Пашка вчера упал в садике, коленки в кровь разбил, но даже почти не плакал. Воспитательнице сказал: «Я – мужчина!»

В груди тягуче заняла тревога и, чтобы скрыть её от женской прозорливости, Игорь заговорил с нарочитой веселостью.

- А ты представляешь, Оль, вчера Тамара подходила и просила себе напарницу прислать, девицу какую-то.

На другом конце провода повисла тишина. И вопреки, а, может, даже, наоборот, в поддержку некоего тайного желания Игоря, он бы и сам точно не определил, вдруг ответила:

- Тамара просто так просить не будет. Помогите. Позвони Викторовичу.

Разговор с Ольгой утвердил его в уже, в общем-то, принятом решении. Но нужна, нужна была поддержка от своего самого близкого человека - той, кому он всецело доверял. И сразу, дабы не растерять уверенность, набрал номер командира бригады. Олег Викторович на удивление спокойно выслушал немного сумбурное объяснение и ответил, что если действительно какая-нибудь женщина сегодня придёт устраиваться да ещё и будет подходить по всем параметрам, то возьмёт; а там уж будь, что будет.

Такого Василевский, честно говоря, не ожидал. Не предполагал, что так легко сложится этот разговор с комбригом. И, отключив трубку, уставился на маленькую иконку Божьей матери, вложенную в руки женой ещё перед первой командировкой.

- Дальше всё по воле Божьей, я сделал, что мог...

И стало вдруг Игорю легко на душе, как от единственно правильного поступка.

Всё сложилось, как, видимо, и должно было сложиться: через три недели бюрократическая машина Минобороны, поразив всех непривычной скоростью и оборотистостью, прислала в отряд молодую девчонку. Её уже ждали, слухи о прибытии долетели до отряда и, обрастая фантазиями и домыслами, живо смаковались личным составом.

Сверхъестественного в ней не было ничего: среднего роста, короткая стрижка, серые глаза, волевое лицо, негромкий голос. Всё, кроме одного: ещё никто и никогда из женщин не переводился так стремительно и легко. Да ещё и сразу попала в командировку. Все, начиная от Василевского и его заместителей и заканчивая рядовым составом, разглядывали её даже не как представительницу другого пола, а как некое чудо. Один из солдат, глядя, как она ловко спрыгнула с «Урала», привезшего её вместе с продуктами из Ханкалы, ляпнул что-то скабрёзное. Стоящие вокруг дружки громко заржали, не заметив, как со спины незаметно вынырнула Тамара.

- Кто ещё раз такое скажет или даже подумает, тот до дембеля не доживёт. Это я вас не пугаю, а как старший товарищ предупреждаю.

И, не оборачиваясь, пошла к штабной палатке, оставив за спиной гробовое молчание.

Больше желания болтать ни у кого не появилось. Все уже знали, по чьей рекомендации новенькая здесь оказалась. Да, в общем-то, и не о чем было судить-рядить: пацанка и пацанка, даже имя какое-то не совсем девичье – Кира.

Девчонка оказалась простой, без амбиций и закидонов, спортсменкой в прошлом, мастером спорта по биатлону, решившей пойти по стопам отца и служить Родине. Сама не

ожидала, что всё так для неё сложится, без препон и затей, явно не понимала, чем вызвала такое пристальное к себе внимание. С детства знала, что уважение ещё надо заслужить. Ощущая некий аванс, выданный высшими силами, пыталась постоянно доказать, что достойна.

Зашла в штабную палатку, представилась, подала Василевскому документы. Тот быстрым взглядом окинул её. Внутренний страх, что вдруг прибудет какая-нибудь сногшибательная роковая красотка, и покой во вверенном ему отряде будет утрачен, пропал. Девчонка, по его чутью, была правильная. Игорь для приличия задал ей какие-то обязательные вопросы, из серии «как добралась, готова ли нести службу и есть ли какие-либо пожелания?» И, удовлетворившись краткими ответами, кивнул в сторону двери и сказал:

- Ну, тогда, Кира, поступаешь в личное распоряжение капитана Вьюжевой. Знакомьтесь!

Кира обернулась, вздрогнув от неожиданности, - за спиной стояла женщина.

Та улыбнулась и, шагнув к ней, протянула руку:

- Тамара. С приездом!

- Очень приятно. Кира.

Василевский остался доволен таким знакомством:

- Устраивайся, осматривайся и приступай к выполнению своих обязанностей. Тамара тебе всё объяснит и покажет.

Обе вышли из палатки. С души словно не камень свалился, а глыба. Пусть будет женская снайперская двойка. Вон, у «чехов» полно было прибалтийских и украинских снайперш, и ничего, как-то находили общий язык, а у них вековые традиции и шариат. Правда, этого благодушия не разделил «замок» и старый приятель, вместе с которым Василевский окончил артиллерийское училище, майор Васеев.

- Ну что за фигня? На кой нам эти бабы?! Ну, вот объясни ты мне, Игорь, почему ты позволил? Насмешка какая-то над тобой. Тамара эта навязалась на нашу голову, теперь эта пигалица ещё припёрлась. Дома им не сидится, подвиги подавай.

- Ладно, Володя, не накручивай себя. За время службы в адрес Тамары никаких нареканий не было. Да и дар её опять же нам на пользу. К тому же новенькая вроде девчонка неплохая.

- Ой, да какой дар. Крутит из вас верёвки. Охота себя начальницей почувствовать, вот и нагоняет тень на плетень. Не верю!

- Однако дело своё знает на пять с плюсом. Есть чему поучиться. Да и счёт с врагом ведёт. Чего тебе ещё надо?

- Мне надо, чтоб этих баб рядом с нашим отрядом не было. Не место им на службе, тем более на войне. Детей пусть рожают и мужиков с работы ждут. А здесь, вот помяни моё слово, устроит ещё нам эта двойка...

Васеев зло закурил, отвернувшись к маленькому окошку, через которое всё равно ничего не было видно.

«Эх, кипит Вовка, устал, начинает раздражаться» - отметил Василевский, глядя в упрямую широкую спину товарища.

Правда, сколько помнил Игорь Васеева, тот всегда быстро заводился. Но всегда по теме. «Темперамент», - говорили про него. Душой болел за дело, тем более, что спецом был отличным. Можно сказать, воином с плаката «Будь мужчиной – отдай долг Родине». Высокий, статный, широкоплечий, с красивым, чуть суровым лицом. Сильный и ловкий. Ещё до училища сумел сдать на чёрный пояс по каратэ и поэтому периодически демонстрировал на показах что-нибудь из стиля Брюса Ли и ему подобных. Был в почёте и уважении и среди курсантов, и даже среди преподавателей, так как всегда был за справедливость.

Однажды, ещё в начале учебы на первом курсе, чуть не вылетел из училища за то, что крепко отделал второкурсников, которые пришли к ним в расположение после отбоя и начали права качать перед, как они говорили, малолетками, пытаясь указать, где их место и как положено общаться со старшими. Старшекурсников было пятеро, но это им не помогло. Утром все были в лазарете, а Володя пред грозными глазами начальства. Он упорно молчал, чем довёл товарища полковника до крика и угроз об изгнании с волчьим билетом. И лишь пришедший командир взвода смог потушить этот фонтанирующий вулкан, а позже в приватной беседе объяснил полковнику, как было дело.

Впоследствии Володька стал кумиром всех курсов, так как никого в обиду без причины не давал и всегда выступал в роли третейского судьи, быстро и справедливо расставляя акценты в спорах и упреках, которых всегда хватало в училище, как, впрочем, и везде, где под одной крышей

собрана куча разновозрастной молодёжи. И даже руководство училища иногда обращалось к нему, чтобы помог кому-нибудь курсанту младших курсов, который не мог найти общий язык с остальными ребятами. Он не просто брал шефство над изгоем, а подтягивал и занимался с курсантом лично, выделяя на него своё время, которого и так всегда не хватало, чем мгновенно повышал его рейтинг среди остальных. Уже тогда у Васеева было отличное педагогическое чутьё на людей и различные подходы в воспитании будущих офицеров. Этому богатырю искренне хотелось подражать. Да и чего лукавить, даже Игорь помнил, как невольно копировал его в словах, жестах, мимике. Стоя перед зеркалом, сравнивал себя с другом и вздыхал. Юношеский максимализм безжалостно расставлял оценки. Казалось, у того нет вообще никаких слабостей. Но Игорь знал одну, так как вместе, курсантами, бегали на дискотеки. Володька, не теряя лица, млел от повышенного женского внимания. Без раздумий бросался в битвы за сердца красавиц и выходил достойным победителем.

После выпуска служба их развела. Васееву, закончившему с отличием, предлагали остаться и продолжить службу в стенах училища, пророча блестящую преподавательскую карьеру, но он отказался, всей душой стремясь на реальную службу. Легко, без особых трудностей прошёл отбор в спецназ, впрочем, никого этим не удивив. Хотя Василевский иногда ему и повторял, что артиллерия потеряла крупного специалиста в его лице. На что Васеев только весело махал своей ручищей и басил, что не видит себя вне спецназа и боевых выходов, и через какое-то время окунулся в водоворот первой чеченской кампании.

Слыл он смелым и отчаянным офицером. Быстро и заслуженно оброс медалями и уважением сослуживцев. А вот в личном плане как-то не сложилось: поменял двух жён и сейчас находился в поиске. Правда, воздыхательниц и претенденток на свободное сердце героя была очередь, как в Мавзолей во времена Союза. Но то дома. По первой павлином выхаживал Вова перед только прибывшей Тамарой. Оседлав любимого конька, предлагал помощь, различные услуги, а также защиту и покровительство. Тамара, в свою очередь, весьма холодно отреагировала на его подкаты и корректно, однако вполне недвусмысленно, дала понять, что, мол, в его услугах не нуждается и постоять за себя сумеет сама, - это не первая её командировка в горячие точки и даже не вторая.

Обломив Васеева, она несказанно удивила Игоря, так как тот честно считал, что мало кто может устоять перед чарами друга, а уж «незамужней крепости» так тем паче не выдержать такой осады. Вот только факт остался фактом, а «отшитый» Володька в открытую злился на Тамару, больше не пытаясь скрывать своего настроения и явно не понимая причину фиаско.

- Кира, запомни главное: война - это не спортивные соревнования, а снайперская работа - это не стрельба на очки. Здесь каждый твой выстрел определяет, чья жизнь ляжет на алтарь войны: врага или кого-то из своих. Потому что ценой за твой промах будет смерть нашего пацана, пусть даже в отдалённой перспективе. Война не прощает ошибок. Поэтому выстрел должен быть осмыслен: зачем ты его делаешь? Зная ответ, перед тем как нажмешь на спусковой крючок, ты убережёшь себя впоследствии от срывов и мук совести. Поняла? Смотри в прицел как охотник, ищи цель. А найдя её, рассчитывай партию: «кто кого?»

Кира внимательно слушала, впитывая каждое слово своей наставницы. Подружились они мгновенно, с первых минут ощутив лёгкость в общении. Обучение проходило не в душных классах, а в духе службы - в снайперской лёжке, недалеко от лагеря. Выходы эти были учебными. Тамара передавала свои знания методично и подробно. Показывая на местности, где можно делать лёжки. Как лучше выбрать место, чтобы через несколько часов наблюдения самой не оказаться на обозрении. Что может демаскировать, а что, наоборот, скроет от вражеского антиснайперского поиска. Куда уходить, как подходить. Но, главное, вкладывала в голову Киры военные понятия и ценности, постепенно отшелушивая с неё гражданский налёт. Благо, что учить стрелять - нужды не было. В этом опыт биатлона был неоценим. Кира чувствовала СВД как продолжение себя. Чётко, быстро, интуитивно выбирая поправки на ветер, осадки, расстояние, деривацию, и плавно нажимала спусковой крючок, отправляла пули точно в цели (пока учебные). Выпускной экзамен Тамариной школы, боевой выход, был ещё впереди.

- Тамар, а ты женщин убивала?

- Я убивала врагов. Пол и возраст в этой оценке роли не играет.

Кира оторвалась от прицела.

- Но это же, как-то... неправильно.

- Война - вот что неправильно. Но если люди за всё время не нашли иного решения своих проблем, приходится прислушиваться к этой жестокой правде: если есть враг, он должен быть уничтожен. Ты или тебя, а прочая лирика хороша для мирной жизни.

Кира упёрла взгляд в землю, прошептав:

- Наверное, я не смогу стать хорошим снайпером. Мне кажется, что я не смогу так хладнокровно рассуждать и правильно делать выбор: враг передо мной или гражданское лицо.

- Сможешь. Станешь ты отличным снайпером. Внутренний стержень не даст тебе сломаться или ошибиться в выборе цели, - Тамара пристально посмотрела на понурившуюся девчонку и дружески потормошила её за плечо. - Брось, не грусти раньше времени. Слушай лучше одну историю... Несколько лет назад, в одной из командировок, наши соседи столкнулись с тем, что по ним работает вражеский снайпер. Выстрелы преследовали в самое неожиданное время и, казалось бы, в защищённых местах. В людях появился страх. Враг казался неуловимым. Но больше всего угнетала его изошрённая жестокость. Впервые столкнулись с тем, что снайпер использовал бронебойные и зажигательные патроны. А стрелял так, что отрывало части тела напрочь. Первый всегда был ранен, да так ловко, что самостоятельно от боли и кровопотери не мог проползти и десятка метров. Пока пытались его спасти, теряли ещё нескольких.

Долбили, конечно, из пулемётов и гранатометов в направлении, откуда могли стрелять. Растяжки выставляли, засады делали, в поиск шли - всё без толку. Через несколько дней опять потери. И вновь тот же почерк. Какой-то заговорённый работал. И притянуло меня к этой истории. Попросилась поработать, помочь. Сначала, конечно, скептически отозвались, но, с другой стороны, решили, почему бы и нет, хуже точно не будет. А раз мне охота рискнуть, то вперёд – билет заказан. Дали добро, нескольких парней, автоматчиков для прикрытия и зелёную дорожку.

После очередного нападения выдвинулись, прошарили всю округу. И, представляешь, ничего. Даже лёжки найти не смогли. Как будто чёрт с воздуха по нам лупит. Всю следующую ночь маялась, не могла уснуть. Хотя главная тайна для меня была в другом: не чувствовала я Его. Как туманом всё прикрыто, только запах какой-то тухло-сладковатый словно витает в воздухе.

Стала в следующие дни сама в лёжке замаскированной прятаться. Выжидать. Может, где ошибочку выдаст зарвавшийся от своих успехов гад, может, оптика где блеснёт. Тишина. Даже птиц никто не спугнёт. И не давал мне покоя запах этот трупно-приторный. Предчувствие голову сверлило, что силы какие-то схожие работают, да только против нас. Выставила вокруг себя обереги, перед собой землёй родной с заговором, ещё бабкиным, посыпала и дальше выжидать стала. А ждать я умею. Прошла неделя. Без результата.

Вдруг вижу, как ворон-падальщик к месту одному на отвесном скальничке подлетел и пропал за чахлым кустом. И вот вроде обычное дело. Еды для них тогда полно было. Вороны жирные стаями кружили. А тут одна птица. Да и что ей делать на скале? Я вся в одно сплошное чутьё превратилась. Глаза закрыла, чтоб не обмануться. Кожей чувствую, как на том склоне трава от ветра колыхается, как камушки осыпаются. Понимаю, что лаз за кустом находится, но вот в темноту его проникнуть не могу, не пускает что-то. Лишь веет оттуда так, что у меня по телу мурашки бегают. Ужас какой-то давит и гонит. Прямо силой себя удерживаю, чтобы не соскочить и бегом, в полный рост, не побежать прочь. А трупятиной прёт оттуда так, что нос закладывает. И так мне жутко стало, как редко когда бывало. Даже объяснить тебе сейчас не смогу, ведь не видела ничего, а как будто из темноты этой вязкой, почти живой, морда на меня смотрит жуткая, уродливая и злобная.

И в это время один из недалеко прятавшихся парнишек-автоматчиков вдруг встаёт и шепчет: «Не могу я! Не могу тут быть!» А в следующую секунду в полный голос: «Не могу!!!»

Меня как подкинуло. Я к прицелу. И в этот миг выстрел грянул. Я сама ещё частично там, у норы этой проклятой духом находясь, увидела, как пуля уходит точно в цель, в пацана этого двадцатилетнего. Обрезал, мразь, пацанёнкову судьбу прямо на половинке...

Но и я не растерялась тогда и в ответ пулю послала, да не простую. Нет, ты не смейся, Кирюха, не серебряную. Хотя, ты знаешь, для той твари в самый раз было бы. А заговорённую – чтоб точно во врага! Специально для подобного случая припасённую. Не спастись от неё ни человеку, ни оборотню. И выстрелы наши слились в одно гулкое эхо. А я уже смотрела, как медленно оседает парнишка, опрокинутый и сломанный той вражеской пулей, знала, что ничем не помочь. Парень падал мёртвый. Тело ещё не понимало, что случилось, а душа уже освободилась. Но я тоже попала, в свою Цель.

Когда добрались до этого проклятого места, нашли отличную лёжку. Не лёжка, а мечта любого снайпера. В скале был просторный лаз. С одной стороны, отлично замаскированный, на высоте, откуда просматривалось всё наше расположение. Прикрывался он пуленепробиваемой крышкой. С другой стороны - выход в низинку, к ручью. Пойди найди, даже собаки бы не взяли.

Вытащили мы из норы этой девчонку мёртвую. Молоденькую и, ты знаешь, жуть какую красивую. Пуля ей в шею попала и весь хребет раздробила, так что голова на жилах и лоскутах кожи болталась. Командир и солдатики тогда словно замороженные на неё смотрели: то ли сражённые её красотой, то ли молодостью, то ли тем, что так долго поймать не могли. Только я стояла, смотрела и видела, что не девка это вовсе. Под красивой обёрткой была тварь страшная и мерзкая, жрущая жизни наших ребят.

Отвернулась и полезла в лёжку ее, переборов отвращение и жуть. Нашла, что искала – шкатулку небольшую с зеркальной крышкой, а в ней оберег – заговорённые куски плоти человеческой и кости переломанные, пересыпанные травой колдовской да вороньими перьями. Из-за шкатулки этой я её увидеть и не могла, а вот смрад этот до сих пор помню. Когда вылезла, подошла к ней и под удивлённые взгляды, ударами приклада, отсекла голову от тела. Почему-то захотелось подстраховаться от мороков ночных. Иногда к преданиям старины надо прислушиваться. Просто очень искажёнными многие из них до нас сейчас доходят. Но вот штука в том, что когда голову от тела отбила, она глаза открыла, а тело дёрнулось, как будто воздух выдохнуло, и пальцы, словно когти, сжались и по земле проскребли. Парни в ужасе отшатнулись, кто-то креститься стал. А я уже знала: вот она победа, на моём счету. Не человека победила, а ровню себе - это дорогого стоит. Считаю, её сила мне перешла.

- А зло? – Кира замороженно слушала, забыв про всё на свете.

- А что зло? Зла самого по себе не бывает. Но если человеку даётся сила, он сам выбирает, во что её превращает. Кто-то злобу выбирает, а кто-то доброту, - улыбнулась Тамара, легко щёлкнув слушательницу по носу.

- А ты добрая, - и, переборов смущение, Кира добавила, - ведьма...

И как будто даже испугалась дерзости своей. А Тамара, наоборот, рассмеялась легко, совсем по-девичьи. А отсмеявшись, серьёзно и задумчиво глядя вдаль, ответила:

- Я делаю то, что, считаю, должна делать. И тут общей оценки нет. Для своих я - добро, а для врагов я - зло страшное. И как ещё во времена Великой Отечественной войны говорил Василий Зайцев: «Имя мне снайпер, кинжал в сердце врагов моей Родины». И ты должна стать хорошим клинком из булатной стали, чтобы боялись и трепетали недруги, и не важно, в каком облики они будут. А для этого ещё учиться и учиться...

Не спалось ночью Кире, ворочалась с боку на бок. Во-первых, в палатке не было Тамары. Она заступила в наряд и находилась сейчас где-то в «секрете». Во-вторых, не шёл рассказ из головы, подтверждающий болтовню тёток из отдела кадров, услышанную при оформлении документов о переводе.

Те косились на неё любопытными, недобрыми взглядами, шушукая за спиной. Из обрывков фраз поняла тогда Кира, что всё не так просто в её трудоустройстве, а всецело обязана она этим какой-то ведьме. По шипящим пересудам было ясно, что кадровые тётки ведьму эту не любят, а вернее, жуть как боятся. И, улучив момент, когда в кабинете осталась одна, самая вроде как не вредная Клавдия Ивановна, подкатила Кира к ней, предварительно вручив большую шоколадку, так сказать, за хлопоты и скорость в оформлении бумаг. Клавдия расчувствовалась, так как была женщиной скупой и даже прижимистой, при этом неистово завидуя своей начальнице, Татьяне Максимовне, которой различные подарки вручали с завидным постоянством, обходя рядовых служащих стороной. А руководительница с царского плеча иногда выставляла на стол для чаепития коробки конфет и печенье, которые были ей не по вкусу.

Клавдия Ивановна торопливым воровским движением сунула шоколад в сумку и разоткровенничалась. Что, мол, видит она, что Кира девчонка душевная, хорошая, добрая, а вот идёт в лапы Тамарины, как овца на заклятие. А «Тамара эта - ведьма жуткая. Много чего знает и умеет стра-а-ашные дела творить», - нарочито растягивая слова и округляя глаза, вещала Клавка. Кира вроде как удивлялась, охая, провоцируя кадровичку на подробности, и та валила их, как из мешка, сама уже не понимая, где правда, а где их бабские домыслы.

По её рассказам выходило, что ведьма Тамара змеёй заползла в их бригаду, и различные слухи шли впереди её поступления. Люди говорили, что силы колдовской она немалой. Снайперской работой лишь прикрывает дела свои тёмные. Какие – ей, Клавдии, неизвестно, но ясное дело, что не христианские. Как уж они были против, чтоб её взяли, но тут силы были явно неравны. И, придя в бригаду, стала она в доверие втираться да добрыми делами прикрываться. Так, например, однажды пришла к самому командиру бригады Олегу Викторовичу и попросила, чтобы он жену с дочкой в гости к свекрови назавтра не пускал. Подождёт, мол, цирк до следующего раза.

Комбриг тогда в самом деле опешил, начал горячиться, с чего вдруг она ему будет указывать, но вдруг осёкся, удивившись тому, откуда она знает про то, что жена с дочкой собирались завтра ехать в другой город, к его матери, и что та обещала билеты в цирк купить. Комбриг сказал тогда Тамаре, чтобы она не морочила ему голову. А уже через день сам к ней пришёл и благодарил чуть не со слезами на глазах. Оказывается, рейсовый автобус, на котором собиралось ехать его семейство, попал в жуткую аварию, в которой многие пассажиры погибли, а многие покалечились. И что Бог послал ему Тамару, и она уберегла от страшного конца его близких. Спрашивал, чем он может её отблагодарить, а та лишь улыбнулась и ответила, что когда-нибудь обратится с просьбой, и вот тогда очень важно, чтоб он не забыл про этот день и помог. Дескать, больше ничего не надо. Викторovich заверил, что сделает.

И вот сейчас, видимо, этот день пробил, и попросила Тамара не повышения по службе, не благ каких-то, а чтоб взяли на службу ту, которая придёт, и пришла именно Кира. А теперь все гадают, зачем она нужна этой ведьме.

Кира же удивилась, почему они эту таинственную Тамару так не любят, ведь, как получается, замечена она была в делах добрых. Помогла сохранить семью комбригу, да и ни в чём другом зла не делала. На это Клавка раздражённо передёрнулась и, понизив голос, доверительно зашептала Кире на ухо:

- Ага, что ей, ведьме, людей запутать. Раз плюнуть. Ну, сделала добро комбригу, вот ведь невидаль, а взамен опоясала его обещанием, которое тот ни за что не нарушит. А может, она специально эту аварию и подстроила, и людей погубила, чтоб авторитет себе поднять. А насчёт зла, так в этом ты, Кира, ещё не разбираешься, слишком молода и опыта у тебя нет. – Клавка со значением посмотрела на Киру и продолжила рассказывать, как недавно, перед этой командировкой, зашла Тамара к ним и сказала начальнице прямо в лицо, что если та ещё будет слухи распускать и злословить, то получит такие проблемы, что про неё и думать забудет. Развернулась и ушла – гордая как царица. Начальница тогда плюнула ей вслед и разразилась таким матом, какой ещё никто и никогда в их отделе не слышал. А через час, когда Татьяна Максимовна заваривала кофе, у чайника вдруг ручка отпала, и крутой кипяток обварил ей ноги. Да так, что до сих пор мается. Ожог никак не сходит, всё время мокнет и болит. Но и это ещё не всё. Муж её на днях объявил, что устал от их совместной жизни и постоянного недовольства жены по различным поводам и уходит к другой женщине. Татьяна, конечно, баба крутая и бывает грубовата, но всё ж как-то не ожидала, что муж-подкаблучник от неё сбежит. Так ведь мало было этой ведьме над бедной женщиной так покуражиться, добила она её полностью. Недавно поставили сынку Максимовны страшный диагноз - диабет.

В этом месте по лицу Клавдии проскользнула лёгкая злорадная усмешка: «Правильно, а как ему не заболеть, если мать с работы постоянно тащит то конфеты, то торт, то шоколад. Всё дитятке своему родному. Как будто у других детей нет». Но тут же спохватилась, взяла себя в руки и добавила уже со скорбной миной на лице: «Малец-то чем перед ней, ведьмой, виноват?»

Так что сейчас Татьяна Максимовна в их диспутах участия не принимает, быстро уходит в свой кабинет и практически до конца рабочего дня оттуда нос не кажет. Слышно только, как иногда плачет, как будто собака скулит. Сникла и подурнела. А другие сотрудницы уже обзавелись разными оберегами и молитвами, выбросили кучу денег на разные заговорённые вещицы и поэтому могут себе позволить посудачить о делах ведьминых, зловных и недостойных. Надеются, что не подведут талисманы, и не услышит Тамара их пересуды.

А Киру ей, Клавдии, дескать, искренне жаль. Сразу понятно, что задумала Тамара что-то ужасное, и нужна ей душа свежая, чистая, незапятнанная. Так что, пусть держит ухо востро и будет начеку...

Пока ехала, думалось всякое. Мысли были мрачные, мнилось страшное, да и Тамару она представляла себе почему-то вредной, злобной и сварливой тёткой. А по приезде удивилась.

Тамаре было за сорок, а внешне выглядела она прекрасно. Да ещё поразили Киру внимательные, добрые, какие-то совершенно солнечные глаза. И по характеру оказалась лёгкой, весёлой и совершенно не такой, как её обрисовали. Сначала Кира даже подумала, что наговорили женщины, разыграли и напугали новенькую для своего развлечения, но быстро смекнула, что в конторских бабских пугалках и страшилках всё-таки что-то было. В отряде поглядывали на них с лёгкой опаской и уважением, держались подальше и ни с какими глупостями не подкатывали. Её это удивило и порадовало, одной проблемой было меньше. Но вот колола душу одна мысль: зачем же стала нужна ей Кира?

К утру вернулась Тамара. Зашла, сразу наполнив палатку запахом ночного влажного горного кавказского леса и корицы. Прислонилась к своей кровати винтовку, раскинула на стуле маскировочную сеть и шёпотом спросила:

- Ты чего не спишь?

- Тебя жду. Переживательно как-то стало.

Тамара подошла к Кириной кровати:

- Да ты что, не накручивай себя. Всё хорошо.

Кира вздохнула и задала вопрос, который почему-то тоже не давал покоя:

- А ворона та, что к снайперской лёжке прилетела, куда делась?

- Ворона, - Тамара задумалась на секунду, - думаю, что как таковой вороны и не было. Просто нас, - и она улыбнулась, - ведьм, видят иногда в образе несколько ином, необычном. С кем по духу своему ближе, в таком виде и проявится.

- А ты в каком образе?

- Придёт время, может, и увидишь. А сейчас спать давай. Утром головы не оторвёшь.

Но Кире надо было удовлетворить своё любопытство до конца:

- Том, подожди, а шкатулку её ты куда дела?

- Ну, Кирюха, любопытной Варваре сама знаешь, что сделали, - и не раздеваясь, она легла на свою кровать, прикрыв глаза, закинув руки за голову. Затем договорила:

- Все, что внутри было, по ветру развеяла, а саму шкатулку разломала о камни и выбросила в пропасть с обрыва.

И словно предчувствуя следующий вопрос, продолжила:

- А девку ту заминировали и подорвали, как будто она сама на мину наступила. Так что и сейчас душа её черная в образе вороны где-то кружит, к любопытным девчонкам ночью прилетает и в макушку клюёт. Вот и всё, давай спать.

- Есть, товарищ капитан.

Но через несколько секунд Кирюха всё же не выдержала и, приподнявшись на локте, взглядываясь в предрассветном сумраке в сторону напарницы, спросила главное, в чём нестерпимо хотелось поставить точку:

- Том, а ты знаешь, что тебя тётки в бригаде не любят и болтают разное?

Женщина усмехнулась и ответила, не удивившись переходу в разговор:

- Знаю. И некоторые мужчины тоже. Но я ж не леденец, чтобы все меня любили. Только боятся они меня, а главное-то зло в них самих сидит. Всё, быстро спать.

И Кирюха, откинувшись на скатку, заменяющую ей подушку, мгновенно провалилась в сон.

- Парни, Крушнова никто не видел? - Тамара обратилась к проходившим мимо солдатам второй роты.

- К связистам уходил. Пытается с Ханкалой связаться, чтоб подтвердить прилёт «вертушек» для предстоящего выхода.

- «Вертушки» это хорошо, «Крокодилы» - это то, что надо, - как будто сама себе пробормотала Тамара и, кивнув в сторону командирской штабной машины, позвала Киру, - пойдём, поздороваемся. Может, Саню там найдём.

Он действительно был в «шишиге». Вместе с двумя радистами пытались наладить связь, но что-то не получалось. Приём фонил и шумел, периодически выхватывая какие-то чужие обрывки переговоров. И вдруг, в тот самый момент, когда Кира с Тамарой поднялись в кузов, связь стала чистой, как будто говоривший стоял рядом.

- Эй, русский Ваня, слышишь мэня? – голос был приглушённый, с сильным кавказским акцентом. Парни, до этого беззлобно ругавшие технику, от неожиданности замолчали, как будто тот далёкий мог услышать их и без аппаратуры.

- Знаю, слышишь. Так вот, запомни: я с моими людьми приду и буду тебя и друзей твоих убивать. Горло тебе медленно резать буду, да.

Крушнова аж передёрнуло. Задел его бандит за живое, сдёрнув тонкую корочку с душевной раны, и он, схватив тангенту, сдавленным от злобы голосом просипел:

- Слышь, ты, скотина, я тебе сам глотку перегрызу, когда найду.

На другом конце гортанно засмеялись, довольные эффектом.

- Боишься, Ваня! Правильно делаешь. Я много ваших убил и дальше буду. Я рядом, кафир. Ближе, чем ты думаешь.

У Крушнова заходили желваки от кипящей ярости. Было видно, что он сдерживает себя, чтоб не разбить радиостанцию одним ударом, сорвав на ней злобу от бессилия:

- Кто ты, шакал? Как тебя зовут? Я тебя найду, сердце тебе вырву и собакам его отдам. А уши отрежу и засуну в глотку, как ты это делал с нашими парнями.

Чеченец смаковал ситуацию, отвечал протяжно и пафосно:

- Имя мне народ, и ты меня никогда не найдёшь. Это я первый с тебя кожу сдеру и в землю закопаю по шею. Слышишь, да?

Тамара резко подошла и с силой вытянула из плотно сжатых пальцев тангенту:

- А ты народом не прикрывайся. Имя твоё Арби, а фамилия Юсупов. Ты помощник главаря банды Касумова. Хочешь, ещё кое-что расскажу, например, что родные твои живут в Самашках. А старшая дочь сейчас в Моздоке. Сказать при твоих дружках, чем она там занимается? И еще: этот Ваня, с которым ты сейчас говорил, найдёт тебя, и слово своё сдержит.

В рации забулькало, послышались проклятия. Было понятно, что Тамара попала в цель.

- Кто ты, русская тварь?!

- Я, Арбиша, твой ночной кошмар. Я та, кем тебя пугала бабка в детстве.

- Шайтан! - взревел чеченец.

- Нет, я всего лишь русская ведьма, и я знаю, чего ты боишься.

В рации послышался ругань, и уже другой голос просипел:

- Эй, что ты гонишь! Тебе нас не запугать, мы вас всех уроем!

Тамара улыбнулась.

- О-о-о, здравствуй, Мустафа. Вот ты сейчас с нами время теряешь, некрасивые слова говоришь, а лучше бы домой поспешил, с сыном попрощался. Умрёт он завтра. Так что беги, беги быстрее.

Чеченец вскрикнул, и связь прервалась. Все присутствующие заворожённо смотрели на женщину, стоящую у аппаратуры. Первым в себя пришёл командир второй разведроты:

- Тамара, откуда... – только и смог выдавить из себя Саня.

- Я всё это знаю? - она обернулась и посмотрела ему в глаза.

- Юсупова – с одной из прошлых командировок. Его тогда задержали, и он в ногах у командира валялся, клялся детьми и женой, что чист перед нами, что простой овцепас и никому ничего плохого не делал. А после того, как его отпустили, продолжал по ночам обстреливать наши позиции, пока какая-то тёмная история там с ним не приключилась. Теперь вот по ночам по лесу не бродит. Опасается.

- А про сына? – не удержалась Кира.

- Знаю – и всё. Иногда бывает такое озарение.

Тут же она обратилась к Крушнову:

- Саша, мне надо с тобой переговорить. Пойдем, выйдем.

И Крушнов вышел за ней, всё ещё находясь под впечатлением от радиоэфира.

А уже через день по тёмным неосвещённым улицам села шёл чеченец. Не торопясь, с чувством собственного достоинства вышагивая по грязной жиже, покрывающей дорогу, Арби размышлял. На свежем воздухе ему всегда лучше думалось. Он считал, что это из-за того, что он отличный воин, привыкший к жизни в горах и длительным переходам. И сейчас ему было о чём подумать. Сомнения, страхи и доводы разума стекляшками калейдоскопа менялись в душе: «Что может сделать эта урус баба? Мне - джигиту, воину?!» В какой уж раз он задавал себе этот вопрос

и сам же отвечал: «Ничего! Меня не запугать этими штучками. Знает она, видите ли, меня. Так много, кто знает. Люди боятся и уважают. Но что известно соплеменникам, то обязательно узнают эти неверные псы. Ну и пусть! Всех задушу, как давил этих щенков все эти годы. Группа у нас сильная. Нохчи в ней все правильные, проверенные, не выдадут!» По лицу проползла самодовольная ухмылка, которая быстро слетела от неприятно царапнувшей мысли: «Знают, значит, где моя семья. Надо весточку дать, чтоб покинули Самашки. И с Марьям надо разобраться, чтоб не позорила род».

Здесь он действительно не был своим. Жил на окраине села в доме, принадлежавшем когда-то осетинской семье, которая в начале девяностых оказалась нерасторопной, не поняв, что бежать, бросая всё, надо было не только русским. А кто не спрятался, как говорил его сынишка, играя в прятки, я не виноват. Но было ещё нечто непонятное и оттого особо пугающее.

Возвращался он с похорон единственного сына очень уважаемого чеченца Мустафы... Смерть – не редкость на этой земле. Но здесь дело было иное. Умер парень глупо. В подполе родительского дома, куда запер его собственный отец, пытаясь уберечь от неизвестной беды. А там, от спёртого воздуха или ещё от чего, стало парню плохо, и он упал, да так неудачно, что расшиб голову о бетонную заливку, в которой был схрон с оружием. И можно было ещё парня спасти, но отец строго-настрого запретил подходить к входу, закидав его сверху коврами. А когда минула полночь, и он, откинув крышку, позвал сына, довольный тем, что обманул рок, ответом ему была тишина и скрюченное остывшее тело. Мустафа даже рассудком немного повредился. Стоял на коленях, перед зияющей пастью погреба, медленно раскачиваясь, все время повторяя: «Ешاپ!!!». Так на чеченском языке испокон веков зовётся ведьма. Пока на вой женщин не сбежались соседи и не оттащили его в сторону. Вот ведь как бывает.

На похоронах Мустафа так и не пришёл в себя. Плакал, хоть не подобаёт это правоверному, и всё время беззвучно уговаривал ведьму сжалиться и вернуть ему сына. Глупец. Нет никакой ведьмы. Стечение обстоятельств – и только, неизвестно как угаданное той бестией. Нет, Арби этим не напугать. Он вообще ничего не боится. Но тут так некстати вспомнилось, как однажды заморочило его что-то в ночном лесу, подымая из глубины души суеверный ужас. Громадная тень кружила вокруг, присвистывая и постукивая, не громко, а как будто гвоздь в доску забивая - тук... тук... тук. Он затыкал уши, но стук и свист пробирались через сжатые ладони и впивались занозами в голову. И от этого такой мороз по спине пробежал, что хотелось броситься со скального обрыва, на котором он устроил лёжку. И даже очередь из автомата не помогла - не услышал он звука выстрелов. Мрак поглотил их. От наваждения этого пополз на четвереньках, мотая головой. А потом не выдержал и побежал, перетрусив, до лагеря, не оборачиваясь, спиной ощущая, как скользит что-то тёмное и непонятное следом. То, что не боится металла и быстро проговоренных молитв. То, про что рассказывала давным-давно старая прабабка, остерегая его от ночного леса. Тогда, с рассветом, лёжа в землянке, списал он всё на крутую афганку, которой вдосталь насыпали братья-арабы. Трава была забористая, крепкая, вот и накатила на мозги, выковыривая детские, давно забытые пугалки, путая в липком страхе. На этом и порешил. Но обстреливать позиции русских по ночам перестал - ну их к псам!

От неприятного воспоминания по телу пробежал озноб. И в это время со спины послышался лёгкий шорох, и тихий голос сказал:

- Ну, здравствуй, Арбиша.

Оборачиваясь, чеченец очень удивился блеснувшей в холодном свете полной луны полоске стали...

Наутро тело бандита Арби Юсупова найдут соседи. Сбежится народ, и все в ужасе будут смотреть даже не на затолканные в рот отрезанные уши, а на дыру в груди, где раньше билось сердце помощника главаря банды Касумова.

А всего несколькими часами позже расправы в расположении отряда, около вольеров, где жили овчарки кинологов, к одиноко стоящей фигуре подошёл разведчик.

- Ты была права, Тамара, - он встал рядом, так же глядя на низко блестящие звёзды. - Знаешь, у этого «чеха» были часы Фёдора. Он скулил и уверял, что это его, ещё отцовские. Но я-то точно знаю, чьи. Я сам эти «командирские» Фёдке подарил на день рождения, желал, чтоб долго и исправно отсчитывали его жизнь. И вот друга уже нет, а часы есть. Этот ублюдок трофей себе на память оставил, мерзота, - и, словно спохватившись, протянул то, что сжимал в руке. - Это тебе. Как просила.

И Крушнов, отдав ей мёртвое сердце, развернулся и пошёл прочь.

Тамара окликнула его:

- Саша, сколько времени?

Разведчик, скользнув взглядом по всегда точным «командирским», не оборачиваясь, крикнул:

- Десять минут четвёртого.

Когда силуэт скрылся за палатками, Тамара равнодушным взглядом скользнула по тому, что держала в руках, и вдруг с такой силой сжала ладони, что сердце лопнуло, и ошметки плоти и сгустки крови полетели в вольер, где их тут же начали жрать вечно голодные собаки. Тамара одним движением вытерла ладони о деревянную перегородку и, не торопясь, пошла в сторону своей палатки. Пора было ложиться спать.

Напасти не оставляли отряд. На следующем выходе по проверке территории группа опять напоролась на засаду. Бандиты пропустили головной дозор и, когда ядро невольно растянулось на трудно проходимом горном участке, дали залп из нескольких стволов. Васеев даже понять ничего не успел, когда пуля ударила ему в грудь и опрокинула с такой неожиданной силой, как будто невидимая кобыла лягнула в грудь копытом. В голове первой проскользнула мысль, от которой бросило в жар: неужто подрыв?!

Несколько минут он продолжал скрюченно лежать, как рыба, выброшенная на берег, хватая вмиг пересохшим ртом воздух. Грудь при каждом вздохе раздирала ломота, как будто в лёгких разбили бутылку, и она разлетелась на тысячи маленьких острых осколков, впившихся в грудину, мешая дышать и двигаться. Даже без врача было понятно, что сломано ребро, а может, и не одно. Но Володя благодарил себя за то, что не брезговал надевать на все выходы бронежилет. Пуля пробила два полных автоматных магазина и увязла в броне. Всё это были цветочки по сравнению с тем, что могло бы быть. Немного успокоив рвущееся из груди сердце, со стоном перекатился он в сторону, и только оказавшись за ближайшим деревом и отдышавшись от вновь резанувшей кипучей боли, через пелену плавающих в глазах красных пятен, смог, наконец, осмотреться.

Скоротечный бой прошёл без него. Парни, которых он сам лично натаскивал и тренировал, не подвели. Слаженно отбили нападение. И сейчас, рассредоточившись, залегли за укрытия, выбрав самые выгодные позиции. По нависшей тишине, которую разрывал только крик двух раненых бойцов, было понятно, что бандиты уже сбежали. Напакостили и смылись, не дожидаясь последствий. Опираясь на собственный автомат, Вова тяжело поднялся. От нехватки воздуха и обжигающей рези голова закружилась, и в глазах потемнело, но он смог удержаться на ногах и уже секунду спустя нашёл в себе силы начать отдавать команды. Радист вызывал подмогу. Раненых перевязали и вкололи им промедол. Васеев от помощи отказался, понимая, что тем двоим она важнее, только лишь, морщась, стянул с себя разгрузку и бронежилет. Правда, уже в расположении ему стало хуже. Видимо, растрясло в машине. Док, осмотрев внушительную гематому и прощупав место удара, сокрушенно поцокал языком, пробормотав его давешнюю мысль о том, что могло быть хуже, и ещё нечто успокоительное про то, что это, однозначно, до свадьбы заживёт. Вначале, когда Василевский предложил ему ехать вместе с остальными ранеными в госпиталь в Ханкалу, Володя отказался, но командир был непреклонен.

- Езжай, Вов, здоровье одно.

- Андреич, ты чего меня рано списываешь? Я ещё из-за такой ерунды по госпиталям не мыкался! - И дружок, насупившись, отвернулся, смяв в сердцах сигарету и отбросив её в сторону.

Игорь усмехнулся и протянул ему целую сигарету.

- Не психуй. Покажись врачам. Возьми справку, будет не лишним. И обратно. А чтоб ты не думал, что я хочу тебя скинуть, проследишь, чтоб парней нормально отправили в госпиталь, и заодно продукты получите.

- Вот это другое дело! – просиял Володя и осторожно, чтоб не закашляться, затянулся сигаретой.

Правда, его радужное настроение как водой смыло, когда он увидел, что с ними в Ханкалу едут и девчонки.

- Это ещё чего? – недовольно протянул он Василевскому.

- Вовка, не кипятись. Ты пока парней будешь оформлять, девчата с парочкой бойцов до рынка мотанутся. Закупятся. Надоела казённая, сил нет. А как ни крути - скоро Новый год.

До Ханкалы доехали, не проронив ни слова. Парни, обколотые обезболивающим, спали в болезненном сне. Кира с тревогой вглядывалась всю дорогу в их пожелтевшие лица. Она как будто сама дышала вместе с ними. Очень тщательно вымеряя каждый вздох и сравнивая его с тем, как неслышно, почти незаметно дышат раненые. Сдерживая себя от простого человеческого порыва сесть прямо на дощатый пол «Урала» и гладить их по голове, уговаривая потерпеть ещё немного и внушая, что обязательно всё будет хорошо, и они поправятся. Но почему-то было стыдно этой слабости. Не хотелось показаться размазней и сопливой девчонкой перед заместителем командира, который, когда залазил на борт, сделал привычный ему рывок и аж задохнулся от накатившей боли и, не совладав с собой, со стоном осел. Кира участливо придержала его, и он тут же отпрянул от неё, скривившись, как будто съел что-то кислое. Чем очень сильно расстроил и даже обидел ее. Она же от чистого сердца, хотела помочь. Но было понятно: Васееву не нужно подобное участие. Дальнейшую дорогу он просидел, привалившись на борт, устало прикрыв глаза, только иногда, когда машину сильно подкидывало на ухабах, морщился и почти незаметно вздыхал.

Кира изредка украдкой поглядывала на него. Мужественное лицо притягивало к себе взгляд. Она искренне не понимала, за что заместитель командира так их не любит. Ведь ничего плохого они не совершили и даже ни в чём никого не подвели. И вдруг она поймала себя на совсем детской мысли: очень вдруг захотелось, чтобы этот суровый дядька оценил бы и похвалил её когда-нибудь как хорошего бойца. Конечно, она понимала, что это из области мечтаний.

Тамара же все время пристально вглядывалась в окружающую местность. Автомат держала наготове, удобно уложив его на колене и направив ствол на проплывающий мимо лес, готовая в любую секунду открыть огонь, если того потребует обстановка. Но было пустынно и спокойно. Она не смотрела ни на парней, ни на Васеева, ни на Киру. По её отрешённому лицу казалось, что она вообще отсутствует и сейчас находится где угодно, но только не с ними. А когда они доехали и, спрыгнув с борта, молча наблюдали, как солдатики отнесли раненых в госпиталь, Кира наконец-то вздохнула облегчённо. Ей на секундочку показалось, что теперь с бойцами всё будет хорошо, и они обязательно выздоровеют.

- Знаешь, Кир, если бы ты погладила их по голове и сказала добрые слова, им точно стало бы легче, – задумчиво сказала ей Тамара и, не оборачиваясь, пошла следом за ушедшими. А Кире вдруг стало до такой степени горько от всего навалившегося за эту поездку, что на глазах предательски заблестели слёзы.

«Ну почему я такая несурзая? Прав Васеев, что так презрительно хмыкает. Никогда не стать мне настоящим снайпером. Вон и Тамара всё про меня поняла и слабость мою почувствовала. Да и парням, получается, не помогла, хоть и могла. Испугалась собственного сострадания. Захотелось быть суровой и сильной, а на самом деле – квашня квашнёй».

Но на размазывание соплей не было времени. Не хватало ещё, чтоб Тамара, выйдя, увидела её в таком расклеенном состоянии. Или, того хуже, чтоб вообще раскаялась в том, что за неё попросила и поручилась. Кира быстрым движением смахнула накатившуюся слезу и, злясь на саму себя, залезла обратно в кузов машины.

Через несколько минут вышла Тамара, и они поехали на закупку. Кира весь путь молчала, понуро уперев глаза в пол, и по приезде без желания поплелась к уличным прилавкам. Но рынок сразу окатил её своим гомоном, ослепив и заморозив обилием фруктов, копчёностей и разных сладостей. Все, уже отвыкшие от этих вкусов, невольно растянулись, разглядывая товар. Парни ушли вперёд. Кира, наоборот, отстала, залюбовавшись аппетитно-оранжевыми апельсинами, и невольно вздрогнула от непонятного шипящего звука, сразу интуитивно выхватывая взглядом напарницу.

Источником этого отвратительного змеиного шипения была скрюченная жуткая старуха, одетая во всё чёрное. Она, направив в сторону Тамары свой изуродованный артритом указательный палец и что-то злобно бормоча, периодически издавала этот мерзкий сипящий звук. Кире стало не по себе. По спине её предательски пробежал озноб оттого, что Тамара стояла, как вкопанная, в оцепенении глядя на то, как мерзкая карга приближается к ней, раскачиваясь, вскинув костлявые, в синих жгутах вен, руки. И только пальцы старухи в пигментных ржавых пятнах хищно сжимались и разжимались, как будто она пыталась что-то ухватить своими жёлтыми от времени, длинными кривыми ногтями.

- Ты-ы-ы!!! Я знаю – это ты-ы-ы!!! Это ты-ы-ы убила мою девочку!!!

Страшная бабка стала подвывать и шумно втягивать воздух, как будто пытаюсь учуять Тамару, которую, казалось, не видела, а только чувствовала.

- Я убью тебя-я-я!!!

Кира с ужасом увидела, что руки старухи стали удлиняться. Смахнув это наваждение, она, сама того не осознавая, вдруг кинулась в просвет между подругой и этой страшной бестией и с силой оттолкнула невесть откуда взявшееся здесь чудовище, где-то в глубине души испугавшись того, что, сама того не ведая, перешагнула некое табу, и вот сейчас эта древняя замшелая бабка упадёт и обязательно расшибётся. Но старуха не упала. Она очень ловко просеменила ножками, устояла, и, нелепо раскачиваясь, с выражением неистребимой ярости на лице стала злобно вертеть головой.

Было очевидно, что случилось что-то для неё непонятное. А к ней уже спокойно подошла пришедшая в себя Тамара и, что-то шепнув на ухо, ловко выдернула из-под черного платка несколько седых жёстких волосков. Резко развернувшись, подхватила Киру за руку и быстро направилась в сторону машины. А Кира, еле поспевавшая за подругой, на ходу обернувшись, поразилась тому, что никто из посетителей и торговцев рынка даже не заметил, что произошло. Всё шло, как и шло, своим чередом, как будто этой стычки и не было вовсе. Как, впрочем, не было и самой старухи со страшными длинными руками. Парни недоумённо догнали их уже у машины, так и не поняв, в чём дело.

- Поехали быстрее. Там какой-то непонятный ящик валяется. Может быть, фугас, - Тамара указала наугад куда-то в толпу.

- Да мало ли здесь ящиков валяется! Ничего ж купить не успели!

- Разговорчики! Нам ещё Васеева забрать надо и до расположения добраться.

Парни поворчали, но, повинувшись её взгляду и голосу, полезли на высокий борт машины.

А на следующее утро Кира проснулась рано, резко вынырнув из какого-то тяжёлого полузабытья без сновидений. Немного полежала, приходя в себя и разглядывая потолок палатки, всё-таки решила, наконец, встать - желание валяться улетучилось. Кутаясь в остывший за ночь бушлат и щурясь от утреннего морозного солнца, она вышла из палатки и резко отшатнулась, едва не наступив на брошенную почти у самого порога растрёпанную тушку старой вороны.

Голова птицы была свёрнута и аккуратно лежала рядом, удивлённо поглядывая на ошарашенную Киру белёсым, ничего не видящим глазом. Чёрный матовый клюв был чуть приоткрыт в придушенном крике, а требуха, раскиданная по мёрзлой земле, как будто была специально выложена в какой-то непонятный орнамент. Кира сделала несколько шагов назад, и уже в палатке кинулась к кровати Тамары. Слова застревали у неё в горле.

- Там! Там! Ворона там!

Тамара на этот крик приоткрыла заспанные глаза, потянулась и, улыбнувшись, лишь покачала головой.

- Ну, чего ты кричишь? Эка невидаль - коты ворону растрепали. И нечего голосить, а то на твои крики все сбегутся, решат, что тебя здесь режут - вот тогда действительно будет очень смешно.

Кира прикусила язык: действительно, что это она?

Вот только взгляд выхватил застрявшее чёрное перо в каштановых волосах напарницы. Кира развернулась и быстро вышла из палатки, уже спокойно перешагнув через птичьи останки.

Проверка Киры на профпригодность выпала на ночное дежурство. С наступлением темноты, которая приходит в этих местах незаметно, они с Тамарой скрытно выдвинулись в дальний замаскированный окоп, откуда удобнее было осматривать окрестности. Кира быстро приоровилась к наблюдению через прицел ночного видения. Яркий зелёный свет НСПУ изменял окружающее, делая его каким-то нереально фантастическим. Картинка словно складывалась из сказочного изумрудного снега, летящего прямо в тебя. Правда, долго наблюдать через него было невозможно, начинало резать глаза. Поэтому по совету Тамары, которая не одобряла такого технического наблюдения, какое-то время Кира сидела с закрытыми глазами и пальцами легко

массировала веки. Потом зрение привыкало к темноте, которая уже не казалась столь уж непроглядной, да и хорошую подсветку давали звёзды, иногда видные через набегавшие тучи.

Около четырёх утра Кира почувяла лёгкое движение недалеко у леса - словно ветерок пробежал по сухостою. Вгляделась. Ничего, тишина. А через несколько минут опять что-то напрягло. И вот вроде нет ничего, но как-то беспокойно стало. Засосало под ложечкой. А Тамара, почувствовав беспокойство напарницы, тихонько сказала:

- Без паники, Кирюха. Вот теперь включай свою чудо-технику, пришло её время на тебя поработать.

В ночном прицеле два силуэта вырисовались чётко, как на картинке. Только непонятно было Кире, что они делают. Вроде как пьяные валяются у леса, но непогода сейчас, да и не то это место. А Тамара уже инструктировала:

- Ишь, чего удумали. Досылай, Кира, патрон и считай, что это твой выпускной экзамен. Обоих сможешь достать, считай, отлично. Одного – тоже неплохо. А вот если уйдут, значит, подведёшь меня и впустую всё, чему я тебя учила.

- Не подведу!

Кира дослала патрон в патронник и срослась с винтовкой. Два выстрела прозвучали так ладно, что почти слились в один. По склону прокатилось эхо. Почти сразу взлетела осветительная ракета. Ощупывая окружающую территорию, заскользили прожектора. Зашипела рация, запрашивая, почему стреляли. Тамара спокойно, по-военному отчеканила, что пресекли попытку разминирования взрывного заграждения. Когда дали отбой, Кира отпустила винтовку. У неё заметно дрожали руки.

- А если они случайно там оказались? – прошептала она побледневшими губами.

- Ага, случайно... Ягоду-ползунику собирали.

Тамара, взглянув на Киру, поняла её терзания.

- Эй, девочка, а ну-ка, стоп!

Тамара легко встряхнула её за плечи.

- Слушай меня внимательно! Повторяю последний раз. Ты приехала на войну. На том берегу друзей нет. Либо ты их, либо они нас. Без вариантов. Третьего не дано. Быть здесь, сейчас - это твой осознанный выбор. Вот и прими его с честью. Путь война тяжёл и тернист, но богоугоден. Поэтому соберись. Ты сдала этот экзамен на отлично. Толк будет.

Кира молчала. Накативший мандраж сам собою начал проходить, как бы впитавшись в Тамарины ладони. Её перестало потряхивать. Через несколько минут стало легче.

- Том, а что они делали?

- Пытались проход сделать по нашему минному полю.

Тамара задумалась о чём-то своём, а Кира, не мешая подруге, разглядывала в свете появившейся луны помеченные смертью тела. К ним никто не спешил - кандидатов на ночной подрыв, видимо, не нашлось.

Позднее, когда их сменили, девчонки ушли в свою палатку. Не сговариваясь, молча сели за стол и какое-то время продолжали так сидеть, глядя на горящую свечу в алюминиевой кружке. Понимая, что сна уже не будет, Тамара заговорила:

- Ты знаешь, Кира, вся суть даже не в том, что сегодня «чехи» пытались сделать себе тропинку, а в том, что кто-то ведь им подсказал, откуда лучше подойти и где можно разминировать, а куда лучше не соваться. Вообще-то больше половины заграждения Лёва ставил. Он сапёр матёрый, у него незаметно фиг что извлечёшь. А вот там, где ты сегодня счёт свой открыла, там Ванька, солдатик молоденький, самые простые растяжки сделал. И вот вопрос: откуда «духи» узнали про это слабое место?

Кира удивилась такому повороту:

- Случайность... наверное, – и внезапно сама осеклась.

- Что-то в последнее время слишком уж много случайностей стало.

Секунду подумав, то ли подбирая слова, то ли решая, говорить ли Кире это или не стоит, продолжила:

- Предатель у нас сидит. «Сливает» информацию...

И, как бы открываясь перед напарницей, жёстко закончила:

- Вот ведь, что самое паскудное: не вижу я его, нет картинки. Гнетёт это меня, из себя выводит, но сделать ничего не могу. Оберег какой-то сильный у него.

И, помолчав, добавила:

- Послушай, Кирюха, ещё одну историю... Говорят, что женской дружбы нет. Не согласна. Была у меня подруга старинная - Рита. Женщина редкой душевной доброты. Врачом, военным хирургом, работала. Начинала ещё в Афгане. Стольким парням жизнь сохранила. Почти безнадежных вытягивала. Ноги, руки по косточкам собирала. Был у нее в этом талант. Всегда весёлая, лёгкая, светлая и совершенно бескорыстная. Больных оптимизмом заражала, так что сразу жить хотелось. Такая мощь в ней была и ещё любовь христианская к ближним. Редко таких людей встретишь. Бриллиант.

А какая она подруга была. Представляешь, вот вроде дар у меня, а она всегда знала, когда ко мне в гости прийти надо. Если тоскливо на душе, мает, гнёт что-то, придёт и как рукой всё снимет. Если радость какая, так больше меня радуется, смеется. А знаешь, как она под гитару пела, как будто душу наизнанку разворачивала. На всех праздниках первая заводила. Настроение создать умела, так, чтоб всем тепло было.

Когда первая чеченская грянула, Рита в командировку вновь засобиравлась. На работе сначала отпускать не хотели, таких врачей ещё поискать надо. К ней на операцию люди в очередь записывались за несколько месяцев вперёд. Большие деньги предлагали, только ей это всегда всё равно было. Добилась всё-таки, чтоб опять в пекло ехать. Врачей тогда на передовой не хватало, а у неё опыт в военной хирургии огромный. Нужна она там была. Так бывает, когда человек чувствует, где место его. Никогда не забуду, как прощались на перроне. Был поздний вечер, и состав освещался жёлтыми яркими фонарями. С неба неожиданно начал падать густыми огромными хлопьями снег, и асфальт быстро стал весь белым. Кругом суета. Народу полным-полно. Прощаются, пьют, смеются и плачут. Включили «Славянку». Все стали загружаться. Она грустно улыбнулась, обняла меня, прошептала: «Я вернусь...» И запрыгнула на подножку вагона. Поднялась и махала рукой, долго, пока состав не скрылся из вида. А я махала в ответ, в темноту, и слезы душили меня, разрывая грудь. Уже тогда в душе было понимание, что не вернётся она. Видение было, как лицо её покрывает снег, словно саван, и не тает.

Рита написала только одно письмо, подробно и страшно описывала, что там происходит. А потом тишина - ни строчки. И вдруг, через два месяца после отправки, звонок. Это была её старенькая мама. Она плакала и просила прийти. Сердце зашлось от предчувствия беды. Когда пришла к ним в квартиру, там стоял мужчина в камуфлированной форме. Он был только что оттуда. И уже на улице, закурив, чтоб унять нервную дрожь, рассказал, что Рита и ещё три женщины медперсонала были прикомандированы к их мотострелковому полку. Делали сложнейшие операции, практически чудеса творили, спасая парней. А когда выбирались из операционных, еле живые от усталости, валились спать в отведённом им кунге.

И вот однажды ночью чечены вырезали часовых и угнали этот прицеп. Вот так, просто. Заблокировали снаружи дверь, подцепили к машине и укатили в неизвестном направлении. Через месяц в пригороде Грозного наткнулись на голову одной из женщин. Она была надета на палку, а про остальных так ничего и не известно. Понятно лишь одно, что смерть приняли они такую, что врагу не пожелаешь. А ещё из собранной информации стало понятно, что продал их кто-то из своих и деньги за это получил немалые. Вот только кто эта тварь, так и не вычислили.

Помню, слушала его, а в душе всё переворачивалось. В глазах чернота. Из груди как будто кусок сердца вырвали. Температура зашкалила. Ночью, когда сном бредовым забылась, Риткин плач услышала, хотя в жизни никогда она не плакала, стойкая была как камень. А тут тихонько, как ребёнок, всхлипывает, зовёт меня и просит за неё отомстить. Очнувшись, а мольба её в ушах звенит.

Горевала я тогда долго. Такая чёрная тоска накатывала от жалости к подруге и тем трём врачам, что передать тебе не смогу. Запрещала себе даже заглядывать в ту сторону, боялась, что сознание не выдержит, не дай Бог увидеть картину того, что с ними случилось. А когда немного отпустило, безысходность злостью сменилась, стала искать мразь эту, что девчат продала. Но вот только сейчас, чувствую, в цель попала. Знаю одно, что предатель этот паскудный, который здесь орудует, он и подругу мою тогда на смерть лютую отправил. Только вот кто он?

- А я Вам ещё раз говорю, Игорь Андреевич, что Ханкала недовольна тем, как мы боремся с бандой. А вернее, никак не боремся. Хвост поджали и сидим ровно на заднице!

Начальник штаба, подполковник Лимонов горячился. Соответствовал он своей фамилии полностью: и лёгкой желтизной кожи, и постоянно кислым выражением лица. Василевский

слушал его, усилием воли подавляя раздражение. Игорю давно были понятны амбициозные потуги этого вояки. Хотелось тому, ох, как хотелось, признания и государственных наград.

А начштаба расхаживал по палатке, размахивая руками и накручивая себя всё больше, пытаясь донести главную мысль командования, красной линией живописал дальнейшее направление действий отряда.

- Генерал не простит нам нашего малодушия и потерь, которые мы несём. Если, Игорь Андреевич, Вы не боитесь потерять должность, можете и дальше мириться с тем, что у нас под носом боевики безнаказанно жируют и что хотят, то и делают.

Лимонов остановился и требовательно посмотрел на командира отряда. Он уже сел на любимого конька и был в образе обличителя трусости и профнепригодности. Помимо подвигов и орденов, хотелось ему ещё и соответствующую должность. Один близкий родственник, не последний человек, кстати, в министерстве, обещал походатайствовать перед кем нужно и советовал самому не теряться и проявлять разумную инициативу, но аккуратно, без фанатизма.

Всё это Василевский знал, а также понимал, что несостоявшийся политрук Лимонов хоть и заывает пойти и всех победить, но сам надеется, что пока другие будут жилы рвать, отсидится в КШМ на прямой связи с руководством. Игорь взглянул на сучающего Васеева. Тот сосредоточенно разглядывал шариковую ручку и, казалось, пламенную речь начштаба не слушал, но, почувствовав взгляд друга, с наигранным подобострастием в голосе вдруг заявил:

- Абсолютно с Вами согласен, уважаемый Константин Владиславович. Распоясались бандиты, дальше некуда. Пора их депортировать. По примеру, который подал нам дорогой вождь Иосиф Виссарионович - в двадцать четыре часа. И я, как истинный сталинист и почти коммунист, готов хоть сейчас выдвинуться на это святое дело под Вашими знаменами. Вы, товарищ подполковник, какого коня предпочитаете: белого или каурого?

Лимонов остановился, не поняв с ходу речи майора, пробормотал:

- Какого коня?

- Того, на котором Вы нас в смертельный и несомненно праведный бой поведёте.

Майор преданно смотрел на ошарашенного Лимонова. Через минуту до того дошло Вовкино шутовство и, побагровев, он рывкнул:

- Издеваетесь?! Что ж, вынужден доложить руководству о вашей трусости и некомпетентности, - и почти бегом выскочил из палатки.

Игорь и Володя проводили его взглядом.

- Вот ведь дурака кусок на нашу голову, - процедил Васеев, с лица которого моментально слетело идиотское выражение. - Вояка хренов! Хочет чужими руками жар загребать и дырки себе на кителе сверлить.

Игорь вздохнул:

- Да уж, Вов, один такой соратник - и врагов не надо. Стучать, сука, побежал. Так что через пару дней к выходу готовься. Он сейчас эту тему грамотно в уши вдует. А я, наверное, буду к пенсии готовиться, хватит, навоевался.

Его друг только рукой махнул:

- Остынь. Бодливой корове рогов по штату не положено. Но выход не за горами, ты прав. Давай, командир, карту, будем думать, откуда этот пирог откусить...

Лимонов слово своё сдержал и кому надо пожаловался. Через несколько дней Василевский имел весьма неприятную беседу и получил распоряжение в ближайшее время провести операцию по выявлению и уничтожению орудующей на его территории банды. Срок на всё про всё - месяц. В противном случае строптивому офицеру пообещали самый что ни на есть пристрастный разбор полётов с рассмотрением соответствия занимаемой им должности. Ещё через день начальник штаба с полным осознанием собственной значимости преподнёс неизвестно откуда взятую секретную информацию по возможному нахождению активных членов бандформирования.

Василевскому нестерпимо, по-мальчишески хотелось разбить в сочный фарш его высокомерную морду, но приходилось сдерживаться. Игорю в беседе настоятельно посоветовали отношения с Константином Владиславовичем не обострять и, не дай Бог, не усугублять.

Приступили к разработке предстоящего выхода, расстановке сил и средств. По имеющейся, вроде как агентурной информации, выходило, что «духи» последнее время

отсиживаются в селе по нескольким адресам. Решили разделить на три группы захвата и ударить одновременно по всем трём. Первую, которая должна была штурмовать дом, где, по сведениям, находился сам Касумов, возглавил майор Васеев. Игорь, хоть и переживал из-за недавнего ранения друга, но понимал, что лучше Володьки с этим заданием никто не справится. Тот лишь кивнул, невольно коснувшись рукой скрытой под свитером повязки. Вторую - капитан Крушнов. Третью - командир первой роты, майор Лозовой. Ну, и общее руководство было за Василевским и Лимоновым, который мысленно уже примерял себя на новую, возделенную должность.

Ранним воскресным утром выдвинулись по возможности скрытно, насколько это вообще было осуществимо при проведении такой масштабной операции. Перед населённым пунктом разделились, одновременно рассредоточив подобие заслона на случай, если бандиты рванут на прорыв из села из-за заходящих с разных направлений групп захвата.

Одновременный штурм, конечно, хорошо, но первым отрапортовался Васеев. Адрес был пустым. Даже последующая зачистка дома и прилегающей территории не дала никакого следа главаря банды и его поделщиков. Выгоняя из проломленных ворот БТР, Володя запрашивал, нужна ли помощь двум другим группам. Но у остальных была такая же пустышка. В доме, куда заходила группа Лозового, был один старик и несколько женщин непонятного возраста. Они уверяли, что никого, кроме них, в доме нет, и беглый осмотр это подтверждал.

Крушнов же, выйдя во двор после бесполезного штурма, в полной растерянности разглядывал абсолютно пустой дом. Внутренне чутьё подсказывало, что ещё недавно здесь были бандиты, но наспех собрались и отбыли в неизвестном направлении. Опыт не давал расслабиться, и он окрикнул солдат, чтоб внимательнее глядели под ноги при осмотре и остерегались сюрпризов. Вдруг интуиция заставила резко развернуться в сторону сараев, одновременно вскинув автомат, но ощущение, что опаздывает на доли секунд, уже придавливало своей неотвратимостью. С грохотом и отлетающими комьями грязи распахнулась замаскированная крышка лаза, и оттуда выскочил чеченец с зелёной повязкой на голове и наведённым пулемётом.

- Аллах акб... - и тут боевика с разворотом резко дёрнуло в сторону. Снайпер снял чётко - пуля калибра 7,62, зная своё дело, практически оторвала боевику руку, ещё мгновение назад сжимавшую рукоять ПК.

Крушнов же, не удивляясь столь быстрой смене удачи, в два прыжка достиг поверженного бандита. На ходу забросив автомат за спину и вырвав с разгрузки нож, всем весом навалился на извивающееся тело и с нажимом упёр клинок в небритый кадык.

- Где остальные, гад?!

Глаза капитана побелели от ярости.

Чечен трясся под ним, сдавленно сипя. Саня дёрнул бандита за полуоторванную руку, и когда тот, наконец, смог вдохнуть после собственного крика, приставил острие ножа к его глазу.

- Либо ты, дерьма кусок, говоришь, где банда, либо я тебе сейчас зрачки вырежу и отпущу на все четыре стороны.

Нохча, гортанно забулькав, инстинктивно пытаюсь отодвинуться от нависшей угрозы, зататорил:

- В горы ушли. Предупредили нас, что зачистка будет. Я один остался, чтоб отход прикрыть.

- Кто предупредил? Говори, животное! – уже почти орал Крушнов.

- Не знаю! Я рядовой боец. Ничего не знаю, мамой клянусь, - он обречённо заскулил.

Крушнов, убрав от его глаза сталь, одной рукой приподнял за ляжку оснащения, уже спокойно спросил:

- Знаешь, падаль, чья это разгрузка?

По лицу бандита проскользнул нескрываемый страх:

- Нет, клянусь!

- Врёшь. Вижу, что знаешь, - как-то слишком спокойно ответил капитан.

- Разгрузка эта друга моего, Фёдора.

И без паузы, с силой вогнал лезвие по рукоять в глотку врага, перебивая пульсирующую артерию.

- Ну как, легче стало? – сзади стояла Тамара.

- Стало...

Крушнов тяжело поднялся, отпустив ляжку разгрузки, и ещё дёргающееся в агонии тело мешком плюхнулось к его ногам, забрызгав берцы кровью.

- Спасибо тебе, Тамара.

- Это не мне, а Кирюхе спасибо. Не реакция, а взрыв. Я даже понять ничего не успела, как она уже на крючок надавила.

- За уверенность, что найду их, спасибо... И за знак – тоже, – и благодарно, одними глазами улыбнувшись Тамаре, устало пошёл к машинам.

Лёжка никуда не годилась. Неудобная и плохо маскирующая с одной стороны, но именно с этой точки было хорошо видна небольшая поляна в низовье горной реки. Тянуло туда Тамару никогда не подводившее чутьё. Подсказывало, что надо только лишь ждать, и результат будет. А ждать она умела, как никто, и Кирюху этому учила. Уже не первый раз они скрытно от всех выдвигались в это место. Знал об их выходе лишь Василевский. Переживал и неодобрительно покачивал головой на такие долгие одиночные походы за территорию расположения. Но Тамара была непреклонна, опасаясь очередной утечки.

- Всё будет хорошо, Игорь Андреевич, мы второй фронт открывать не будем. Будем только тихонько ждать и наблюдать. Очень уж удобное место для тех, кто пытается прятаться в горах. Чувствую, что должны они там появиться. Вот тогда и разведку подключим и зайдём к ним в гости, когда бандиты меньше всего ожидать будут. А сейчас что, может, подводит меня озарение?

- Тебя-то? Ладно, действуйте, но осторожно. Никаких подвигов.

И подполковник дал добро, организовав им скрытый выход и вход. И вот уже в который раз лежали они, устроившись для длительного наблюдения. Всё кругом, как обычно: небольшие шапки снега покрывали огромные валуны по берегам незамерзающей горной реки, деревья, чуть припорошенные инеем, стояли как невесты, горные хребты кутались в низкие тяжёлые облака. Зима всё же добралась до этих мест, замедлив быстро текущую жизнь.

Протяжно вскрикнула какая-то птица. Хрустнула ветка, и вдруг потянуло ни с чем не сравнимым запахом пропахшей дымом костра одежды. Всё это моментально вырвало девчат из задумчивости и умиротворённого созерцания природы. Снайперши поняли: дождалось. Тихо и осторожно со стороны относительно пологого горного склона спускалась одетая в натовские пятнистые маскхалаты группа. Остановившись на поляне, оглядевшись, разделились. Каждый занялся своим делом: несколько человек что-то полоскали в зимней спокойной реке, ловко удерживаясь на скользких камнях, трое быстро откопали у кустарника оружейный зелёный ящик и пытались его вытянуть на поверхность. По потугам было понятно, что он полон.

И только один, закулив, спокойно стоял и задумчиво разглядывал противоположный берег. И вдруг все напряжённо замерли, подтянув к себе оружие. Стоявший главарь резко обернулся. Из леса появилась фигура в армейском камуфляже. По тому, как все быстро опять занялись прерванными делами, стало понятно, что этот человек им знаком и угрозы не представляет. Тот подошёл к главарю, и они, поздоровавшись, отошли в сторону, о чём-то тихонько разговаривая.

- Вот ведь, мразота!

Тамара сразу узнала вышедшего из леса человека и сделала Кире знак рукой. - Лежи здесь и наблюдай, а мне переговорить с ним надо. По счетам платить пора...

Человек в камуфляже, спрятав за пазуху внушительный свёрток, быстрым шагом направился в лес, откуда и вышел.

Тамара выскользнула из лёжки, а Кира продолжила в прицел всматриваться в копошившихся недалеко людей до тех пор, пока не услышала шорох, мысленно удивившись, что напарница так быстро вернулась.

- Ну? Что?

Кира обернулась и, вздрогнув от неожиданности, увидела над собой бородатого мужика. Он, грязно улыбнувшись, с силой ударил её по голове прикладом автомата.

- Зарплату получил, Иудушка? – издевательски протянула Тамара, бесшумно выходя на тропу из-за деревьев.

Мужчина шархнул, занятый своими мыслями, и чертыхнулся:

- Тьфу ты! Следишь за мной, ведьма?

- Сам на меня набежал, но я не в обиде. Вот только одно понять не могу, чем тебя зацепили бандиты, что ты всех нас предал?

- Че-е-е-м?!

Он растягивал этот вопрос, словно тот был резиновым, пытаюсь незаметным движением перебросить на грудь убранный за спину автомат, но тот, зацепившись за погон, качнулся, да так и остался на месте.

- А тем, что ненавижу вас всех! И размазню Василевского, на месте которого должен быть я! Я больше его заслужил быть командиром! И тебя, тварь всезнающую, за то, что строишь из себя недотрогу. И солдат этих убогих, трусливых, которые только и мечтают домой попасть, да под подол мамкин спрятаться. Всех, всех вас ненавижу!

- Ты слюнями не брызгай. Хочешь, расскажу, как я всё это вижу? История твоя банальна до невозможности: был ты офицером грамотным, смелым, лихим и бесстрашным, делами доказывал, что ты лучший. И поверил, что поймал военную птицу удачи за хвостик. Да вот только тогда осечка вышла: на одном из заданий нарвалась твоя рота на засаду. К тому моменту, когда кончились патроны, погибли почти все, кроме тебя да еще пары молоденьких пацанов, но и вам выхода не было. Зажали вас грамотно и жёстко. Смерть твоя стояла перед тобой, ожидая, когда ты разожмёшь ладонь с гранатой. Да вот только не смог ты этого сделать. Чеченец у тебя гранату забрал. А потом ты же ему и рассказал, кто ты и откуда, а он предложил то, от чего ты не смог отказаться: жизнь да ещё деньги, до которых ты всегда охоч был. Взамен, правда, заставил убить тех двоих солдатиков, и всё это на видеокамеру снял. Вот так поступил ты на службу к бандитам. И всё у тебя ладненько пошло. Только вот совесть иногда, в самом начале, ещё будила по ночам, но потом ты сумел и её придушить. Действовал ты действительно талантливо, изворотливо, да так, что даже друзья подумать на тебя не могли. Вон, даже не побоялся засаду сам на себя устроить, чтоб всё кружевно выглядело. Парней подставил, сволочь. Ну да тебе не привыкать сослуживцев в расход пускать. Правда? Так что ты мне здесь военные песни не пой. Лучше расскажи-ка, каково тебе было деньги тратить, которые ты за Ритку и остальных девчат получил. Это после того, как она тебе осколки из руки вытянула и от гангрены спасла.

- С удовольствием!

И в этом визге предателя, в его нечеловеческом оскале было столько ненависти, что даже издававшую на войне всякое Тамару передёрнуло. Тупорылая пушечная пуля с характерным хрустом свернула переносицу и вынесла затылок, а то, что когда-то было человеком, по-свинячьи хрюкнуло, свело мгновенно остекленевшие глаза в кучу и тяжело опрокинулось навзничь, проломив снежную корку.

Тамара, убирая «Макаров», подошла к телу и пристально, как бы сканируя, взгляделась в распростёртое тело. Потом наклонилась и резким движением сорвала с шеи какой-то старинный оберег.

- Магия, твою мать, - усмехнулась она и поспешила обратно.

Кира несколько раз с трудом выныривала из липкого пульсирующего забытья. Но дикая, разрывающая голову боль ввергала её обратно; она успевала только ощутить, что тащат её за лямку от разгрузки, волоком по мерзлой земле. Страх пойманной птицей бился в груди, опять и опять заставляя приходиться в себя. И, собрав силы, наконец, она смогла сфокусировать взгляд и увидела, что её окружают бородатые чеченцы и, глядя на нее, довольно щерятся:

- Попалась, ведьма!

Стон вырвался у неё от понимания реальности всего произошедшего, и она попыталась вырваться. Тогда один из них ударил её ботинком в лицо, и тошнотворная темнота опрокинула её в беспамятство.

Правда, перед тем, как в очередной раз сознание потухло, успела она заметить затуманенным от боли взглядом, как мечется за прозрачными ветками кустарника и обледеневших деревьев, преследуя их, огромная, бесформенная, чёрная тень.

- Спаси меня... - прошептала она беззвучно разбитыми губами и провалилась во мрак.

Шли бандиты долго, всё дальше углубляясь в труднопроходимые места, пока, выдохнувшись, не решили сделать привал. Удивляясь, как такая маленькая и на вид хрупкая девушка может быть настолько тяжёлой. Подумали, что сам шайтан тянет к земле, мешая им тащить её до хорошо скрытой базы.

Наконец они расселись на поваленных деревьях, с проклятиями швырнув свою окровавленную добычу на мёрзлую, припорошенную снегом землю. Закурили и стали вслух решать: надо ли тащить её дальше или лучше разделаться с ней прямо здесь. Но лёгкой смерти девушке-снайперу никто не желал, и поэтому все сошлись на том, что надо собраться с силами и дотянуть до базы, где и ответит эта тварь за всё.

И вот, когда они решали, как медленно и с удовольствием будут резать эту русскую на куски, к ним, не пошевелив на ветках снег, из леса вышла женщина, настолько нереальная в этом месте со своими распущенными, ярко-каштановыми волосами и изумрудными глазищами, что чеченцы сначала подумали, что это наваждение от усталости, и лишь секундами позже вскинули автоматы, оперев в неё чёрные стволы.

- Отпусти её, Усман. Это не та, которую ты искал, - сказала она спокойным, бесстрастным голосом.

Главарь в непонимании уставился на неё.

- Слышишь, что я тебе говорю, Касумов? Я – Ведьма!

Главарь уже оправился от неожиданности и, вскочив, попытался выстрелить, но оружие дало осечку. Судорожно передёрнув затвор и пробормотав проклятие, он повторил попытку, но опять тщетно - ударник только щёлкнул вхолостую.

- Отпусти её, и мы с тобой сможем поквитаться, а иначе не взять вам меня.

Равнодушно окинула присутствующих холодным взглядом, остановилась на самом молоденьком и, оперев в него указательный палец, сказала:

- Слушай ты, Арзу Дадаев, сын Руслана Дадаева, внук героя Отечественной войны Хамзы Дадаева, и запоминай. Сейчас ты возьмёшь девчонку и потащишь обратно, до самого расположения отряда. Передашь её часовым и вернёшься домой, там родные тебя заждались. Не твоя это война. Но запомни, если остановишься и выпустишь из рук разгрузку до того, как доберёшься до нашей базы, в тот самый момент умрёт твоя мать. Веришь мне?

Парень подтверждающе кивнул, судорожно дёрнув острым кадыком, и, как замороженный, взялся за разгрузку и потащил снайпера обратно – туда, откуда они пришли.

Усман удивлённо проводил его взглядом, но ничего не сказал.

Когда парень с тяжелой ношей скрылся в сумраке темнеющего леса, Тамара оглядела всех боевиков, и по её лицу скользнула еле заметная ухмылка.

- Товарищ подполковник! Товарищ подполковник! - в палатку ворвался запыхавшийся солдатик и, встав как вкопанный перед ошарашенным Василевским, судорожно начал хватать воздух, чтоб восстановить дыхание.

- Там чеченец какой-то приполз, ненормальный! Кириюху притащил. А сам бормочет ерунду какую-то и намертво в разгрузку её вцепился, так что оторвать не смогли. Пришлось Киру из неё доставать. А после того, как майор Лозовой на руках девчонку в медчасть унёс, вообще не в себе стал, рыдал и кому-то всё время объяснял, что он всё выполнил, просил пожалеть его мать. На расспросы не отвечает и, по-моему, вообще не совсем понимает, где находится.

- С Кируй что? – накидывая на ходу бушлат, кинул Василевский.

- Не знаю. Голова разбита. Без сознания. Сейчас у врачей, - докладывал солдатик, поспешая за быстро идущим командиром.

- А Тамара где?

- Не знаю, товарищ подполковник.

Молоденький чеченец, весь грязный, в разодранном маскхалате, был и правда на грани помешательства. Бессильно привалившись к блоку, размазывал слёзы грязными руками, из которых так и не выпустил разгрузку, и разговаривал с темнотой. Добиться что-либо от него не представлялось возможным, и Василевский от досады только махнул рукой.

- Этого тоже в медчасть!

Солдатики чеченца еле подняли и, поддерживая под локти, повели в сторону палатки медиков. Он шёл понуро, пошатываясь как пьяный и периодически спотыкаясь, а вернее, еле плёлся, продолжая прижимать к груди окровавленную Кирину разгрузку, тихонько что-то бормоча и всхлипывая.

А Игорь уже отдавал команды, снаряжая группу для поиска, пытаясь уgomонить рвущееся из груди сердце.

Кира пришла в себя на следующий день, ближе к вечеру. Вынырнула из пут болезненной мутной темноты и, сразу всё вспомнив, стала испуганно оглядываться вокруг. Ещё не понимая, где находится, попыталась приподняться, но сил на это не хватило, и она рухнула обратно на подушку. Липкий холодный пот скатывался по её лицу и телу. Жар затуманивал сознание. Страх попавшего в западню зверя душил её, сдавливая горло. Но даже сверлящая, нереально оглушительная боль не могла подавить в ней единственную мысль, трассером бьющуюся в мозгу: бежать, бежать, бежать!

К ней метнулся док и, удержав от попытки скатиться с кровати, начал шёпотом, улыбаясь, доходчиво, как ребёнку, объяснять, что всё хорошо и что она у своих, и что теперь всё будет просто отлично. Сейчас же ей надо только немного отлежаться и подлечиться.

Кира впервые за долгое время улыбнулась, когда услышала слова дока, что у неё на удивление крепкая голова. Несказанно обрадованный этой вымученной улыбке док начал шутить и балагурить, чтоб отвлечь её от мрачных мыслей. И лишь спустя некоторое время, когда Кира, успокоенная дружеским участием, опять провалилась в беспокойный сон, он, заменив капельницу, отошёл от неё и тяжело вздохнул:

- Ох, девчонки-девчоночки...

В следующий раз, когда она пришла в себя, к ней зашёл Василевский. Тихонько сел на стул рядом с кроватью и по-отечески, с теплотой в голосе, спросил, как она себя чувствует.

Чувствовала она себя плохо. Голова кружилась и разламывалась от пронизывающей острой боли. Рассечённая кожа, стянутая швами, нестерпимо ныла. Перед глазами у неё всё время плавали чернильные пятна, и при каждом вдохе к горлу подкатывала тошнота. Но Кира упрямо шептала обмётанными от жара губами, что всё хорошо. И лишь когда Василевский собрался уходить, Кира шёпотом спросила, где Тамара.

Игорь вздохнул и задумчиво, не поднимая глаз на Киру, рассказал, как притащил её полоумный чеченец, как они поспешили по оставленному следу и шли долго, ночным лесом, только к утру выйдя на небольшую поляну. И что, как следовало из увиденного, Тамара подорвала себя вместе с бандитами. Вот и всё - конец банде Касумова. А ещё пропал Вовка Васеев. Правда, ещё до этого всего, днём.

Кира сглотнула и, еле разлепляя запёкшиеся губы, прошептала:

- Васеев - предатель. Он «сливал» всё бандитам...

После того как оглушенный последней новостью командир, пожелав скорейшего выздоровления, ушёл, к ней подошёл Крушнов и рассказал, что не всё так просто в исчезновении Тамары. Он лично возглавил группу поиска, и когда они вышли на эту злополучную поляну, то по ней, действительно, были раскиданы разодранные тела бандитов, но вот останков Тамары не было, как не было и воронки, которая, судя по разрушительной силе взрыва, должна была быть внушительных размеров.

- Может, жива?..

А ночью резко повеяло корицей и ночным зимним лесом. Кира открыла глаза, обрадованно попыталась приподняться навстречу подруге, но голова закружилась, и она без сил опустилась на кровать.

Тамара, вынырнув из темноты, бесшумно подошла и села на край кровати, погладив её по голове. От этого прикосновения боль и тошнота стали проходить.

- Кира, девочка моя, пришло время прощаться. Только не будет мне покоя, если не передам силу свою. Возьми меня за руку, освободи меня.

Женщина протянула ей руку.

- Не уходи... - прошептала Кира, со слезами глядя на подругу.

- Не могу. Прости. Я всё сделала, что должна была. Больше здесь делать мне нечего. А ты будешь служить дальше.

И Кира, не отводя глаз от лица напарницы, протянула руку и сжала тёплую живую ладонь.

- Прощай...

Видение растаяло, как будто и не было его, и девушка провалилась в крепкий, без сновидений, спокойный сон.

ЭПИЛОГ

Год спустя пятилетний Пашка играл в парке в пограничника. Сначала, конечно, он очень расстроился и даже всплакнул из-за того, что старший брат с друзьями не взял его играть с ними в футбол. Но он действительно был мал и не так быстр и ловок, как девятилетний Костя и его товарищи. Поэтому быстро взял себя в руки и решил играть самостоятельно. Правда, иногда украдкой поглядывал на старших, которые увлечённо гоняли мяч и на Пашку не обращали внимания.

- Я пограничник. И я охраняю границу нашей Родины, - приговаривал мальчик, сжимая пластмассовый автомат и отмеряя шагами начерченную прямую.

- Товарищ пограничник, разрешите мне нарушить государственную границу и пройти на сопредельную территорию.

Пашка обернулся и увидел улыбающегося мужчину, стоявшего прямо перед прочерченной прямой. Свёл на лбу бровки, всем своим видом изображая тяжёлое раздумье по поводу того, что надо делать с нарушителем границы. Мужчина тут же подсказал ему, что, несомненно, он должен сдать его своему командиру, и уже тот должен решать его дальнейшую судьбу. Тогда Пашка важно сообщил, что он и есть командир погранотряда. Мужчина удивлённо, восхищённо всплеснул руками и, смешно причитая, коверкая слова на иностранный манер, сказал, что сдаётся на милость такому юному, но, определённо, очень отважному командиру.

Мальчику очень понравился этот взрослый дядя, который не спешил уйти и легко включился в его игру. Мужчина же подошёл и, протянув руку, пожелал познакомиться с героем, сообщив, что его зовут Игорь. Мальчик заулыбался, радостно проболтавшись, что и его папу зовут Игорь. Только он сейчас ещё находится на службе. Мужчина кивнул и вдруг, заговорщически подмигнув, спросил:

- А почему у такого замечательного пограничника нет собаки?

Пашка задумался. Ему жуть как хотелось собаку, немецкую овчарку, как у соседки Юльки. Но мама не разрешала.

- Понимаю. Родители против. И у меня в детстве так же было. Но однажды я принёс домой замечательного маленького щенка, и он был такой хорошенький, что родители разрешили его оставить.

Мальчик слушал его, приоткрыв рот, забыв про всё на свете.

- Ты знаешь, Павел, а ведь тут недалеко живут несколько чудесных щенят. Можно выбрать одного, и тогда я лично схожу к твоей маме и уговорю её оставить маленького пёсика.

Пашка кивнул и доверительно вложил свою ладошку в большую, немного шершавую ладонь незнакомого мужчины, только мельком стрельнул взглядом в сторону старшего брата, решив, что они быстро сходят, возьмут щенка и вернутся, так что Костя даже не заметит, что он куда-то отлучался.

Кира возвращалась со службы. Выйдя за территорию бригады, глубоко вдохнув бодрящий морозный воздух, решила пройтись и свернула в парк. Не торопясь, девушка шла по расчищенным аллеям, размышляя о предстоящем Новом годе и выборе подарков для родных и друзей.

Недолго постояв и полюбовавшись на лихо играющих футболистов, подумала купить мороженое и зашагала в направлении киоска. Прошла мимо увлечённо разговаривающих отца и маленького сынишки. Скользнула взглядом по лицу мужчины. И, сделав по инерции ещё несколько шагов, встала как вкопанная и медленно обернулась. Незнакомец, несомненно, не был отцом этого ребёнка, а то, что она увидела в глазах мужчины, всколыхнуло отвращением всё её нутро, вызвав из глубин жуткую, неконтролируемую злобу. И мужик, словно почуяв что-то, увидев её изменившееся лицо, быстро выпустил руку мальчика, кинув короткое:

- В другой раз, - и быстро скрылся в густом заснеженном кустарнике.

Мальчик растерянно проводил его взглядом, не понимая, что произошло и почему его новый взрослый друг так быстро убежал. К нему подошла Кира и, сев перед ребёнком на корточки, доверительно сказала:

- Пашка, не грусти. Потерпи немного. В этот Новый год подарят тебе родители самую замечательную собаку на свете. Только чур, об этом молчок. Идёт?

И мальчик, вновь улыбнувшись, так что на румяных щёчках обозначились глубокие ямочки, скороговоркой пообещал:

- Честнопограничное!

- Верю, боец. А сейчас беги, а то тебя брат ищет...

И мальчик, быстро кивнув на прощание, побежал к любимому брату, не желая того огорчать.

Девушка проводила его взглядом, несколько раз махнув в ответ, а секундой позже, затвердев лицом, отточённым движением хищника рванула в заросли, где скрылась нежить в человеческом облики. Кира точно знала, что догонит, что на судьбе этого ублюдка уже поставлена жирная точка...

2013 год

Поэзия

Владимир Молчанов

Родился в 1947 году в станице Ильской на Кубани. Детство и школьные годы прошли на Белгородчине, в селе Новая Таволжанка Шебекинского района. Окончил Белгородское музыкальное училище и Воронежский государственный университет.

Автор десяти книг стихотворений, поэм и переводов, публиковался во многих журналах, коллективных сборниках и других изданиях. Стихи переводились на немецкий, польский, болгарский, украинский и азербайджанский языки. Член Союза писателей и Союза журналистов России, лауреат многих литературных премий, в том числе – Большой литературной премии имени Расула Гамзатова (2012 год), дипломант ряда областных литературных и журналистских конкурсов, заслуженный работник культуры РФ. Председатель Правления Белгородской писательской организации.

Поневоле, а может, воле,
За безгрешность или грехи
Мне такая выпала доля –
Песни петь и писать стихи.
Ничего от себя не скрою,
Всё увижу таким, как есть.
И про доброе, и про злое,
Про бесчестье скажу и честь.
Всё хорошее, всё плохое
Я в один веночек заплету,
Чтобы свет был наполнен тьмою,
Темнота чтоб была в свету.
Ничего от судьбы не надо,
Хоть сгорю без следа дотла.
Мне одна на земле награда –
Чтобы песня во мне жила.

Всё, что было – всё со мною:
Эти реки и леса,
В зыбком мареве от зноя
Горизонта полоса;

Поле, солнцем залитое,
И травой обросший лог;
Бездорожье золотое
Мною пройденных дорог.

Сколько тропок, сколько станций
Улеглось в моей судьбе!
Не подумайте, что стансы
Я слагаю сам себе.

Просто вижу жизнь иною,
Как представлю в свете дня:

Всё, что было, – всё со мною,
Всё, что будет, – без меня.

Родник

Давным-давно все это было,
Но вдруг пришло издалека:
Рябина красная рябила
У голубого родника.

И день звенящий шел на убыль,
А мы притихли оттого,
Что пили воду – губы в губы –
Из отраженья своего.

С годами память не остыла,
Хоть мы расстались навсегда,
И обжигает с прежней силой
Та родниковая вода.

Когда слабее станет биться
Больное сердце поутру –
Я к роднику приду напиться
И с чистой совестью умру.

Памяти матери

Мне темь глаза открыла шире,
И разглядел я в темноте,
Как мало места в этом мире
Сердечности и теплоте.

Лишь неба снежного безлуны,
Да одинокая ветла,
Лишь улиц шумное безлюдье,
Да перестылые ветра.

Смотрю в себя, а тьма не тает,
И в ней теряет день следы,
И ночи явно не хватает
Одной единственной звезды.

Одной звезды, чей свет, как пеньё
Ржаного стебля на меже,
Чтоб наступило потепленьё
И просветленьё на душе.

Наверно, я мало успею,
А надо бы много успеть:
Пройти бы тропую свою,
Суметь бы по-своему спеть.
В безвестность слова мои канут,
Нет веры в их надобность вновь,
Но в будущем, может, проглянут
Надежда из них и любовь.
Успеть бы сказать их... Успеть бы
Дать песне и крылья, и высь.
От мига рожденья до смерти
Всего-то и времени – жизнь!

Кислицы

Мне часто детство моё снится,
Которого давно уж нет.
...Мы рвали терпкие кислицы,
Как лакомство нелёгких лет.

О витаминах не гадала
Послевоенная братва,
А с аппетитом их глотала,
Травой испачкав рукава.

Незабываем детства берег!
И вызывает память ту
Усталость ломкая в коленях
И горечь сладкая во рту!..

Если я и во что-нибудь верую,
Если в жизни куда-то стремлюсь –
Это только в село своё вербное
Со спокойным названием Русь.

Днём и ночью душа озабочена:
Как село там родное живет?
Беспокойно стою на обочине,
А дорога стремится вперёд.

А дорога стремится неспрздная –
В оба глаза гляди да гляди.
Слышу песню – запевы все разные,
А припев непременно один.

Всё же, веруя в лучшее, верное,
Сквозь туманы, сквозь слякоть прорвусь.
Здравствуй, здравствуй, село мое вербное
Со спокойным названием Русь!

Проза

Александр Пономарев

Александр Анатольевич Пономарёв - писатель, драматург. Родился и проживает в Липецке. Автор двух книг прозы: «За нас. За вас. За Северный Кавказ» (2008), «Хризантемы для Эммы» (2012). Закончил филологический факультет Липецкого Государственного педагогического института, Республиканский институт МВД России по специальности «практическая психология». Служил в органах внутренних дел РФ. Подполковник милиции в отставке. Ветеран боевых действий на Северном Кавказе. Член Союза писателей России, Межрегионального Союза писателей Украины, Конгресса литераторов Украины, член-корреспондент Крымской литературной Академии. Лауреат национальных и международных литературных конкурсов «Золотое перо Руси -2009», «Славянские Традиции – 2011», «Большой Финал – 2011», «Доброе Слово – 2011», «Русский Стиль – 2012».

НАШ ПРИНЦИП

Рассказ

Алексея кто-то осторожно потряс за плечо. Он открыл глаза. На него, улыбаясь, смотрело загорелое бородатое лицо.

- Хас-Магомед, - Лёша тоже улыбался в ответ.

- Узнал?

- Ещё бы не узнать тебя, дружище! Ты же меня два часа на плечах нёс.

- Ну, ничего. Как твоя спина?

- Побаливает ещё, - Алексей неловко повернулся, в спине заболело так, что захотелось опять провалиться в глубокий и крепкий сон.

Лёша невольно застонал и огляделся. В больничной палате все койки были заняты, раненых было много, некоторые кровати были вынесены в коридор.

- Слушай, - зашептал ему в ухо Хас-Магомед, - около Хасавюрта люди видели крупные банды боевиков. Пока федералы и наше ополчение ушли в глубь Чечни, они планируют здесь проведение терактов. Не исключено, что захватят больницу. Я тебе тут принёс, если что будет, чем себя защитить.

И он положил Лёше под подушку свёрток. Алексей сунул туда руку и ощутил в ладони тяжесть и металлический холод оружия. На ощупь пистолет казался не очень большим, но сразу внушал чувство уверенности и защищённости. Воронёный ствол был бережно завернут в холст.

- Спасибо, друг!

- Не за что, - дагестанец с улыбкой отвернулся, - ты один здесь? Остальные ваши с тобой?

- Колюху вертушкой сразу же в Махачкалу отправили. Он самым тяжёлым оказался, а старлей Михеев здесь. В офицерской палате. Помнишь Михеева?

- Помню, - Хас-Магомед поморщился, - помню этого героя.

Как же не помнить взводного Михеева? Когда бойцы выходили из горящего села, он больше всех суетился и с тревогой осматривал раненых, как будто прикидывал: кого можно бросить, а кто пригодится.

Старший лейтенант Михеев запомнился Лёше ещё в лагерях под Новочеркасском, где их готовили к войсковой операции. Во время проведения тактических стрельб, занятий по тактике и воинским уставам Михеев отличался от других офицеров статью, придиричивым и слегка пренебрежительным отношением к подчинённым и излишним, подчёркнуто-внимательным отношением к собственной внешности. Надо сказать, что был он высок, строен, симпатичен, а его лихому казацкому чубу не хватало места под беретом, он всегда высовывался наружу и ниспадал на густые чёрные брови.

- Русские на войне своих не бросают, это наш, русский, так сказать, национальный принцип. Запомните это навсегда, - внушал Михеев бойцам. Причём говорил он это так часто, что Лёша запомнил.

Здесь, в госпитале, старлей уже нашёл даму сердца. Медсёстры не сводили глаз с лихого офицера, который любил рассказывать, как выводил бойцов из-под обстрела. Но Михеев выбрал себе врача-невропатолога Жанну. Она была яркой крашеной блондинкой, к тому же излишком ума не отличалась. Ну, что же, свинья грязь найдёт.

- Послушай, Хас-Магомед! Помнишь, когда мы повстречались с вами, когда уже вырвались из окружения, я просил подобрать раненого солдатика, - Лёха пытался заглянуть в глаза ополченцу, но тот отводил взгляд, - мы не смогли забрать его, а он плакал и просил не бросать. Вы не подобрали его, Хас-Магомед? Ну, что же ты молчишь? А?

- Я помню, Лёша, помню. Когда мы входили в село, на обочине дороги лежало много солдат, но живых среди них не было. У некоторых было перерезано горло, их добивали. Ну, прощай. Да пребудет с тобой Аллах. Удачи тебе, Лёша...

И дагестанец быстро вышел из палаты.

Алексей ещё раз огляделся. На соседней кровати лежал солдат-срочник. Видимо, ранение у него было серьёзным, так как перебинтован он был с ног до головы и всё время молчал, даже не стонал. Двое ополченцев из Дагестана лежали на койках рядом, переговариваясь на своём языке, иногда косясь влево, где у стены маялся раненый боевик. Он всё время стонал, бредил, с его языка слетали длинные и пространные речи на арабском языке. Может быть, он повторял про себя суры из Корана, которые, как видно, скоро ему очень пригодятся.

- Как дела, Караваев, держишься? – на кровать Лёхи присел взводный Михеев. – Ну, держись-держись, молодец! Слыхал? Меня к ордену Мужества представили. Так что теперь всю жизнь ты мне проставляться должен, я тебе её спас.

- Товарищ старший лейтенант, а Вы того солдатика помните?

- Какого, - глаза Михеева забегали, он понял, о ком его спрашивают, - их много в моей жизни было, солдатиков всяких. Всех не упомнишь. А я, брат Караваев, прежде всего, свой личный состав должен сохранить. Что я и сделал. Ой, Жанна идёт. Мне пора. Ну, пока, выздоравливай, солдат. А про этот случай никому ни гу-гу. А то я злопамятный, - и взводный вышел из палаты.

«Русские на войне своих не бросают. Это наш принцип. Запомните это как молитву», - кровь стучала в висках, сердце колотилось под шерстяным одеялом, а слова колоколом бились в Лёхиной голове.

Отделение выползло из горящего села. Лёхе на спину как будто налили расплавленного свинца. Там всё жгло и болело. Но он полз сам. Рядом тащили Колюху Зверева, он стонал и, похоже, был без сознания. Впереди мелькала фигура взводного. Он полз, пригнувшись к земле. Иногда оборачивался, кривил от досады лицо и приказывал ползти быстрее.

- Из-за вас погибнем все, - кричал он, срываясь на визг.

Саня и Юрка, тащившие Николая, не обращали на Михеева никакого внимания. Может, им было наплевать, а может, они были контужены и не слышали или среди грохота и свиста пуль не разобрали в запарке. Да какая разница?

Саня и Юрка остались там, на окраине села. Их скосила пулемётная очередь. Михеев пропал из вида, а Лёха полз, правой рукой цепляясь за землю, а левой подтаскивая к себе Зверева. Тот был расслаблен и не сопротивлялся, но и не помогал.

И вот там-то, под горящим БТРом, им встретился солдатик. Ноги его были перебиты. Он сначала забился под днище бронемшины, а когда понял, что это свои, начал плакать и просить не бросать его. На несколько секунд Лёха потерял сознание, а когда пришёл в себя, увидел перед собой перекошенное от злости и страха лицо Михеева.

- Товарищ старший лейтенант, возьмите солдата, а я потащу Колюху.

- Какого Колюху? Какого, я тебя спрашиваю? Бросай его, он всё равно не выживет. А этого, - он показал рукой на срочника, - я вообще трогать не собираюсь. Ты знаешь, что боевики минируют тела убитых и раненых? Я здесь старший и прошу выполнять мои приказы! Понял? Что, под трибунал захотел?!

- Послушай, старлей, - Лёха в упор смотрел на взводного, - тащи Колюху, а я поползу за тобой. И не дай бог тебе его бросить. Замочу как гниду, - и Лёха показал ему автомат.

Михеев сплюнул и, сверля его глазами, всё-таки потащил Зверева, взяв его за ворот.

Лёха попробовал волочить солдата за собой, но силы оставили его.

- Тебя как зовут? – спросил он пересохшими губами.

- Серёга, - всхлипнул тот.

- Послушай, Серёга, я не смогу тебя взять. Возьми мою фляжку, спрячься под БТР. Как только мы доберёмся до своих, я обещаю тебе, что пошлю их за тобой. Ты понял? Я спрашиваю: ты понял, Серёга?

Серёга послушно закивал головой и затих. Лёха пополз вслед за Михеевым. Каждый сантиметр давался ему с трудом, сил не было. На его спине кто-то в кованых сапогах отплясывал краковяк. Во рту пересохло. Поравнявшись с Михеевым, он решил отдышаться. Взводный пил из фляжки, пригнувшись к земле. Он поднял глаза и прошептал: «Ну, вот и всё. Кранты».

Лёха повернул голову и увидел группу бородачей, вооружённых автоматами.

- Вы кто? Федералы? – спросил один из них. - Мы ополченцы из Дагестана!

А потом всё было как в тумане. Лёха помнил только чернобородого Хас-Магомеда, который нёс его на плечах. Сколько? Он не помнил. Очнулся он только в госпитале, лёжа на животе. Ощупав себя, он обнаружил, что плотно перевязан бинтами и намазан какими-то мазями. Только наутро ему принесли завтрак и мензурку с таблетками. Та же медсестра сказала, что солдата, который был вместе с ним, увезли вертушкой в Махачкалу, а офицер лежит в соседней палате. Он почти не ранен и скоро вернётся в часть. Медсестра почему-то думала, что Лёху порадуят эти новости. Но камень, который лежал у него на сердце, стал тяжелее на несколько килограммов.

Была ночь. Лёха лежал и не мог уснуть. Как только он закрывал глаза, ему слышалось, как плакал Серёга и просил не бросать его. Потом он видел, как Серёга, глядя ему в глаза и успокоившись, уползает под БТР, прижимая к груди Лёхину фляжку.

- А ведь я обманул его. Бросил, - подумал Лёха.

Его тихо тронули за плечо. Он обернулся. В темноте палаты над ним стояла сестра в белом халате. Лица её не было видно, но Лёха понял, что никогда не видел эту медсестру.

- Вставай, пойдём, - тихо сказала она.

Лёха попробовал встать и не смог. Боль вернулась.

- Я не могу, - промолвил он.

- Хорошо, спи, - сказала сестра, - я ошиблась, - и она, повернувшись к соседней койке, тронула за плечо солдатика, забинтованного с ног до головы.

Лёха провалился в глубокий сон. Проснулся он только через несколько часов, но кругом все ещё спали. Подъёма не было. Но что же разбудило его? Лёха поднял голову. Два санитары, стараясь не шуметь, тихо выносили из палаты его соседа, с головой накрытого белой простыней.

- Забрала, костлявая, - подумал он, - а ведь Михееву ещё долго служить. Он ведь только начал. Скольких ребят по его вине вот так вынесут вперёд ногами. «Русские своих не бросают? Так, старлей? - Лёха усмехнулся.

- Я спасу Вас, ребята. Он больше не кинет никого из вас. Никто не погибнет больше по его вине. Русские своих не бросают и не будут бросать.

Лёха вытащил из-под подушки пистолет, передёрнул затвор. Встал, морщась от боли. Спрятал ствол под полы халата и заковылял в соседнюю палату, чтобы наш принцип работал дальше. Работал, как часы, и никто не смел в этом усомниться...

СКАЛА

Рассказ

На горы опустился молочный туман, солнце уже скрылось за кручами, и прохлада обволакивала верхушки деревьев.

С перевала шла красивая горянка, несшая на плече серебряный кумган с ледяной водой. Девушка улыбалась Шамилю и приветливо махала рукой. Вот сейчас она подойдёт и даст ему напиток ключевой, холодной как смерть воды...

- Командир, проснись, командир, - Шамиля настойчиво трясла за плечо.

- Я не сплю! Что случилось? - полевой командир открыл глаза и посмотрел на воина в зелёной повязке с арабской вязью, который сразу же смутился и потупил взгляд. - Я спрашиваю, что случилось. Или ты проглотил язык, Ваха?

- Командир, час назад наш передовой отряд нос к носу столкнулся с разведкой русских.

- Потери?

- Нет, наши почти все целы. Русские вышли на поляну неожиданно. Они сразу попали под перекрёстный огонь. Мы перестреляли всех этих шакалов, и даже их командир попал к нам в плен.

- Он что, сдался сам? – Шамиль поднял брови.

- Нет, Шамиль, он ранен. Мы взяли его без сознания. Он здесь. Поговоришь с ним или сразу в расход?

- Веди, надо расспросить, где основные силы противника. Вдруг они готовятся взять нас в кольцо. Они стали очень хитрыми в последнее время, эти русские.

Ваха вышел, затем толкнул в землянку полевого командира молодого бойца в камуфляже болотного цвета типа «Шелест» с непокрытой головой.

Шамиль строго оглядел его с ног до головы.

Сколько пленённых врагов он видел за эти четыре года войны. Каждый из них вёл себя по-разному: кто-то падал на колени, кто-то рыдал и молил о пощаде, кто-то начинал сдавать своих, хотя его никто не спрашивал. Встречались и настоящие воины: они молча стояли, опустив голову, и ждали своего смертного часа. Таких Шамиль уважал и просил своих людей убить их быстро.

Но никто, никто и никогда из них не смотрел в глаза своего победителя.

Этот командир разведвзвода держал себя совсем по-другому. Он стоял, слегка согнув одну ногу в колене. Правое плечо и левая нога были неумело перевязаны бинтами. Шуршун местами вымазан коричневой глиной и кровью, на берцах комьями прилипла глина. Светлые, немного рыжеватые волосы растрёпаны. Видно было, что боль мешает ему сосредоточиться, и всё же он смотрел в глаза Шамиля. Смотрел своими зелёными глазами и не отводил взгляда.

- Что смотришь? – усмехнулся бандит. - Не видел никогда?

- Нет, - просто ответил юноша, - только на фотографиях.

- Похож?

- Да, похож.

- Твоё звание, подразделение, задачи.

- Лейтенант Иванов. Командир взвода полковой разведки. Больше ничего не скажу.

- Если я захочу - скажешь. Ты же не хочешь, чтобы тебе перерезали горло, как овце.

- Нет, Шамиль, я ничего не скажу. Во-первых, практически ничего не знаю такого, что тебе может быть полезным. А во-вторых, я давал присягу и, конечно же, понимаю, что в живых ты меня всё равно не оставишь.

- Понятливый. Но только я всё и так знаю. В то время как ты, как крот, ползаешь по лесам и ущельям, твои начальники за деньги разболтали все секреты. Я знаю перегруппировку ваших войск, где и когда намечены войсковые операции, где выставлены кордоны и пройдут воинские колонны. Просто я хочу подарить тебе несколько минут жизни.

- Зачем мне они, эти несколько минут, - перебил его Иванов, - если они сделают меня трусом.

Лейтенант продолжал смело смотреть на Шамиля своими зелёными глазами.

- Я хотел попросить тебя об одной услуге, - продолжал он.

- А почему ты решил, что я окажу тебе, своему врагу, какую-то услугу?

- Потому что она не будет тебе стоить ровным счётом ничего, и ещё в память о наших дедах.

- Дедах?

- Да, Шамиль, наши деды воевали против одного и того же врага. Чеченцы и русские – хорошие воины. Может быть, лучшие в мире. И если война постучится в наши двери, они должны воевать вместе, плечом к плечу против общего врага – как это делали наши деды, побеждая фашизм, наши отцы, выполняя интернациональный долг в Афгане. Они и нам завещали то же самое, но мы не поняли и не услышали, мы наплевали на их наказ.

- Хорошо, о чём ты меня хотел просить? - поморщился Шамиль.

- Мои оба деда воевали в Отечественную, отец был военным лётчиком и погиб в Египте, я офицер и воин в третьем поколении и я прошу тебя, Шамиль, не пожалей для меня пули и не режь горло как барану.

- Это всё?

- Да, это всё.

- Ты смелый человек. Как тебя зовут?

- Володей.

- Я выполню твою просьбу, Володя. Только у меня к тебе есть предложение: сам знаешь, как нелегко сейчас найти хорошего воина. И эти, - Шамиль махнул рукой в сторону, - стоит только

эmissарам не привезти вовремя денег, разбегаются по горам как крысы. Переходи на мою сторону, лейтенант. Поступишь в мой отряд – сделаю тебя полковником. Будешь командовать разведкой и получать приличные деньги, вчетверо больше, чем платило тебе твоё командование.

- Нет, Шамиль, я говорил тебе, что давал присягу...

- Присяга – это слова...

- Не всегда. Кроме того, мне пришлось бы принять ислам.

- И что тебя в этом останавливает? Станешь нашим братом, перестанешь быть неверным!

- Я родился неверным. Все мои предки были православными. Я не считаю себя умнее или правильнее их. И колокольный перезвон, и треск восковых свечей, и запах ладана – всё моё. И без этого нет жизни для меня. Самое страшное – предать память своих отцов. Да и нужен ли тебе такой брат, который мечется и с лёгкостью меняет религию, друзей и Родину? Предав один раз, он предаст и в другой. Я не хочу умирать трусом и предателем. Как ты думаешь, не это ли самое страшное?

Шамиль посмотрел в глаза лейтенанту и вздрогнул. Он что, читает его мысли, этот русский? Много раз Шамиль думал о том же. Самое страшное, что может быть в жизни – это умереть предателем и трусом. Он прав, этот юный лейтенант. И он твёрд как скала, несмотря на свою молодость. Да полно! Человек ли это? Человек должен бояться смерти, а он улыбается. Может быть, это ангел, которого послал ему во искушение русский бог Исса?

Шамиль долго молчал, он думал. Вспоминал свою безоблачную юность, как учился в педагогическом техникуме в Твери, любил русскую девушку Люду, вспомнил о своих родителях, погибших при бомбёжке в первую кампанию, о своих братьях и сёстрах, о жене и детях, которых война разбросала по городам и весям.

Русский лейтенант разбередил ему душу.

Шамиль резко поднялся.

- Пойдём, - только и сказал он.

Володя молча последовал за ним. Они шли по тропе среди раскидистых платанов к скале, которая возвышалась на краю леса и уходила своей кручей высоко вверх.

- Я сам застрелю тебя, - Шамиль шёл первым, - боюсь, что джигиты не выполняют мою просьбу и перережут тебе горло. Слишком уж они злы на вас.

Они подошли к скале. Володя встал впереди, по пальцам его левой руки стекала кровь и тяжёлыми каплями падала на сырую от росы землю, он расправил плечи, поднял голову и вновь посмотрел в глаза полевому командиру. И вновь дрожь пробежала по телу Шамиля, и он потупил взгляд.

- Отвернись!

- Я не хочу получить пулю в затылок. Стреляй так, - и Владимир, взявшись пальцами за медный нательный крестик, поднял свои зелёные глаза вверх, любуясь небом, покрытым тучами, где высоко и свободно, расправив крылья, парил орёл...

Шамиль долго тряс головой, как будто в мозгу засела заноза, затем спрятал «Стечкин» в кобуру и неуверенной походкой, не оглядываясь, двинулся назад в лагерь. Таким полевого командира Шамиля Дадаева не видел никто. Он шёл так, как будто на плечи ему опустили непомерный груз. Может быть, ту скалу, под которой, широко раскинув руки, лежал и смотрел в небо зеленоглазый Володя...

Поэзия

Андрей Омельченко

Омельченко Андрей Викторович – родился в 1980 году в Вильнюсе. Учился и жил по всему Советскому Союзу, кроме Дальнего Востока. Окончил факультет морской радиоразведки в Балтийском военно-морском институте. Служил на кораблях и в частях Балтийского флота. Службу завершил в должности специального корреспондента газеты Балтийского флота «Страж Балтики». Член Союза журналистов России. Соавтор книги «Через призму судеб...». Стихи публиковал в различных поэтических сборниках и литературных журналах.

СТИХИ

Между Богом и Россией пелена -
то ли дымка, то ли толстое стекло.
Кто-то душу выжигает ей до дна,
кто-то хочет, чтоб из памяти ушло
то, что строило Храм Спаса на крови -
Вековая жажда правды и любви.

Снегопад весной похож на шёлк
Нехотя отпущенной вуали.
Если бы лучи апреля знали,
Как ему на воле хорошо!

Если бы дорогами мы шли,
Не петляя в пыльных, клейких тропах...
Если бы мы старой катастрофы
Не раздули новые угли....

Стоит ли плакать, любимая? Волны
Времени катят своим чередом.
Это проклятое море наполним
До берегов. Там и будет наш дом.
Мы
С тобой
На краю любви
Будем жить...
И солнце
Будет для нас.
Только жди меня, милая!
Слышишь?
Жди.
В темноте и свете.
Вчера.
Сейчас.

Мои голубоглазые мечты
Чисты и ясны, словно небо в мае.
И часто я себя не понимаю,
Дней прошлых глядя чистые листы.

Небо – звёздная степь.
Так прохладны, чисты,
твои волосы волнами плещут.
Наших рук лебединые тени-следы
умоляют пространство и вещи.
Город спит. Мы одни.
Мир придуман для нас.
И укроет прозрачное небо
наших рук, наших ласк
Серебрящийся вальс.
В дивном свете созвездия Девы.

Красный воздух ватный.
Закат прогорклый.
Ниагарой рассол с бровей.
Стотридцатки жерло
у пекла в горле.
Крылья «ос» не дают теней,
но штампуют в тени
людей в момент.
Хорошо бы попасть под тент
и залить пивка.
И нежней рука
будет руку мою сжимать...
Если нам - прийти,
разорвав пути.
Если ты обещаешь ждать.
Красный воздух ватный.
Закат прогорклый
красит кровью остывший ют.

Неужели враг мой
живой настолько,
что готов умирать в бою?

Теперь весна. Тепла наплывы
Вливают в сердце радость дня.
Природу будят переливы
Сдуревших птиц. Тебя обняв,
По оживающей аллее
Иду, и листья на глазах
Из почек прут и зеленеют.
Уже в кустах
Кот какофонит праздник жизни,
И небо спелой гроздью виснет.
В твоих глазах.

Как странно плыть, не зная расстояний
Как пошло жить, не веруя в себя,
И день за днём ползти к могильной яме,
И сердцем плакать, искренне любя,
Шарахаться теней, истекших судеб.
И знать, что будет только лишь больней.
И ожидать, что это будет, будет...

Год ушёл. Осталась только память.
Нет ни слёз, ни боли, ни любви.
Словно уплывают в солнце, плавясь.
За чертою моря корабли.
То приходят мёртвые во сне
Говоря, что надо жить не пошло.
То живые падают в цене...
Ткань мечты проглядывает прошлым.

Проза

Валерий Горбань

Член Союза писателей России. Родился, вырос и большую часть жизни прожил на Крайнем Севере, в основном – в Магаданской области. Участник первой чеченской кампании, награжден орденом Мужества и ведомственными медалями. Выпускник Академии управления МВД России. Полковник милиции в отставке. Журналист, на счету которого сотни социальных и публицистических материалов.

Автор трех книг, а также соавтор семи сборников художественных и документальных произведений. Сборник «Чеченский шрам» получил широкую известность. В 2005 году вышел роман «...И будем живы» о событиях первой чеченской кампании 1995—1996 годов, в 2006 году переиздан в серии «Неизвестная война». Лауреат Международного конкурса им. А. Платонова, лауреат еженедельника «Литературная Россия», удостоен диплома и поощрительной премии МВД России за лучшее произведение в области литературы.

ПАМЯТЬ КРОВИ

Рассказ

Сердце колотилось, плясало, наполняя уши звоном и прогоняя бешеными толчками кровь через виски: грум-грум, грум-грум, грум-грум... Ноги ещё хранили то ощущение невероятной лёгкости, с которой они бросили через окоп ставшее невесомым тело. Руки же, наоборот, налились горячим свинцом и продолжали сжимать винтовку, от штыка которой, через бешено пульсирующие пальцы, прямо в душу прошёл мягкий хруст разрываемой металлом человеческой плоти. А капелька пота, скатившаяся со лба в уголок губ, вновь принесла с собой тот страшный, упоительный запах-вкус, что каждый раз багровым хмелем ударял в голову, наполняя всё существо диким первобытным возбуждением:

- Я убил *Его*! И я жив!

Винтовка была мосинской трёхлинейкой. Той самой, с которой шагали революционные солдаты и матросы по страницам «Букваря», и поднимались в атаку красноармейцы в кинохронике Великой Отечественной.

А у *Него* был карабин. Чёрный, короткий, с плоским штыком. *Его* мундир был похож на форму немецких солдат. Но ни витых погон, ни орлов, ни крестов Виктор не помнил. Просто китель. С карманами на груди. В левый нагрудный карман и входил длинный, четырёхгранный штык трёхлинейки, когда *Он* вдруг растерянно опускал свой карабин и начинал судорожно шарить рукой по подсумкам с обоймами...

Виктор встал с кровати и, покачиваясь, босиком прошлёпал в ванную. Ополоснул ледяной водой пылающее лицо, но не стал его вытирать, а, запрокинув голову и прикрыв глаза, присел в углу на старенькую стиральную машинку.

В дверь ванной тихонько поскреблись.

Мамин голос спросил:

- Сынок, тебе плохо?

Наверное, и двух часов не прошло, как он проводил Наташку, поцелуями мешая ей выговаривать глупые девчоночьи обещания, и, вернувшись домой, упал в постель. Друзья, давшие хорошей кофты по случаю проводов Виктора в армию, разошлись ещё раньше.

- Нет, мам, всё нормально. Душновато просто. Иди спи. Завтра ещё напереживаешься.

Впервые этот сон пришёл к Виктору, когда ему исполнилось четырнадцать. В первую же ночь после дня рождения. И за четыре года, прошедшие после того потрясения, он не один десяток раз вновь и вновь перелетал через окоп. А его враг, вновь и вновь, развернувшись вслед за своей смертью, соскальзывал со штыка и мягкой куклой оседал в глиняное укрытие, ставшее могилой.

Виктор твёрдо знал, что, просыпаясь, он запоминал не всё. Последнее, что оставалось в памяти: по чёрному желобку между белыми, блестящими гранями стального жала стекают

тяжёлые капли и падают на истоптанную пожухлую траву. Алый цвет смешивается с жёлтым и зелёным. Маленькие подплывающие овалы становятся бурыми...

И всё. Чёрный занавес. Но ведь было ещё что-то. И это «что-то» каждый раз мучило его, разламывая голову, делая угрюмым и раздражительным, заставляя в такие дни избегать друзей и дерзить родителям из-за ерунды.

Однажды, после очередной глупой стычки, отец зашёл к нему в комнату и, обняв за плечи, спросил:

- Что с тобой происходит? Мама грешит на твой трудный возраст. Но, видимо, всё гораздо серьёзней...

Рассказ сына он слушал, опустив глаза. А когда, наконец, их взгляды встретились, Виктора пробил озноб, и он замолчал на полуслове: отец *знал!*

А тот попытался улыбнуться и глуховатым, подсевшим голосом сказал:

- Чему ты удивляешься? В России ни одно поколение без войны не обошлось. У нас в роду все предки воевали. Прапрадеды твои на Дону и в Запорожье казаковали. Деда и прадеды с немцами дрались. Их кровь носишь. И их память...

У входа в комнату послышались мамины шаги, и отец торопливо шепнул:

- Не говори матери. А то она нас *обоих* к психиатру потащит.

Больше они к этой теме не возвращались.

Напряжение было просто невыносимым. Кудрявые кусты, незнакомые южные деревья, каждая травинка – всё излучало опасность. *Они* были где-то здесь. И в любой момент могли ударить в упор длинной очередью, метнуть под ноги гранату или, прыгнув на спину, полоснуть по горлу кинжалом.

Виктор остановился. Стараясь не лязгнуть громко ножнами, вытащил штык-нож и прищёлкнул к автомату. Раньше он никогда этого не делал. Не было такой нужды. «Духи» никогда не лезли в рукопашную, предпочитая, после внезапных обстрелов из засад, смываться, не дожидаясь ответа. Да и штык-нож он сегодня взял с собой только потому, что вчера, выпендриваясь перед ребятами, метнул любимую финку в старый каштан. Нож попал в железной твёрдости сучок, и лезвие отломилось у самой рукоятки.

- Рэмбо, твою мать, - снова обругал себя Виктор.

Неожиданно стало легче. Воспоминание о конкретной неприятности сделало окружающий мир более реальным.

Но всё же...

Те двое, которых они с Санькой «срисовали» в «зелёнке» недалеко от дороги, растворились где-то здесь. А ведь была надежда, что, незаметно сев им на хвост или захватив их живьём, удастся выйти на базу боевиков. Командир разведроты, дав по рации «добро» на преследование, тут же выслал подмогу. Но ребятам нужно было минимум тридцать минут. А «духи» долго сидеть в засаде не стали. Сунули в лужу на дороге две противотанковых мины и лёгким, упругим шагом поперли в горы. Пришлось, наскоро вышвырнув опасные гостинцы в кювет, идти за ними вдвоём.

Слева, метрах в ста, воздух распорол автоматный треск. Два «калашника» рычали друг на друга. Санька напоролся! Виктор рванул на звук, стараясь рассчитать так, чтобы зайти со спины автоматчика, стрелявшего выше по склону.

Перелесок внезапно кончился. И метрах в пятидесяти от него, за двумя большими валунами вдруг чётко нарисовалась фигура боевика, стоящего на колене. Второй неподвижно лежал рядом, подтянув ноги к животу и неестественно запрокинув голову. Автомат у живого «духа» был с подствольником. Хлопок! Виктор невольно проводил взглядом чёрную каплю, вырвавшуюся из короткого ствола. Граната пыхнула дымком возле старого мощного дуба, подпрыгнула и рванула в воздухе, вышвырнув из-за дерева смятую пятнистую фигурку. Боевик что-то яростно прокричал и кинулся к упавшему.

Магазин автомата был полон. И предохранитель давно снят. Но стрелять Виктор не стал. Удивительно знакомая багровая волна плеснула ему в мозг и понесла вперёд невесомое, пружинящее тело. Он мчался наперерез, видя сразу все: бегущего врага, перевёрнутую курносину штыка на конце своего автомата, Саньку, лежащего с разможжённой головой... И неистовое «а-а-а!» первобытным рыком вырвалось из мгновенно пересохшей глотки.

Боевик, тормознув, развернулся навстречу опасности. Вскинул оружие, но тут же, отчаянно вскрикнув, вырвал из «калаша» пустой магазин, отшвырнул его в сторону и выхватил из «разгрузки»¹ другой.

В последнем, стелющемся прыжке Виктор выбросил свой автомат вперёд. Штык-нож мгновенно вошёл между чёткими контурами запасных рожков, в клапан только что опустевшего кармана. Сила инерции пронесла Виктора ещё несколько шагов, а его враг, развернувшись от страшного удара и сорвавшись со штыка, мягкой куклой перевалился через Сашкино мёртвое тело.

Виктор стоял, опустив автомат. Бешеное возбуждение клокотало в груди:

- Я убил *Ego!* И я жив!

Жутковатый, пьянящий запах-вкус бил в ноздри, наполняя рот солоноватой слюной и кружа голову.

А по широкому плоскому лезвию штыка, рисуя алые дорожки, стекали тяжёлые капли, падали на раскалённые щёлочистые камни и мгновенно высыхали бурными лепешечками...

Страшный удар вырвал у него землю из-под ног.

Виктор по-кошачьи извернулся в воздухе, шлёпнулся на живот и мгновенно перекатился за убитых.

Через несколько секунд он пошевелился, отполз за дерево и, прижавшись спиной к стволу, стал рассматривать свою правую ногу.

С одной стороны бедра камуфляж медленно темнел вокруг небольшой аккуратной дырки. С другой – из кратера вырванного воронкой мяса на лохмотья ткани плевался кровью маленький пульсирующий гейзер...

Снизу затрещали сразу несколько «калашниковых». Виктор торопливо затянул жгут, сунул назад, в карман, индивидуальный пакет и потянул к себе автомат. Но пули пропели по обе стороны от него и ушли в «зелёнку». А сквозь звон, нарастающий в ушах, пробились знакомые голоса:

- Держись, братишка! Держись, разведчик!

И тогда он опустил оружие.

Дед, припав на изуродованную страшным шрамом ногу, хлестал Виктора берёзовыми вениками и приговаривал:

- Терпи, казак, атаманом будешь!

Баный полок раскачивался, как корабельная койка. Пар волнами прокатывался по телу, и пот крупными каплями стекал по лицу, по плечам, по ложбинке на груди.

Виктор плыл в жарком розовом тумане, и его запёкшиеся губы облегчённо шептали:

- Я вспомнил! Я вспомнил!..

А пульсирующие пальцы мёртвой хваткой впивались в края импровизированных носилок, собранных из двух жердей и камуфлированных курток разведчиков, которые бегом несли своего товарища.

НИКТО НЕ ХОТЕЛ УБИВАТЬ

Метрах в двухстах от комендатуры, по изрытому ямами и заваленному битыми кирпичами пустырю шли двое. Старуха в обычной деревенской одежде тёмного ситца толкала перед собой наполненную какими-то обломками тачку. Рядом с ней, поминутно нагибаясь, чтоб сорвать приглянувшийся цветок, весело припрыгивала девчушка лет пяти. Ростиком - чуть выше тачки.

- Ой бабушка, смотри: веревочка!

Старуха наклонилась вбок, подслеповато пытаясь разглядеть, что там увидела внучка. И в это же время услышала, как кто-то кричит со стороны почти невидимых из-за куч мусора постов комендатуры:

- Эй! Эй! Куда?! Назад!

- Ах, чтоб вас! - заворчала бабка.- Что мне, эту дрянь назад, домой везти? Ага, щас! И решительно двинув тачку вперёд, наклонила её на бок, чтобы поскорее сбросить свой груз.

• ¹ *Разгрузочный жилет.*

Что-то хлопнуло. Странный тёмный предмет, выпрыгнув из травы, ударился о борт тачки и, отлетев в сторону, рванул, выбросив чёрно-огненный клуб. Долго ждавшая своего часа ОЗМка² хлестанула во все стороны сотнями стальных осколков.

Старуха, упавшая от страшного удара по ногам, пронзительно закричала и, оставляя кровавый след, поползла к девочке. Та, лёжа на спине, прерывисто дышала, булькая розовыми пузырями.

Из комендатуры кружным путём, огибая минное поле, бежали люди. Когда до раненых оставалось метров сто, часть из них рассыпалась в стороны. Встав на одно колено за разными укрытиями и вскинув автоматы, они насторожённо всматривались в недалекую «зелёнку», прикрывая двоих, которые пошли дальше. Пошли чуть ли не на четвереньках, внимательно вглядываясь в траву, прокалывая шомполами подозрительные участки. Один продвигался молча, а второй, впрочем, ни на секунду не теряя бдительности, тихонько бубнил себе под нос:

- Это ж надо, в самую середину минного поля залезть! Ну, бабка, ну, диверсантка хренова! Саня, стоп!

Его напарник замер, прижавшись к земле. А разговорчивый, достав солидного размера нож, аккуратными круговыми движениями подрезал дёрн и бережно отложил его в сторону. Подрыхлил землю вокруг какого-то предмета и, подсунув под него пальцы, плавно вытащил из грунта коричневый, похожий на эбонитовый, цилиндр.

- Вроде без сюрпризов...

- Больше не доставай. Некогда возиться. Обозначай флажками, чтоб на обратном пути не зацепить.

Минут через десять они добрались до старухи и ребёнка.

- Дышат, живые. О, смотри: осколки от ОЗМки.

- Да на таком расстоянии она их должна была в капусту посесть!

- Может, заторчала, не выпрыгнула толком. Или тачка прикрыла! Видишь, как решето...

Разговаривая, сапёры сноровисто осмотрели раненых. Один быстро вколот старухе промедол, перетянул голени жгутами. Второй поднял девочку:

- В горло и в грудь справа! Ножки немного посекло. Слушай, а ей промедол можно?

- Не знаю. Неси бегом, Вовка, доктор разберётся.

И тот рванул. По минному полю, по проделанному наспех коридору, ловко, как горнолыжник, уклоняясь от флажков. Он знал, что в такой спешке они с Саней могли пропустить не один страшный сюрприз. Но Вовка по кличке Отец-Молодец, которого дома ждали пятилетняя любимица Наташка и ещё не видевшие отца двойнята - неделя от роду, мчался по полю смерти, прижимая ребёнка к груди, задыхаясь и шепча:

- Терпи, терпи, маленькая! Не бойся! Я свой дядя, я хороший дядя! Сейчас тебя наш доктор Айболит посмотрит. Он тебе даст конфетку, и не будет больно. Потерпи, маленькая!

А Саня тащил старуху. Взвалив её на спину, он шёл, вглядываясь под ноги, и молча слушал её причитания:

- А ведь она же сказала мне: «Баба, там верёвочка!» Ой, я дура старая! За что же мне такое наказание? Господи, дай мне сдохнуть смертью страшной, только спаси нашу кровиночку!

На дороге, напротив места трагедии уже ждали «Урал» и БТР сопровождения.

Возле машины стояли Шопен - командир ОМОНа - и врач комендатуры, которого все в глаза уважительно величали Док, а за глаза - Айболит. Длинные чуткие пальцы командира, лежавшие на цевье автомата, как на грифе гитары, не оставляли сомнений в происхождении его личного позывного, давно уже ставшего вторым именем. Укрывшись за бронёй БТРа и посматривая то в сторону «зелёнки», то на раненых, негромко переговаривались бойцы ОМОНа.

- Чего она туда полезла? Вон же табличка «Мины», вон ещё...

- Да ей, наверное, сто лет в обед, не видит небось ни хрена, слепандя старая.

- Блин, рискованно сапёры идут! Тут ведь кто только чего не ставил. И «чехи», и наши. Ни карт, ни схем. Сам чёрт не разберёт!

- Спасать-то надо. Бабка ещё вроде шевелится.

- Хрен бы с ней, с бабкой. А маленькая, похоже, готова. Нет!.. Шевельнула ручонкой, шевельнула... Смотри, как Отец-Молодец чешет, живая, значит!

• ² Осколочная заградительная мина

Навстречу Вовке, бережно подхватив девочку, бросился врач.

Пока он возился с малышкой, дошёл Саня со старухой. Её перевязали омовцы и прибежавшие из соседнего дома женщины-чеченки.

- Спросите у них, где родители девочки. Пусть найдут быстро, - помогая доктору, через плечо бросил бойцам Шопен.

- Нет у неё никого, кроме бабки, - пытаюсь прикурить трясущимися руками, отозвался солидный, лет сорока, омовец, с виду классический старшина роты. - Женщины говорят: отец в оппозиции Дудаеву воевал, погиб. Мать тоже боевики убили, из дудаевской охраны. Среди бела дня увезли, изнасиловали и пристрелили. Бабку с девочкой всей улицей спасали, прятали.

- Надо быстро в госпиталь. У маленькой слегка задета трахея, но это не страшно. А в лёгких может быть кровотечение, - заканчивая перевязку, сказал Айболит командиру.

Тот молча кивнул. Сидевший на корточках у колеса водитель опрометью бросился в кабину работающего на холостых оборотах «Урала», а двое омовцев, заранее откинувшие задний борт автомашины, заскочили наверх, приготовились принимать старуху. Но Шопен, помедлив мгновение, отрывисто распорядился:

- Сопровождение - на «Урал». Бабулю - на броню сверху. Док с девочкой - в БТР: его меньше трясёт.

Айболит согласно покивал головой и, бережно подняв ребёнка, полез в боковой люк.

Устелив сиденье бушлатами и уложив на них малышку, он встал на колени, неотрывно глядя на свою маленькую пациентку и держа пальцы на пульсе тонюсенькой ручонки.

За долгие годы своей работы Док видел много крови. В последние месяцы - особенно много. Но сегодня его просто колотило. И он знал, что не его одного. Айболит успел заметить, как непривычно нервничали и суетились даже самые опытные бойцы. И как тряслись губы у всегда бодрого и энергичного, выдавшего виды командира...

На крыльце двухэтажного здания полевого госпиталя, сняв «Сферу», чёрную внутри от пота, и положив на колени автомат, сидел Шопен. Невидящими глазами он уставился куда-то вдаль, поверх голов своих товарищей. А те притихшей группкой расселись на корточках у БТРа и за негромким разговором гоняли по кругу единственную сигарету, последнюю из скомканной и выброшенной пачки.

На крыльцо вышла молодая, лет двадцати пяти, удивительно красивая, но с усталым, потухшим лицом медсестра. Присела рядом.

- Бабушка не выдержала. Сердце. А с девочкой всё в порядке. И даже шрамов сильных не будет.

- Это хорошо, девочке нельзя, чтобы шрамы были, особенно на груди. Пока маленькая - ничего, а потом комплексы пойдут, - понимающе кивнул Шопен.

Медсестра вдруг вся как-то сжалась, напряглась, отвернув лицо. Но слёзы всё же хлынули ручьём, и она, резко поднявшись, убежала назад, в здание.

- Что с ней? Новенькая, не привыкла ещё? - растерянно спросил Шопен у курившего рядом и слышавшего разговор солдата-санитара.

- О-о-ох, блин, прямое попадание! - то ли осуждающе, то ли сочувствующе протянул тот. - Её саму в январе ранило. Когда ребят из-под миномётного обстрела вытаскивала. Весь живот посекло. Заштопать - заштопали, а какая там пластика, в подвале, при свечках? И детей у неё теперь не будет. Муж узнал, бросил. А Михалыч, наш главный, его выгнал. Говорит, врачей я себе ещё найду, лишь бы людьми были. Он здесь у нас же служил... к-к-козёл! - пояснил словоохотливый информатор.

Шопен поднялся, почти бегом направился вслед за медсестрой. Та стояла в конце коридора, у окна. Она уже не плакала, но всё ещё судорожно вздрагивала от задавленных всхлипов.

Шопен прижал её к себе, погладил по голове.

- Прости, сестрёнка. Я ж не знал.

- Ладно, ты-то здесь при чём? - вытирая ладошкой остатки слёз, попыталась улыбнуться она. - Просто никак не привыкну, что я уже не женщина, а так... камбала потрошёная. Только для временных удовольствий.

- Вот дурища! - внезапно рассердился Шопен. - Ты на себя в зеркало давно в последний раз глядела? Да ещё не один тебе ноги целовать будет. И на шрамы твои молиться, если он мужик, а

не г...он штопаный, как твой бывший. А дети... Вон - твоя крёстница - круглая сирота. И половина города таких. Собирай да люби, роднее своих будут.

Неожиданная взбучка после ставших привычными и ненавистными утешений подействовала на медсестру таким же неожиданным образом. Она вдруг открыто, по-настоящему улыбнулась и, положив Шопену руки на плечи, заглянула ему в глаза:

- А я, правда, ещё ничего?

- Ты красавица. И человек настоящий. Те ребята, что отсюда вырвутся, после войны таких, как ты, искать будут. Днём - с огнем и сигнальными ракетами.

В коридор вышел Айболит. Состроил глазки, улыбнулся понимающе, мол, молодец, командир, знай наших! Но, встретив сдержанный, холодный взгляд Шопена, быстро изобразил озабоченность и пошёл на выход.

- Ладно, мне пора. Береги себя, сестрёнка. И не дури.

- И ты береги себя, братишка. Настоящих мужчин тоже не так много, - и поцеловала нежно, как родного, близкого, знакомого тысячу лет.

Вернувшись в комендатуру, Шопен приказал водителю проехать к границе постов, окружающих комендатуру. Коротко переговорив со старшими нарядов, поднялся на подножку «Урала» и оглянулся. Вдоль кромки минного поля сапёры уже протянули ограждение, связанное из обрывков телефонного кабеля и кусков остродефицитной «колочки». На нём раскачивались свежие предупреждающие таблички на русском и чеченском языках. За ограждением, в поле ковырялся Отец-Молодец с коллегами, устанавливая новые, только вчера полученные мины.

Шопен потёр виски руками, постоял ещё секунду.

- Поехали! - хлопнул дверцей.

Словно отвечая, где-то за Северным захлопали миномёты. Воздух наполнился смертоносным шелестом и тошнотворным, рвущим душу свистом...

ЗАКОН ВЫЖИВАНИЯ

Не только ты меня об этом спрашивал. Я сам себя об этом постоянно спрашиваю. И с ребятами, когда собираемся, тоже об этом часто спорим.

И никто ответить не может: как же так получается?

Едут на броне десять бойцов. Выстрел: хлоп! Девять – живых.. Один – «двухсотый». Почему он? Почему не тот, что слева? Почему не тот, что справа? Или фугас: шаррах! Шесть «двухсотых». Три «трёхсотых». А на одном – ни царапины. Опять же: почему он уцелел? Не тот, что без половины черепа лежит. Не тот, что без ступни ползает.

Никто не ответит. Никогда не ответит.

И всё же есть Законы выживания. Они простые очень. Правда, даже если все их соблюдать, это ещё не значит, что жизнь тебе гарантирована. Почему? Одни говорят, что Господь к себе лучших забирает. И не смерть это, а переход в новую, лучшую жизнь, тяжким ратным трудом заслуженную. Другие плечами пожимают: лотерея, закон больших чисел. Кому-то должен этот жребий выпасть. В общем, выше это разума человеческого.

Зато, если эти Законы не соблюдать - то тебе из войны уже точно не выйти.

А самый главный из них я для себя давно вывел: надо верить в то, что делаешь, и надо делать то, во что веришь.

Когда не веришь, то ты без всяких исключений – покойник. Даже если с войны без царапины вернешься, ты – покойник. Тело ещё бродит. А душа твоя – «двухсотый». Побродишь ещё, потаскаешь это тело. И уйдёшь. Хорошо, если сам, один. Хорошо, если другим беды ещё не наделаешь.

А если веришь...

Мне вот, когда про свою роту рассказываю, обычно говорят:

- Это просто ты сейчас за своими парнями скучаешь, вот они тебе и кажутся золотыми, да серебряными.

Или вообще:

- Хорош, мужик, заливать. Всякое мы про контрактников слыхали, но какие ты сказки рассказываешь...

А я и сам бы не поверил, если бы мне кто другой рассказал. Знаешь, как в анекдоте про чёрта, который пять лет всех баб бл...тых в один самолёт собирал? А тут с точностью до

наоборот: чей-то ангел-хранитель в одну роту всех классных мужиков свёл. Причём разными путями. Один чужую машину разбил, в долги влетел. У другого работы нет, дома нелады пошли. Я в Чечню вернулся, чтобы слово своё выполнить, которое сам себе дал, когда нас, после Хасавюртовского мира оплётанных, оттуда вышвырнули... Короче, у каждого своё.

Когда в Новочеркасске собрали батальон, стали формироваться. Кто в разведроту просился – как-то сразу и скучковались. Ещё познакомиться не успели толком, а уже будто ниточки между нами протянулись.

В первый же вечер у нас в казарме заварушка маленькая приключилась. Народ понажрался, кто от скуки, кто от страха перед будущим. Были и те, кто уже повоевать успел, в первую кампанию. Ну и завелись некоторые:

- Всё равно на смерть идём! Давайте деньги авансом! Мы сейчас гулять хотим!

Вижу, обстановка накаляется с каждой минутой. Психоз вот-вот массовый пойдёт. А ведь батальон целый, с оружием. Делать нечего. Вышел на середину казармы:

- Хорош орать! Что и за что вы требуете? Родина от вас ещё ничего, кроме заблётанных подушек, не видела. Кто умирать собрался, возвращайтесь домой. Там сопли лейте или помирайте. А кто жить собирается, спать ложитесь. Завтра в дорогу.

Я их не боялся, крикунов этих. Надо было бы – остудил бы пару-тройку. Но вижу, разведчики мои будущие ко мне подтянулись. Встали рядом.

И как-то успокоилось всё сразу.

Вот тогда-то и почувствовали мы все, что больше нет нас поодиночке. Есть рота. И именно тогда мы приняли наши правила. Не мародёрствовать. Не крысятничать. Не палачествовать. Никогда не терять своё лицо. И верить друг другу. Верить до последнего.

Я мужикам своим прямо сказал:

- Если мы от своих правил не отступим, если мы свою веру сохраним, Бог всегда будет на нашей стороне.

И не оказалось среди нас ни одной гнилушки. Сколько вместе всего прошли – ни один трещину не дал. И когда нас предали, загнали в окружение и бросили. И когда мы из окружения этого с боями выходили. Был у нас парень, Сашок. Лучший из лучших. Он за линию ходил, как на прогулки. Не успеет вернуться, готов опять идти. Но когда сдали нас, это так по душам ударило, что не каждый сдюжил. И Сашка, когда мы на прорыв пошли, вдруг говорит:

- Всё, ребята. Я сломался. Я больше ни во что не верю. Вот мы сейчас пойдём, а нас снова подставят... Я боюсь. Боюсь так, что поджилки трясутся. Вы теперь на меня сильно не рассчитывайте.

Я за всю свою жизнь большего мужества не встречал. Первое: что нашёл он в себе силы такое сказать. А второе: что он после этих слов с нами две недели через бои шёл. Боялся смертно, но шёл и вышел. Потому что ему казалось, что он веру свою утратил.

А она с ним была...

А приятель мой Серёга во вторую роту попал.

Замечательный он был человек. Чистый.

Месяц спустя мы под Грозным стояли. И потянуло комбата нашего на подвиги. Придурак пьяный. С каких глаз он это затевал, с каких в жизнь проводил, с каких команду на открытие огня подал?..

Ушла вторая рота. Засаду выставили на выходе из Грозного. Ждали боевиков на прорыв. И в сумерках уже вышла на них колонна. Слышали мы: стрельба в том районе отчаянная была. По радиопереговорам судя, наши боевиков в полную силу долбили. Колонну эту в прах разнесли.

Мои от зависти прямо изнывали. Но чувствую я: что-то не то.

- Не торопитесь завидовать, - говорю.

Вернулась рота. Обычно после такой удачи азарт прёт, каждый рассказывает, что да как. А тут - молчком. Я на Серёгу смотрю: ходит, как в воду опущенный. Тоже молчит. В душу ему я лезть не стал. Созреет, сам всё скажет.

Да и говорить особо не понадобилось. Через день проходили мы тот район. И колонну эту увидели. Не боевая колонна. Только один «Урал» на транспорт боевиков тянет. Хоть и сгорело всё, но видно, что остальное – разношёрстная техника. Легковушки. Автобусы. Остатки барахла гражданского... Заглянули мы. Разные там трупы были. И женщины. И дети. А оружия не было. Ни целого, ни обгоревшего.

Подошёл Серёга. Смотрел, смотрел... И заплакал молча.

А вечером, когда мы с ним у меня в палатке сидели, говорит:

- А ведь не всех сразу.... Мы, когда сообразили, что происходит, прекратили огонь, кинулись помогать. Засветились перед ними - чья работа. А что дальше делать? Комбат, козёл, протрезвел резко. Собрал нас, говорит: «Если отпустить их или в госпиталь отвезти – всё, кранты нам!» В общем, получается, перевязали мы их, накормили и... Не знаю, как теперь с этим жить. Но думаю, что скоро мы за это ответим.

Не стал я его ни утешать, ни успокаивать. Не поверил бы он моим словам.

Тем более, что прав он оказался на сто процентов. Будто знак какой-то лёг на роту. Через день, да каждый день пошли у них потери. Глупые какие-то, непонятные... Для тех, кто не знал, что происходит.

Я тогда об одном Господа просил: чтобы дал Серёге легко уйти. Чтобы дал ему возможность успеть душу свою очистить.

А под Дуба-Юртом их рота полностью легла. Практически полностью. Человек пять осталось. Когда «чехи» на пятки сели, Серёга отход остатков роты прикрывал.

После того, как мы «духов» вышибли, мои ребята его нашли. Меня позвали.

Он себя вместе с боевиками гранатами подорвал. Две воронки по бокам. Весь как решето. Кистей рук нет. А на лице - ни царапины. Чистое лицо. Строгое и спокойное.

Я рад за него. Жить по своей вере он уже не мог. Но умереть успел...

Он с верой умер...

Что? Да! Я - православный. Мне моя вера от предков досталась. И для меня она – Истина. Только тут не о том речь. Нет. Кто как молится – это личное дело каждого. Бог один на всех, это и без меня сказано. И вера настоящая – она одна в душе. И Закон на всех действует одинаково.

Работали мы как-то за линией. Надо было броды к Катыр-Юрту разведать. Пошли впятером. Ночь хорошая такая была. Туман, морось. Можно под носом у любого секрета пройти. Если только прямо на них не наступим – не заметят.

Прошли мы эту речушку, как велено. Броды нашли, и не один. Времени ещё полно. И такой соблазн одолел: посмотреть, как у «духов» служба организована, что в ауле делается.

Там, где мы заходили, постов не было. Или спали, как убитые. Но, скорее, всё же не было. Мы же не дуриком шли. Смотрели.

К крайним домам вышли. И тут – патруль.

Трое их было. Что-то типа ополчения местного. Боевиками-то и назвать трудно. Но здоровые ребята. Один с охотничьим ружьём, а двое – с «калашами». У нас и «Винторез» был, и пистолет бесшумный. Но только если бы мы их просто убрать решили, то не стали бы и патроны тратить. Они же идут, болтают о чём-то по-своему. Только песни не поют. В ножи спокойно можно было взять. Но интерес-то другой. Три «языка» сами в руки идут.

Надо было видеть, когда мы им сзади каждому ствол в ухо вставили... Обмякли джигиты.

Сначала трудно они шли. Да нет, не сопротивлялись, какое там! Ноги просто у них поотказывали. Идут, а коленки в разные стороны выгибаются.

За речкой передохнули. Стали совет держать. Тащить их? Кому они особо нужны? В кусты порознь растащить, на месте расспросить и избавиться от обузы.

Но тут я прикинул: времени - можно хоть ещё раз к «духам» сходить и вернуться. Пленники наши очухались. Идут уже живо. Говорю парням:

- Не стоит грех на душу брать.

Были бы наёмники. Или серьёзные отморозки типа басаевских. Тех сокращать при любых обстоятельствах надо. Нечего им в колониях наш хлеб жрать. А эти... народные дружинники.

Ребята посомневались. Но спорить не стали. «Языки» наши сообразили, что им жизнь подарили. Впереди нас чешут, но бочком-бочком, в глаза по-собачьи заглядывают.

Доставили мы их. Сдали. Пусть другие с ними беседуют. Есть любители бесед с пристрастием.

Но опять повезло джигитам этим. Узнали про них высокие начальники. Приехали лично допросить. Ну, тут уже культурно всё, чуть ли не под протокол. Клянутся дружинники, что боевиков в селе нет. Укреплений нет. Только ополченцы местные. И против федералов ничего не имеют. Ополчение создали, чтобы, наоборот, боевиков в село не пускать и от мародёров отбиваться.

Когда их отпускали, нам поручили их за посты вывести. Старший их на прощание обниматься полез. Говорит:

- Мы тебе жизнью обязаны. Приходи ко мне в гости. Хоть сейчас, хоть завтра. Всей семьей охранять будем. Да и охранять не надо будет. Аллахом клянусь, у нас в селе гостя никто не тронет! А в моём доме – тем более!

Обниматься я с ним не стал. Но руку пожал. Понял человек добро - хорошо. Меньше зла будет. Его в Чечне и так слишком много.

А на следующий день наши парни на их засаду напоролись. Тогда вся бригада развернулась и пошла на зачистку. Ну, ты знаешь, что там оказалось. И дзоты в подвалах, и снайперы на крышах. Сколько ребят наших легло!

Но рассчитались мы с ними. Закончили работу, вернулись на базу, с ног валимся. Сил нет даже поест. Одна мысль: забраться в палатку и отключиться. И тут, представляешь, ведут моего «друга»! Не одного. Их там десятка полтора было. Но я его сразу узнал. В разгрузке, крутой такой.

- Ну, привет, говорю. Значит, так у вас гостей встречают? Выходит, ты меня в гости звал, чтобы в засаде повязать? А как же твой Аллах? Ваше гостеприимство хвалёное?

И тут меня заело – передать не могу! Мы, русские, о своём гостеприимстве на каждом углу не кричим. Но из собственного дома ловушку делать для того, кто тебе жизнь подарил... У нас не каждый конченный уголовник на такое пойдёт. Порвать бы его, суку, голыми руками! Душа клокочет, чуть сердце не лопается.

Ребята, что его вели, поняли всё. Говорят:

- Не переживай, братишка. Сейчас мы вон до тех кустиков дойдём, и он у нас бежать попытается...

- Нет, говорю, не пойдёт так. Вы из сволочи мученика сделаете. А ему на небе места нет. Даже у Аллаха.

Мои ребята в круг встали. «Духов» рядом поставили.

В кругу я и он. Он на голову выше. Крепкий. На свежей баранинке и молоке рос.

- Бери нож. Я тоже только с ножом буду. Убьёшь меня - мои ребята тебя отсюда выведут и отпустят. Слово офицера, и моя последняя воля на этот случай. Ты Аллахом клясться любишь... Ну, что ж, если твоя вера сильнее, то покажи, как ты в него веришь.

Не было у него никакой веры...

ВКУС ВОЙНЫ

Эх, война, война!

Впереди толпа гудит. Площадь народом запружена. На подходе к ней тоже кучки людей стоят, ненавидящими взглядами нас обжигают.

Митинг очередной.

Ну их к Аллаху. Через этот улей ехать - дураком надо быть. Либо пулю всадят исподтишка, либо вообще на машину полезут, попробуют заваруху какую-нибудь учинить. Омоновцев, конечно, могут и побоятся. У нас народ отчаянный, дойдёт дело до драки - гранатами дорогу зачистим. Да только зачем зря грех на душу брать? Женщин полно.

Нормальные герои всегда идут в обход. Плохо, конечно, что улочки незнакомые. Правда, меньше шансов на засаду напоротся, так как нас ждут на постоянных маршрутах. Зато можно с любой другой неожиданностью столкнуться. Есть районы, где боевики в открытую разгуливают.

А хочется побыстрее домой, на базу. В кабине «Урала», на командирском сиденье огромная дыня лежит. Специально на рынок заезжали. По жаре такой на эту фруктину чудесную спокойно смотреть невозможно.

- Ничего, скоро мы до тебя доберёмся! Правда, Винни?

Водитель, добродушный крепыш, родной брат Винни-Пуха, согласно кивает головой и непроизвольно сглатывает слюну. Он целый день сегодня за рулём, ещё и с обедом пролетел. Пока другие перекусывали в столовой ГУОШа, Пух где-то хлопотал с погрузкой вещёвки для отряда.

- Змей, смотри!

- Вижу.

«Сферу»³ - на голову, дверцу приоткрыл, ею же и прикрываюсь: броник мой на дверке висит. Не вывалиться бы, когда Винни тормознёт.

• ³ Защитный титановый шлем

Молодец Пух, вроде от дороги глаз не отрывает, а суету непонятную впереди по курсу засёк.

Слева, на краю пустыря большого, рыночек. Киоски и просто столы на небольшой площадке стоят. На одних запчасти разложены. На других – овощи, консервы какие-то. Но люди не торгуются, у столов не трутся. Люди за киосками поприседали, под столы забились. Несколько человек на земле лежат. Кто неподвижно, руками голову закрыв, а кто бочком-бочком старается за кучу мусора заползти. Справа ещё интереснее: «уазик», а за ним двое в камуфляже, с автоматами. Нас увидели, но смываться не торопятся. Наоборот, руками машут, останавливают. Один ещё и в сторону рынка показывает: мол, туда поглядывайте.

Мы, дорогой, везде поглядывать будем. Здесь недогляд смертью пахнет. Тем более, что нехорошее место – открытое. Только справа панели бетонные свалены, да впереди – узкая улочка с домами частными. Но до них ещё добраться надо. Если оттуда стрелять не начнут...

- К бою! Слева, справа!

Хлопцы мои не зевают, уже как надо стоят: вдоль бортов, разом – на колено. Оружие – наизготовку. Борт железный да скамейка деревянная – невелика защита, но от осколков прикроют. Шлемы и броники тоже не бумажные. А дальше – каждому своя судьба.

А моя доля – командирская.

Не зная обстановки, за секунды считанные принимай решение, как поступить. Может, спектакль всё это, отвлечение для засады. И надо, пока не поздно, назад рвать, огнём прикрываясь. Может, и свои попали в переделку, помощь нужна. А цена ошибки – «груз 200»⁴, а то и не один...

Вот и разгадка!

Слева, за пустырьём, на крыше обгоревшего здания и в тёмных провалах его бывших окон огоньки замелькали.

И по раме стальной «Урала» нашего, как горохом: тр-р-р-ру!

Стрекот автоматный последним прилетел.

- К машине!

Да что с вами, орлы?! Не услышали за шумом или от уставной команды в мозгах перемякнуло?!

- Прыгай, вашу мать!..

Другое дело! Стокилограммовый Бабадя в полном снаряжении (двадцать пять кило металла), с ручным пулемётом и двумя коробами патронов как птица над бортом взвился. На землю обрушился – пять баллов по шкале Рихтера. Лишь бы ноги не сломал! Остальные тоже в воздухе пятнистыми призраками мелькают и тают тут же. Секунда-две – и нет никого. Только из-за плит бетонных у обочины, в сторону здания коварного стволы насторожённые посматривают. Но не все. Два автоматчика на мушке неизвестных в камуфляже держат.

Мужики за «уазиком» совсем присели, автоматы на землю положили.

- Мы свои! У нас раненый!

Винни, как только ребята с машины слетели, по газам - и под прикрытия дома частного. Притёр «Урал» под стенку, стоит, команды ждёт.

«Комод»⁵ Чавыча, он же снайпер по боевому расчёту, редкого хладнокровия человек, уже в прицел своей винтовки впаялся.

- Дистанция триста, командир.

Студент, хоть и молодой боец, первую командировку работает, тоже не зевнул:

- На пятиэтажке, сзади!

Точно, согнутая чёрная фигурка по краю крыши мелькнула, за бордюрчиком укрылась.

Молодец, братишка!

- Промышленное здание, триста метров, крыша. Подствольники⁶, огонь! Пятый этаж, третье окно слева - автоматчик. Чавыча, щёлкни его. Сзади, правая пятиэтажка, крыша - Бабадя, отработай.

• ⁴ Кодовое обозначение убитого, погибшего

• ⁵ Шутливое сокращение от ком. отд. - командир отделения

• ⁶ Подствольный гранатомет ГП-25 «Костёр», крепится снизу к автомату Калашникова, стреляет осколочными выстрелами (гранатами) на расстояние до 400 метров.

Первая серия подствольников по-разному пришлась. У кого-то недалёт. Но пара разрывов точно легла. Как при залповом огне каждый своё попадание определяет, никто объяснить не может. Да только вторая серия всю крышу чёрными шапками нахлобучила.

Пару раз снайперка чавычина хлестанула. Бабадин пулемёт ей вслед пророкотал. И - тишина. Сидят бойцы за укрытиями. Холодными глазами профессионалов всё впереди себя щупают. Прошли те дни, когда с перепугу да в азарте на одиночный выстрел лупили в белый свет, пока патроны не кончатся. Боевики тоже молчат. Видно, поняли, с кем дело имеют. Может, ушли. А может, ждут, пока расслабимся и к машине в кучу соберёмся...

Пока пауза, надо в отряд сообщить, что в переделку попали.

- База, Змею.

- На связи.

- Попали под обстрел в районе авторынка, на улице...

А хрен его знает, что за улица. Впереди частный сектор, за деревьями табличек не видеть. Пятиэтажки - разбитые, закопчённые...

- Не могу сориентироваться. Приблизительно километр от вас, в сторону бывшего двадцатого блока. Будете на подходе, обозначимся ракетами.

- Держитесь, братишки! Сейчас будем!

Так, а теперь нашими добровольными пленниками займёмся.

У этих двоих удостоверения в порядке. Но здесь бумагам веры нет. Другое важнее. «Уазик» по левому борту пробоинами попятнан. В машине ещё двое. У одного грудь в бинтах, пятно багровое подплывает на глазах. Второй его придерживает, новый пакет перевязочный зубами рвёт. Не маскарад. Да и так видно - свои. Когда все вокруг по-русски свободно говорят, учишься друг друга нюхом распознавать. На то тысячи нюансов есть, и не всё объяснить можно. А от этих ещё и новичками за версту тянет.

Судя по результатам, у боевиков тоже обоняние в порядке. Ещё легко ребятки отделались. Надо выводить их срочно.

- Промедол ввели? В шок не уйдёт?

- Всё сделали. Скорей в госпиталь надо!

- Прыгай за руль, прикроем.

- Пух, Змею!

- На связи.

- Сдай назад, прикрой «уазик» бортом.

- Чавыча! Смотрите в оба! Винни сейчас как мишень будет.

В тишине напряжённой взревел «Урал». Одним рывком из-за укрытия выпрыгнул, точно слева от УАЗа по тормозам врезал. Ну, что вы телитесь?! Подпел «уазик», рванулись парой вперёд. Идёт Винни, собой братишек прикрывает. Именно собой. Он ведь слева сидит. Бок броником на дверке защищён. А голову куда денешь, под «торпеду»? Так ведь на дорогу смотреть надо. Глаза-то к голове привинчены. Не на стебельках, перископом не выставишь. Шлем на голове? Но это - от мелочи, от осколков и рикошетов. Если сейчас снайпер на спуск нажмёт, то через долю секунды шлем слетит, словно котелок дырявый. С кашей жёлто-красной. У «духов» и гранатомёты есть. И стреляют они из них мастерски. Не дай бог увидеть, как летит навстречу Винни звезда хвостатая...

Уф-ф-ф! Всё, проскочили! Теперь они домами прикрыты.

«Уазик», скорость не сбрасывая, дальше помчал. Удачи тебе, брат! Живи!

А Винни сейчас назад пойдёт, своих ребят выводить.

- Внимание, выходим под «Уралом».

Снова громадина железная задним ходом, как в автошоу, шпарит. В правом зеркале на миг пуховы глаза высверкивают. Не влево смотрит, где смерть его пасёт, а на ребят: как бы не сбить кого, если поторопится к машине рвануть.

Вот они, материализовались. Каждый левой рукой за борт зацепился, в правой - оружие, как учили. И пошёл «Урал», боком своим людей прикрывая. Чешут бойцы, еле земли касаются. Скорость машина задаёт. Твоё дело - ноги вовремя переставлять, не сбиться, под товарища не рухнуть.

Выскочили из тира. Теперь в машину - и ходу!

Винни шлем с головы сбросил, пот - ручьями по лицу. Вспотеешь тут!

Поднимаюсь на подножку. Последний взгляд в кузов - все? Домой!

Да только сзади крик умоляющий.

Что такое? Нанялись тут все руками махать? Двое стоят на коленях, жестами к себе зовут. А сами - в центре пяточка. Если вся площадка - тир, то это место - десятка на центральной мишени. Ага, шас! Если мы так вам нужны, гребите сюда сами.

- Помогите, тут раненый!

Точно! За ними третий лежит. Мне его поза ещё в начале суеты всей этой не понравилась. Теперь вижу, почему. Одна нога в голени пополам переломана и под немислимым углом торчит, так, что пятка почти коленки касается. Лужа чёрная из-под ноги ползёт. Здорово его жажнуло. Если не помочь мужику, кончится через пять-десять минут от шока болевого и потери крови. А как помочь?!

- Несите сюда!

- Нельзя нести, нога оторвётся!

Вот, блин, история. Ну его на хрен, башку из-за него подставлять! Только высунься, пулю схлопочешь. Если боевики не ушли, точно сейчас на живца пасут. А бросить как? Человек ведь Живой. Пока.

Эх, мамочка! Ангелы-хранители мои! Вывозите, родимые!

- Прикройте!

Вздыхнул, и как в воду ледяную...

Теперь я знаю, что видит и что чувствует хирург во время рискованной операции. У меня процесс несложный, но обстановочка... Одни чеченцы подползли, помогают. А другие – очередью над головой свистанули. Слишком высоко. Своих отгоняют?

В ответ наша СВД ударила, и «калашников» короткую очередь отсёк. Это Мак-Дак сработал: у него автомат с оптикой.

Раненый шепчет:

- Не надо, уезжай!

- Молчи, дыши ровно!

Один чеченец возле меня не выдержал, вскочил, кулаком машет, кричит что-то по-своему. Голос звонкий, воздух тихий, далеко слышно, наверное.

Всё, не отвлекаюсь. Весь мир в узкий пяточок сжался, как ночью в луче прожектора. Перед глазами – ноги бедолаги этого. Та, что в голени перебита, на скрученных рваных мышцах и коже растянутой держится. Розовая кость из мяса сантиметров на пять торчит. Костный мозг сгустком свисает. Надо расправить, соединить. Боль ведь адская...

Первым делом - жгут, под колено. Кровь хлещет, как из спринцовки. Хорошо, рукава закатаны, а то стирать замучишься.

Теперь - промедол⁷. Колпачок шприц-тюбика довернуть, мембрану пробить. В мышцу, прямо через брючину. Чёрт! Неудачно как! Бедро в судороге, словно каменное. Полтюбика ввёл, и игла сломалась.

- Промедол мне!

Сбоку рука появляется. Белый тюбик в ней. Второй укол.

Перед глазами второй жгут выныривает. Его - выше колена.

- Так, терпи!

Ногу развернуть, кость в мясо уложить, концы свести. Нет, простой повязкой не закрепишь.

- Шину бы!

Треск рядом. Под руку дощечки от пивного ящика подныривают. Отлично! Теперь, на сквозную рваную рану - с двух сторон - бинты стерильные. На них – «шины», сверху - ещё бинты. Есть!

На второй ноге - пятка вдребезги. Сухожилия торчат, кость розовеет. Делаем всё по новой. Только без промедола. Наркотик уже действует. Обмяк мужик.

Но силён! Лет 40-45, крепкий, как дуб. Другой бы на его месте либо отключился, либо на крик изощёл. А этот только зубами скрипит да тяжело так выговаривает:

- За что они меня искалечили? Я не воюю. Я приехал карбюратор купить, а они - из автомата.

• ⁷ Наркотическое протившоковое средство, входит в состав индивидуальной аптечки.

Один из помощников моих рассказывает по ходу:

- По «уазику» с дома стрелять стали. А они не поняли. Выскочили. «Ложись» кричат. Все попадали, а Умар замешкался. Они ему - по ногам. А он-то ни при чём. С крыши стреляли!

Да, картина знакомая. И винить ребят нельзя. Не один день надо под пулями полазить, чтобы научиться не молотить на каждый выстрел дуриком, а работать по цели конкретной. Но и самые опытные профессионалы порой срываются. Нервы на взводе. Хочешь жить – стреляй первым. Результат потом увидишь. И всякое бывает. Порой в неразберихе и по своим пуляют. Почти каждый через это прошёл. Ведь здесь из-за каждого угла бьют. Из «зелёнки», из домов, из руин. Из толпы на рынках не одного федерала расстреляли. Здесь ведь тоже кто-то засаде сигнал подал, на «уазик» нацелил... А правители наши да чистюли-законодатели, войну полномасштабную развернув, даже чрезвычайное положение не ввели⁸. Им начхать. Они деньги делают. А мы здесь нервы рвём да кровь льём. Свою и чужую. Так что не вини ты, дружище, тех, кто стрелял. Кляни тех, кто эту бойню развязал.

Всё, вторую ногу спеленал. Можно дух перевести, глаза поднять. Давно чувствую, что прикрыли меня слева, с той стороны, откуда пули пели. Да всё глянуть было некогда.

Щемануло сердце. Теплом умылось.

Братишки мои!

Нет, не услышите вы от своего Змея ядовитого, вечно всем недовольного, слов любви и благодарности. Не принято у омовцев лирику разводить. Но на всю жизнь запомню я ваши лица обречённо-сосредоточенные. Живым забором в брониках, стволами оцетинившись, уселись на площадке пыльной, загородили командира и чеченца раненого. Что ж вам пережить за эти минуты пришлось?

И Винни снова здесь. «Уралом» своим нам спину от пятиэтажек прикрыв, сидит под колесом, мой броник наготове держит.

Но теперь - точно всё.

Подъехали милиционеры местные. Народ вокруг осмелел, поднялся, окружили, лопочут – и по-русски, и по-своему. Раненого - в «Жигули» милицейские. Молодой чеченец, глаза пряча, руку жмёт.

- Спасибо!

- Не стоит. Не забудь врачам сказать, что полтора тюбика промедола вкололи. И время, когда жгут наложили. Это очень важно! Полтора тюбика и жгут!

- Не забуду, я понимаю...

Умар тоже голову поднял.

- Спасибо...

- Не стоит. Удачи тебе. Живи. И прости, если сможешь...

Навстречу, от комендатуры колонна летит, стволами оцетинилась. Из «Уралов» затормозивших наши посыпались, а за ними – братья-сибиряки да уральцы. По спинам хлопают, теребят. Душман, громила бородатый, ворчит:

- Ну, ты даёшь! Подмогу запросил, а адрес - на деревню дедушке!

Не ворчи, братишка. Вижу я тебя насквозь. Вижу радость твою, что всё у друзей обошлось, вижу гордость, что все орлы твои, как один, на выручку братьям помчались.

И снова на сердце тепло.

Слышите, люди: есть еще настоящие мужики в России! Не всех ещё за баксы скупили. Не всем ещё души загадили.

Слышишь, Россия: ещё есть кому тебя защищать!

Вот ухлестался кровью. Обе руки - по локоть. Коркой багровой кожу стянуло, чешется под ней всё. А в умывальниках - Сахара.

Ох, и дам я сейчас дневальному прочухаться!

Вон он стоит, на дыню загляделся, слюнки пускает.

- Командир, когда очередь занимать?

⁸ В первую чеченскую кампанию 1995-1996 годов чрезвычайное положение в Чечне так и не было введено. Поэтому формально личный состав федеральной группировки был обязан действовать как при обычных патрулированиях в Москве, Рязани или Урюпинске... (прим. авт.)

- Когда я руки вымою, а весь ваш наряд вторые сутки отбарабанит. Дыню так сразу усекли, а что умывальники пустые, хрен заметите!

- Да только что выплескали, Змей! Патрули на обед подходили. И в бочке уже нет.

- Ну, нашёл оправдание, красавец! Неси ведро от соседей и передай старшине, что будете на пару с ведрами бегать, пока на весь отряд не завезёте. Мухой давай!

Помчался дневальный, а навстречу комендант вприпрыжку чешет. К нам никак?

- Змей, у соседей на блоке проблемы. Якобы гражданских расстреляли. Комендант города приказал человек двадцать взять и на месте разобраться, пока туда местная прокуратура и милиция не понаехали.

А что? Соседи сами выехать не могут, целый батальон? Это их блок, пусть сами и разбираются. Да и вся техника у них.

Приказано милицию направить. Для объективности. И обеспечить охрану места происшествия до прибытия работников прокуратуры.

Ой, как неохота в это г...но лезть... А никого другого послать нельзя? У меня людей на базе – раз-два и обчёлся.

Техника и люди есть. Бери БТР. Сосед ещё один подгонит. Ты со своими старшим пойдёшь. Прокурорские разборки – дело второе. Ребятам на блоке сначала спасти надо. Там толпа какая-то непонятно откуда взялась. Давай, лети!

Ну, ёлы-палы! Всё-таки накрылось удовольствие.

- Мамочка! Дыню в офицерский кубрик неси. Только, если кто раньше меня вернётся, предупреди: сожрут - самих вместо неё на куски порежу.

Ага, напугал я их. Понятное дело, командиру кусок оставят. А Винни да остальные, что сегодня вместе кувыркались? Обидно будет мужикам.

У Пионера – взводного – тоже сомнение в глазах.

- Змей, давай прикончим её, пока группа грузится.

И в самом деле: чёрт его знает, чем этот вызов обернётся. Может, вообще больше в жизни полакомиться не придётся. А дынька - вот она, янтарём отсвечивает, запахом прохладным слюну нагоняет.

- Налетай, братва! - и нож ей в бок.

Верхнюю половину - наверх - уже сидящим на броне.

Нижнюю - только успевай кромсать.

Бойцы резервной группы из дверей выскакивают. Каждый свой кусок на ходу, как автомат по тревоге, подхватывает - и на БТР. Сами-то автоматы у них давно в руках. Со своими «калашниковыми» они и спят в обнимку.

- Классная дынька, Змей!

- Ты скорее чавкай, на дорогу выскочим - будешь пыль глотать!

И в самом деле хороша! Нежная, ароматная! Сладкий сок по рукам течёт, кровавую корку розовыми дорожками размывает. О, блин! Бросило на колдобине, мазнул куском по другой руке. Забагровел край куса по-арбузному. Но не пропадать же добру, надеюсь, крестник мой СПИДом не болеет.

Привкус солоноватый...

А ты помнишь, Змей, тот случай?

Да, тогда, во дворе. Сколько тебе было, тринадцать или четырнадцать?

Помнишь, как долговязый придурок по кличке Фашист ни с того ни с сего шибанул камнем пробегающую кошку и, ухватив её за задние лапы, треснул головой о дерево? Как омерзительно липкая капля кошачьей крови прыгнула тебе на щеку и растеклась кипящей полоской? И как, содрвав всю кожу на щеке в тщетных попытках смыть тошнотворное клеймо, ты несколько дней блевал при одном воспоминании о случившемся?..

Ах, война, война!

Интересно: что же там всё-таки, на девятке?

Сергей Сальников

Сергей Сальников публиковался в литературных журналах Москвы, Санкт-Петербурга, Северодвинска, Красноярска, Ростова-на-Дону, Хабаровска, а также в Германии, Новой Зеландии, Швеции, Финляндии, США. Автор семи сборников рассказов.

Память ангелов

Рассказ

Всё! Есть! Я сделал их!

Падаю в мягкое кресло, откидываю голову на высокий подголовник. Дома тепло и спокойно, на плечах - большое любимое полотенце, еще влажная от душа спина ощущает холодок старого велюра. Выдергиваю пробку, наливаю в рюмку любимый коньяк.

Ап его залпом! Не терплю всех этих западных прикамбасов с нюханьем и цедилкой сквозь зубы.

А вот лимонка! Хорошо-то как!

Я вставил этот спортивный «Понтиак» надутым московским лошкам! Придурки! Почти шесть литров движок! Пускай теперь прокормят эту «корову»! Сорок восемь тысяч «зеленью»! Каково! Получил, добрался до дома, жив, здоров, не верится даже! В сухом остатке двадцать пять штук! Ну, чуток меньше! Но каково!

Ну, ещё разок!

Ап!

И опять - лимончик следом. Лепота!

Семья приедет завтра. Они у матери. Возможно, я слишком осторожничал, когда сообщал по телефону, что приеду позже, но бережёного бог бережёт. Сколько нашего брата сгнуло на просторах милой Родины. Телефонная связь – ненадёжная связь.

Ну, третью, ап! Голова приятно тяжелеет.

Жму кнопку пульта, звук, изображение. «Новости»?

Чёрт с ними, пусть «Новости».

Хе, вот и президент родимый нарисовался.

Цветочки к памятнику возлагает.

Добавил звук, наливаю ещё рюмашку. Хмель берёт слабо, так всегда после перегона.

Диктор, слегка шепелявя, поясняет, что главы двух государств возложили венки к могиле героев революции 1956 года.

Это он в Венгрии?

Цветочки на могилу «героев»? Вот знал, что не надо «Новости» смотреть!

Я грязно ругаюсь. И совесть есть у них? Настроение портят!

Герои? Да-а-а...

Иду на кухню, закуриваю, пить больше не хочется, комкаю сигарету и ложусь спать...

Сплошная темнота глубокого сна нарушается спокойным светом. Он струится сверху, он тёплый, ласкает лицо.

Низкий, уверенный мужской баритон: «Я расскажу тебе, как всё было. Во сне, твоём сне это произойдёт с тобой, меня уже нет, а мёртвые не лгут».

Я хочу проснуться, пытаюсь встать. Встаю, включаю ночник на знакомом месте, шлёпаю босыми детскими (?) ножками на холодный пол, Господи - это не моя комната. Но почему-то знаю, что я в Венгрии, и идёт 1956 год. Оглядываюсь.

Большая уютная комната, высокие потолки с лепниной, белые ангелочки, просторная кровать, никелированные спинки, пуховая подушка. На соседней, почти такой же постели, спит мой младший братишка. Тепло и уютно. Вдруг мелко задрожала массивная люстра, оставшаяся от предыдущих жильцов, и бабахнуло так, что заложило уши. Застучали автоматные очереди и следом хлётские винтовочные выстрелы. Проснулся и захныкал в своей кровати братик, я подбежал к нему, сел на край постели, прижал к себе его белобрысую головку. В комнату влетел отец - бледный, но уверенный: «Быстро одевайтесь!»

Мой папа – подполковник. У него почти двадцать медалей и орденов за войну с немецкими фашистами, а на спине и груди - огромные шрамы. И ещё один, длинный и извилистый, - от виска к подбородку. Мы живём в Венгрии, где служит отец.

Оделись моментально и уже спускаемся по парадной лестнице вниз, на первом этаже распахнулась входная дверь, в проёме толстый нелепый человечек с автоматом и повязкой на руке. Толстяк вскидывает автомат, но выстрелить не успевает - папа ногой выбивает оружие, хватая его за голову, выворачивает её в сторону и очень плавно проводит рукой по горлу.

«Шушера мадьярская!» - сквозь зубы бросает отец.

Он несколько мгновений держит дёргающегося венгра в руках, а потом плавно опускает его на кафельный пол. Мужчишка ещё взбрыкивает ножонками в сапогах с нелепыми белыми отворотами, из его горла льёт кровь. Автомат в руках отца, нож он кладёт в карман.

«К чёрному выходу!» - отец протягивает руку в направлении другой двери. В приоткрытую парадную вкатывается граната с длинной ручкой. Отец сбивает с ног маму и братика, подминает их под себя. Я стою чуть поодаль. Он пытается дотянуться до меня, я падаю... Остальное я узнал уже ТАМ.

То, что отец не закрыл меня своим телом, спасло мне жизнь. Венгерские «революционеры» приняли меня за убитого, вытащили за одну ножку и бросили на тротуаре, потом вытянули обезображенный труп папы, потыкали его штыками, выстрелили в голову, кинули поверх меня и принялись за маму и братишку. Они умирали долго и мучительно... Десятка матросиков Дунайской флотилии, во главе с офицером, пробивалась к пирсу. Мадьяры постреляли и, боясь серьёзно сцепиться с «чёрной смертью», исчезли в тесных улочках. Моряки наткнулись на нас, перевернули на спину отца и обнаружили меня. Офицер проверил пульс и кивнул «первостатейному»: «Бери его, Лёша! Жив малец!»

Смерть в лице венгерских «повстанцев» отступила перед ангелом-хранителем в образе русского моряка с ППШ.

Мобильник настойчиво предлагает встать, открываю глаза. Мобильник? Откуда он здесь? Так это мой телефон! Это моя квартира! О, господи, это сон! Всего лишь сон.

И мне всего тридцать, и я не мог быть там...

Выключаю надоедливую музыку, зацепил какой-то предмет, он падает на пол. Нагибаюсь. На коврике маленький, короткий патрон с круглой головкой пули...

От ППШ?

Кручу в руках, ставлю на тумбочку и бреду на кухню: кофе, коньяк, сигарета.

Сон? Это понятно - впечатление от «Новостей», но патрон!

В замке входной двери поворачивается ключ. Моё семейство возвратилось! Отталкивая друг друга, смеясь, повисают на мне, целуют, обнимают, наперебой рассказывают. Мои милые пацаны, двое чудесных сорванцов, моя жена.

- Ты когда вернулся? А мы, видно, не поняли тебя, думали, что сегодня! Ты хоть поел? Опять кофе, сигареты и коньяк? - Наташка весело смеётся. Дети щебечут.

- Я приглашаю всех вас гулять и кутить! Составляйте список подарков! Я сегодня – Дед Мороз!

Жена накрывает стол, суматоха и веселье...

- Натуся, ты здесь с тумбочки ничего не убирала?

- Нет, а что там, помада или что ты ещё спрятать не успел?

- Да не, так, железка маленькая от машины...

Глаза воровато обшаривают пол, уголки комнаты - патрона нет. А может, это просто показалось? Дорога, нервы, выпил малость: «Давай сюда, поближе, милая»...

Дождь шелестит по опавшим листьям, ветер гоняет входную дверь на первом этаже.

- Мать звонила, просила приехать на несколько дней. Ты с нами поедешь? - я чувствую, как в темноте жена смотрит на меня.

- Чуть позже подъеду, Толян «тачку» обещал показать.

- Серёжа, может, хватит? Деньги есть, всех не заработаешь, чего тебе дома не сидится, я, слава богу, работаю.

- Ещё раз, пока зима не подкатила, смотаюсь, и шабаш до весны, а может, и совсем...

Хорошо?

- Хорошо. А ты не врешь, что всё?
- Нет. Спи, зайчонок!

Глубокая ночь окутала город.

Посол СССР в Венгрии Андропов закончил совещание с сотрудниками, все вышли. Его лицо, за минуту до этого вмещавшее в себя горечь, гнев, трагедию, вдруг преобразилось. Оно стало спокойным, усталая и довольная улыбка человека, прекрасно выполнившего своё дело, пробежала по нему.

Резкий звонок телефона - Москва. Лицо посла моментально приняло прежнее выражение: «Слушаю Вас, Никита Сергеевич! Докладываю обстановку...»

Закончив доклад, он опять улыбнулся и потёр руки. Задумался.

Вы у меня умаетесь ещё кровавыми соплями! За всё умаетесь! Даже за мою идиотскую фамилию! Андропов. Под такой кличкой жить приходится.

Картины совсем раннего, беззаботного детства, няня, огромный каменный дом, отец, которого он вычеркнул из своей биографии. Мама - Евгения Карловна Флекенштейн. Как звучит!

Ха, Андропов... Сволочи! Я даже не могу жить под своей фамилией!

Бои шли по всему Будапешту. Не имея чёткого приказа из Москвы, советский гарнизон нёс тяжёлые потери, оказывая врагу лишь пассивное сопротивление. Выкинутый «на ура» десант был практически истреблён. Пройдёт много лет, и вот так же погибнет в Грозном Майкопская бригада десантников.

Посол готовился к эвакуации, своё дело он сделал. Его ждали новые вершины в стране, которую он вряд ли считал Родиной и любил. По удивительному стечению искусственных обстоятельств он достигнет в СССР самого высокого поста, но завершить дело Герострата не успеет. Это сделает ничтожный человек, выдвинутый бывшим послом на советский олимп.

А в Венгрии продолжали гибнуть простые русские люди - военные и гражданские, взрослые и дети.

Противник пленных не брал.

- Вставай, соня-засоня! - жена весело теребит меня. - Завтракать пора, мы уезжаем, ты тут не хулигань без нас.

В ушах ещё ухало оружие...

Часы показывали девять, через час меня Толян ждёт.

- Ну, что, Серёга, берём «аппарат» и в путь?

- В путь? Да, в Будапешт.

- Всё шутишь? Ждут тебя там. В Первопрестольную.

- Я подумаю чуток. Лады? Позвоню тебе сегодня.

- Хозяин-барин, но долго не думай...

Я сел в машину, повернул ключ, приятно заурчал мощный дизель, вырулил со стоянки. На стекле оседали первые вестники зимы - мелкие мокрые снежинки. Припрёт в дороге зима, хотя чего там - нам не впервой. Вот не найду дома патрон - поеду, а найду - останусь. Я знал, что не найду и поеду. Подкатил к подъезду, шлёпнул сигнализацию и побежал наверх. Ключ в замок, открыл. Проскочил в спальню... На тумбочке, прямо посередине, стоял патрон от ППШ. Я присел на кровать, потёр лоб: «Значит - не судьба».

Достал телефон: «Извини, Толян, обстоятельства личные, я не еду».

Потом набрал номер жены: «Зая, я завтра к вам приеду, перегон отменяется».

«Ой, какой ты умница! Молодец! Сейчас детей обрадую!»

Ну и всё, покушать и спать, завтра встать пораньше, и за часок доеду.

И то с семьёй не вижусь, надоела эта гонка.

Что-то зима в этом году рановато наступает. Ладно, спокойной ночи!

Сон, сон, сон.

Я вернулся в ненавистную для меня Европу!

Жаль, что не в Венгрию, но зато на броне танка! Детская мечта - прогромыхать гусеницами по ожиревшей и погрязшей во вселенском грехе бабе-яге Европе - сбылась в 1968 году.

На предельной скорости шли мы по гнезду дьявола, откуда много раз начинались крестовые походы против моей Родины. Прокатиться бы на танке по столице самой подлой из них - Великобритании, но по её улицам пройдут солдаты не нашей армии. Жестокий это будет парад! Теперь я знаю, что с ними будет, но мне не жаль их...

А мы вкатывались в Чехию, страну, которая когда-то была славянской и вела кровавые войны с крестоносцами. Но пали герои, их сменили лакеи, повара, официанты. Остатки смелого и гордого народа.

Колонну остановили в районе маленького городишки. Мы должны пропустить вперёд батальон армии ГДР. Одна за другой проходят по прекрасной дороге грузовики с немцами. «Как дела, лейтенант?» - на моём плече огромная тяжёлая рука майора Петрова, нашего комбата – «Доволен броском? Наверное, о Венгрии мечтаешь? Не горюй, все они одним миром мазаны, хотя история у каждого своя».

От майора слегка тянет сладковатым запахом спирта. Он из осколка рода забайкальских казаков.

«Почему Вы так решили?» - я раздражаюсь, что кто-то читает мои мысли.»

Ты не еришь, сынок, я это от зависти. Я вот не смогу прокатиться на танке по тем, кто мою семью изувечил. А что чехи, так не переживай. Была бы печаль, кабы на Сербию с такой миссией шли. Хотя и с ней не всё ясно в твоей личной трагедии. Гнусно себя Югославия вела в 1956 году, а отвечать за подлость придётся, всем придётся, раньше или позже, а придётся. Всем аукнутся русская кровь и слёзы. Ох и аукнутся! Не ведают они, что творят!» - он хлопнул меня по плечу и пошёл по обочине дороги, на мгновение остановился, повернулся ко мне и тихо сказал: «Я верю тебе, казак». Мы снова двинулись на Прагу.

Последние дни осени. Начинает вьюжить. Мокрый снег налипает на лобовое стекло, покорно ложится под колёса, разлетаясь мокрой липкой кашей. Знобит. Я включаю печку. Тёплый воздух заполняет салон, глаза начинают закрываться. Резкая дробь по боковому стеклу - обдав грязью и подрезав, вперёд уходит чёрный «Хаммер». Найдёшь, паскуда, свой гвоздь! На каждый молоток находится свой гвоздь, о который он уколется.

В голове последний сон.

Майор Петров?

Казак?

Чехословакия?

А сколько мне тогда было лет?

Это было в 1968-м, а я родился в 46-м. Двадцать два, училище едва закончил...

Что за чушь!

Какой сорок шестой?

Какое училище? Эти сны сведут с ума! Я - это я!

А сны отдельно!

Включаю правый поворот, торможу, прижимаясь к обочине. Выхожу, закуриваю. Мокрый снег налипает на лицо, протискивается во все щели одежды, но освежает. Сон уходит. Домой, к семье, они ждут, они у матери в деревне, осталось совсем немного.

Резко газую. Вильнув задом на мокром асфальте, машина, покорная моей воле, рвёт вперёд. Пурга разгулялась не на шутку, сворачиваю на просёлок...

Разбитый асфальт из-под тонкого снега подло подсовывает колдобины, дорога петляет среди засыпанных снегом деревьев, в белом коридоре сошедшихся сверху крон лесных великанов. Снегопад прекратился. Сейчас опасный поворот. Снижаю скорость, а прямо, уткнувшись капотом в могучий ствол, стоит чёрный «Хаммер».

«Что, долетался, сокол?»

Останавливаюсь. Дверь в джипе открылась легко. Кожанка, бритый череп, золотая цепура на толстой шее, залитое кровью тупое рыло...

Я сразу узнал эту сволочь! Сколько раз я мысленно убивал эту гадину! Теперь он в моей власти! Вот он – Ваха, кровавый чеченский волк, немало положивший наших в Урус-Мартане и

Старых Атагах! На «торпед» спокойно стоит патрон от ППШ. Откуда он здесь? Почему не упал от удара?

Открываю защёлку бардачка. В нём пистолет – тэтэшник – готов к стрельбе, только снять затворную задержку. Через мгновение я спокойно стреляю в ненавистную башку... Патрон ППШ падает и замирает на «дипломате», что лежит на переднем сиденье. Значит, это для меня, я забираю его, пистолет, спокойно сажусь в машину. Ну, поехала, родная!

Через полкилометра мостик через речку. Скидываю «пушку». Она плюхается в чёрную воду. Два-три пузырька – и всё. Открываю кейс.

Ого! Таких денег я никогда в жизни не видел!

Вытряхиваю содержимое, и пустой дипломат, проплыв пару метров, идёт на дно вслед за пистолетом.

Низкие тучи обрушивают на дорогу настоящую пургу.

Следов больше не будет.

Прошедший мимо нас немецкий батальон остановился, вкатившись в город на километр-полтора, на небольшой площади, вокруг которой теснилось несколько пивнушек. Небольшое пространство сразу заполнилось лающим говором, командами, топотом армейских сапог. Через полчаса техника стояла стройным каре, внутри которого солдаты складывали ящики и мешки из грузовиков, устанавливали палатки, деловито вбивая крепления растяжек прямо в брусчатку площади. Худощавый ефрейтор в очках тщательно рисовал большим куском мела белую черту вокруг своего лагеря. Окончив труд художника, он расставил по периметру небольшие стойки, натянул по ним шпагат и развесил таблички с надписью по-чешски «Стоять! Стрелять!» Ближе к пяти вечера, прилично накачавшись пивком, вокруг лагеря начали собираться группы пёстро одетых недорослей. Между ними мелькали вполне взрослые мужчины и женщины, дававшие указания и команды. Появились тележки с бесплатными бутербродами, жареной колбаской и пивом. Несколько ораторов, взобравшись на аккуратно сделанные передвижные трибуны, клеймили позором «цивилизованных и культурных» немцев, выполняющих приказ «красных и тупых Иванов». Нафталиновых интеллигентов с редкими седенькими волосёнками сменяли накачанные джинсовые молодцы и девицы в юбках, длиной с носовой платок. Публика вполне подогрелась. Над ней качались плакаты, в основном на английском. Центром внимания был человек с огромной кинокамерой, а рядом с ним раскрашенная мадам с выдавшим виды лицом. Мадам трясла двухцветными волосами, выставляя вперёд острое коленце, бойко молотила по-английски, временами давая поговорить на камеру толпившимся рядом нафталиновым пиджакам и джинсовым костюмчикам. Отработав оплаченное время, мадам дала команду поношенному, алкогольного вида мужичку, который взял плакатик с надписью «Go home!», потряс им под гудёж накачанной пивом публики и, выставив напоказ жёлтые зубы, направился к белой черте на мостовой. Он остановился прямо возле таблички, висящей на шпагате новой «границы» Германии, помялся с ноги на ногу, повернул голову назад. Новые друзья, так здорово угощавшие его весь день, подбодрили его хором возгласов, и он шагнул за шпагатик. Пуля вошла ему точно между глаз.

ЧССР потеряла давно забытого ею непутёвого человека, а защитники демократии получили очередного «героя, отдавшего жизнь в борьбе» за их «идеалы». А бедный человечек просто хотел халявного пива, на которое у него всегда не хватало денег.

Площадь опустела в течение нескольких минут. Приехала полиция, и тёмный фургон увёз в своём чреве очередную жертву борьбы за передел мира.

В Берлине инцидент не заметили, в Москве недовольно поморщились и выразили сожаление, в Вашингтоне с удовольствием потёрли руки, а их пресса, естественно, независимая, подняла стайный вой. А в Праге через неделю тихо закопали за муниципальный счёт безвестного «борца за демократию». Проходила практическая обкатка будущих «цветных революций»...

За окном весело шлёпает с крыши холодными каплями вчерашняя пурга, солнечные зайчики пляшут на посуде в старой «стенке». Сколько лет этой мебели? Двадцать? Сорок? Или целая вечность? Я всегда помнил только её, другой не было...

Мать суетится у стола, накрывает поздний завтрак, дети уже на улице - меряют сапогами глубину луж. Умываюсь, усаживаемся.

- Мы вот тебе подарок приготовили, с Натальей выбирали, решили на праздник подарить, - в руках у матери ноутбук.

Господи! Это сколько ж она копила на него? Я целую маму, жену. Правда, очень приятно. А что за праздник такой вдруг? Ой-ой-ой! Как я забыл? Мой день рождения!

Наташка жмётся к плечу: «Бросай свои гонки-перегонки, сиди дома, пиши книжки!»

Я поднимаю рюмку: «За всех нас! Обещаю, что больше никаких перегонов! Всё! Закончил!»

Безумно интересно, но у меня нет ни малейшего угрызения совести после вчерашнего в лесу. Совсем ничего! Наоборот, висевшая постоянно на душе тревога куда-то исчезла, легко и радостно, как в безоблачном детстве.

На круглом столе, посреди комнаты - мой «бук», а прямо на нём - патрон от ППШ!

«Хорошо! Хорошо! Я понял! Я напишу, как смогу, о том, что ты мне рассказываешь, слово в слово, неизвестный мне друг, что стал частью меня».

- Садись, капитан. Вот дело по убийству вчерашнему. Ну, знакомого нашего общего из Чечни завалил кто-то. Знал его? Я перед тобой душой кривить не буду, мы старые боевые друзья. На нём крови наших товарищей полно. Тому, кто его грохнул, я готов руку пожать. Жаль, не я это сделал. Так ты не переусердствуй при раскрытии. Всяком больше, всяком меньше. Сам понимаешь. Но трудись, товарищ офицер, чтобы пыль столбом, но не больше. Удачи!

Вечер плавно перекачивался в ночь.

Для нас «поход» в ЧССР закончился быстро и без особых приключений. Так, мелочи - пару раз упирались в перегородивших улицу молокососов с плакатиками. Они визжали неокрепшими голосами, брызгали слюной, швыряли в нас банки с дерьмом. Тогда вперёд выходил взвод разведки и, поигрывая сапёрными лопатками, шёл на «героев революции». Бросая наглядную агитацию, они моментально растворялись в узких улочках, а мы шли дальше. Лишь раз из проезжавшей легковушки вылетели две бутылки, разбились об идущий в конце колонны танк и подожгли его. Экипаж моментально сбил огонь, а террористы, видимо, перетрусив, воткнулись в фонарный столб, не проехав и тридцати метров. Двоих тут же поймали и, выбив зубы, отпустили домой сушить портки. С их «Шкодой 105» поступили вообще гуманно - танк только дважды проехал по ней туда-сюда.

Через десять дней мы были уже на марше домой. «Великая чешская революция» закончилась. Я был частично удовлетворён. Я видел, как разбегаются те, кто брызгал в нас слюной, я видел, как эти герои мочили свои штаны и поджигали хвосты при самом слабом напоре, я впервые почувствовал специфический запах победы - запах перетрусившего врага, хотя мне ещё предстояло узнать и другие запахи победы - крови и гниющих трупов. Победа не всегда пахнет шампанским и женскими духами. У победы чаще суровое лицо.

«Мочить их надо было, как немцы мочили!» - мрачно изрёк Петров, когда вечером в городском сквере мы тесной компанией пили пиво. - «Замахнулись, а не ударили, а это не есть хорошо. Отмоются и опять возьмутся за старое. А уж героев «борьбы» с нами сколько расплодится! Да и хозяева их почти бесплатно репетицию провели. А социализм, капитализм здесь ни при чём. Ненавидят нас на Западе, и все дела. По-разному мы на жизнь смотрим. То в ней понимаем, что их языками и не выскажешь. Совсем мы с ними разные, хотя внешне не отличаемся. За это нас боятся и ненавидят люто. На другой ступеньке нравственной мы стоим, другое у нас в жизни главное. Не могут нам простить отсутствие тупого практицизма, каким вся Европа провоняла. Вот втолковывают нам, что Достоевский - знаток русской души. Глупость это. Такими неадекватными придурками нас на Западе считают, поскольку в толк взять не могут, что может быть бескорыстная дружба, любовь, преданность. Им это - как сказка про марсиан. А Фёдор Михайлович как раз этот момент им и подмахнул, вот они и ухватились. Приятно всё, до чего твой ум не дорос, считать глупостью. Тогда личная убогость не мешает наслаждаться собственным величием. Хотя, если быть до конца правдивым перед собой, то у Достоевского в его дневниках есть очень интересные мысли о наших братьях-славянах в Европе. Почитай, интересно будет, и многое поймёшь из того, что недавно было. Да... На Западе был великий

писатель, по его книгам можно европейский тип человека изучать, как по рентгеновскому снимку. Это - Мопассан. Не зря они на него так окрысились и в сорок три года сгноили его в психушке. Так безжалостно душевное убожество европейцев никто не рискнул обнажить. Чего один его «Старик» стоит. Живут, конечно, приятней, чище, аккуратней, поскольку чистота улиц для них важнее чистоты души и помыслов», - майор допил пиво, поставил под лавочку пустую бутылку. - «Ухожу я со службы, пора на пенсию. Всех благ тебе, казак! Ты парень умный и честный - разберёшься в жизни. Даст бог - свидимся»...

Мы пожали руки и растались навсегда.

Казачий атаман Петров погиб в девяностые годы на Кавказе.

Как в калейдоскопе замелькали картинки сна - я стреляю в бандита из «Хаммера», а вот он, ещё живой, стреляет в раненого Петрова.

Тихий стук клавиатуры, настольная лампа, привычная с детства обстановка милого родного дома. Приятно, однако, изображать из себя писателя. А может, я и вправду им стану? Мне есть что рассказать, вот только закончу с этим делом...

Первые морозцы, зима уже. Темнеет совсем рано...

Спокойный, тихий вечер. Кручу ручку настройки пластмассовой «Спидолы», короткие волны. Туповатые речи из Мюнхена: терзаются друзья о нашей трудной жизни, заботятся о процветании и счастье великого русского народа. Ой ли? Плеснул себе ещё полрюмки «беленькой», опрокинул вдогонку за первой, закусил чёрным солёным грездем. Лепота! Переключился на средние волны. Дорогой Леонид Ильич состарившимся баритоном пытается рассказать что-то о «сиське-масиське». А-а-а, это он про социалистические страны нам, неразумным, втолковывает. Это он так про систематическое их продвижение к коммунизму талдычит. Тоже старичок всей душой о нас болеет. Да ещё проклятые империалисты совсем задолбали бедную Анджелу Дэвис. «Ну, чтобы у неё всё было путём!»

Я отправляю третью следом за второй, с удовольствием пережёвываю несколько классных, хрустящих грибков. Рука потянулась выключить приёмник, но задержалась. Кем-то «уполномоченный» ТАСС заявил, что в Афганистане, после возвращения с Кубы, скоропостижно скончался их президент. Беда какая! Пришлось пропустить ещё рюмочку за упокой его души. Соседи всё же, да и не воевали с ними никогда, а это ой какая редкость. То, что президента скосил не грипп, а его просто задушили подушкой в подвале, мы узнаем значительно позже, когда спецназ КГБ возьмёт штурмом президентский дворец Тадж-Бек на окраине Кабула и уничтожит нового президента Амина, по совместительству убийцу предыдущего владыки страны.

А сегодняшний вечер остался спокойным и незамутнённым смертью, возможно, хорошего человека в каком-то далёком от нас по времени и культуре Афганистане.

За окном - улица маленького провинциального городка России, а дальше - огромная территория могучей империи, заселённой совершенно разными народами, между которыми различий больше, чем общего.

«Ну, что, товарищ офицер, пора баньки?» - я выключаю свет на кухне и потихонечку пробираюсь в спальню. Сегодня наша «двушка» пуста - жена с детьми уехала гостить к «любимой» тёще. Плавно опускаюсь на диван-кровать и быстро засыпаю, а над моей благополучной жизнью уже нависло новое испытание. С юга, из неведомого мне Афганистана, катились чёрные тучи. А где-то там, дальше, опять мелькнула сутулая тень посла из 56-го года. Его лицо-маска. Опять он!

Толян погиб! Разбился под Смоленском. Машина - всмятку. Голова на нитке, сшивали всего...

Завтра похороны. Чёртова гололедица, и пьяный урод на «Камазе» неожиданно вышел на встречную. Лоб в лоб, без шансов. Три года вместе мы добывали на дорогах свой тяжёлый хлеб. Прощай, друг!

Я поднимаю глаза вверх: «Спасибо тебе, мой ангел-хранитель, ты опять спас меня».

Санитарный самолёт пошёл на посадку. Лёгкий толчок, и большая машина покатила по бетонке военного аэродрома.

*Всё! Всё! Больше никаких войн! Осточертело! Долечусь – и на гражданку!
Позади остался чужой и непонятый Афганистан, а я жив и почти здоров.
Дом, семья, дети, жена, родители...*

- Всё! Всё! Больше никакой Родины! Чего здесь дожидаться? Моя страна - труп! Сгнить вместе с ним? У нас есть на что и куда уехать!

Жена спокойно смотрит на меня:

- Успокойся, куда ты не уедешь. Ну, чего себе душу рвёшь? И не такое было, переживём.

- Зачем переживать? Надо просто жить, а не переживать постоянные трудности. Зачем нашим детям всё это?

Она подходит, обнимает меня за плечо:

- Успокойся. Завтра решишь на спокойную голову. Как будет, так и будет. Мы всегда с тобой.

- Нет, когда «маленький» человек выходит из рамок правил, что не он придумал, его называют преступником, а когда власть плюет на свои собственные законы, то они - прагматики, противоречивые фигуры.

- Ты прав, прав. Смотри, как ты стал чётко и коротко излагать замысловатые идеи. Ты и вправду писатель. Но писатель должен жить на Родине.

- В честь чего? Когда так было в России?

- Всегда, а те, кто уезжал, быстро сходили на нет.

- Ладно, завтра решим, пошли спать...

Узкая улица, горящие дома, разрывы, удары по броне.

*«Связи, мать его, нет! Где свои, где «чехи»?! Где та сука, что продала и предала нас?!
Вернусь живой - порешу сволочей!»*

Удар, гусеница поползла по горящему асфальту стальной змеей. Приехали. Сейчас сожгут заживо, через нижний люк... Бегом к дому... Взрыв...

Очнулся от боли. Подвал дома. Бородатые «духи» в камуфляже режут меня ножом, смеются, скалят жёлтые зубы.

«Станицуешь? Что, наелся свободной Ичкерии?» - нож входит в подколенную чашечку.

В глазах опять темно. Смотрю на палачей, они хохочут, я показываю им фигу.

«Смелый? Да? Смелый? Герой? Да? Тащи на улицу, будем шашлык из этого барана делать».

Я смотрю на них, запоминаю их всех, у меня отличная память. Я всех вас помню, уроды!

Льют бензин на меня, поджигают. Вспышка, боль... и только память. Я помню их всех, я знаю их имена, тех, кто убивал, и тех, кто предал нас, кто нагло продал чужие жизни и Родину.

Я вижу и тебя, сутулый посол, и всех твоих последователей и хозяев! Вы все умрёте страшной смертью.

- Что ты решил? Мы уезжаем? – большие голубые глаза смотрят из-под светлых пышных волос прямо на меня, внимательно и настороженно.

- Нет! Мы остаёмся. У нас здесь ещё уйма дел. Возможно, потом, когда всё закончим. Но раньше - никогда.

Солнечный зайчик весело забегал по комнате со старой мебелью, по чистым окнам, остановился на столе, заиграл звёздочками на маленьком патроне от ППШ и исчез вместе с ним.

У нас всё будет хорошо!

2010 г.

Иван Привалов

Родился в 1968 году. Подполковник милиции в отставке. Награждён орденом Мужества, медалями «За отвагу», медалями ордена «За заслуги перед Отечеством» 1-й и 2-й степени, а также другими государственными и ведомственными медалями. Принимал участие в контртеррористических операциях на территории Чеченской Республики в 1995-1996, 2000, 2004, 2005, 2008 годах. Автор многочисленных выставок фотографий «Дорогами Чечни» в Калининградской области и в России.

Следы на песке

Отрывок из повести

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!

Грузиться начали около семи часов. Погрузка и размещение заняли чуть больше часа. Наши ребята заняли несколько «крокодилов»-«Уралов». Всё прошло чётко и организованно, с минимальными потерями во времени. Колонна выстроилась. Грязные и потрёпанные машины. На дверях висят бронежилеты. На некоторых авто видны старые поржавевшие и совсем свежие, сверкающие белым металлом дырки от пуль. На деревянном кузове торчащие щепки, вырванные пулями. Дымящая сигаретным дымом колонна так и стояла до половины двенадцатого.

Кто-то предложил мне сесть в кабину. Отказался. С ребятами спокойней, да и поучительней. Сидел на коробках с пулемётными лентами. А ребята разместились по бортам, где они устроились у порванных и прорезанных в тентах дырок-амбразур, примеряя к ним автоматы. В глубине кузова, спиной к кабине, на какие-то ящики сел Юра Зиновьев – наш снайпер. Упершись спиной в борт, расставив в стороны ноги, он расчехлил СВД и, не обращая ни на кого внимания, стал с любовью её осматривать. В сдержанной тишине морозного утра то здесь, то там слышался негромкий смех, говор и гомон. Между машинами сновали и кучковались водители – грязные, лохматые небритые, с впавшими щеками и глазами, без оружия. Автоматы в машине, казалось, были небрежно засунуты между сидений. Но это только кажется. На самом деле они в любую секунду готовы к бою. Как и большинство ребят в этой колонне. Я не в счёт. Я из автомата практически не стрелял. В армии больше из гаубицы. А автомат – нет. Да и о чём говорить – у ребят уже не первая командировка, в том числе в Чечню, а я так, экскурсант. Они ко мне относятся настороженно (ведь я пока еще не «свой»), но уже приступили к моему «образованию». В «крокодиле» они охотно рассказывают мне о ситуациях, с которыми сталкивались ранее. О том, кто как себя вёл в той или иной ситуации. Спрашивали меня, что я стану делать в подобных боевых условиях. И тут же разбирали ситуацию, говоря-подсказывая, где я должен находиться, что и как делать. И всё это так, чтобы не обидеть меня, не показать мне, что я ноль. Это было как разговор старшего товарища с младшим или уважительный разговор учителя с учеником... А почему мне уступили почётное место на коробках у края центра борта, я понял чуть позже, наевшись от души грязи летящей от колёс «Урала»... Молодых учат.

Поехали минут через сорок. Ребята замолчали. Практически со всех сторон раздался лязг передёрнутых затворов автоматов. Патроны в патронниках. Автоматы сняты с предохранителей. Недоумённо кручу головой. Все, кроме меня, отвернулись друг от друга. «Крокодил» ошетинился стволами автоматов. Получаю дружеский тычок в бок: вот, мол, «Зелёные ворота» – условная граница между миром и войной. На обочине мелькает надпись на куске чего-то широкого, много раз простреленная и забросанная грязью, но пока ещё читаемая: «Добро пожаловать в Ад!»

Добро пожаловать... Мороз по спине. Колонна из десяти «крокодилов». Впереди БТР. Сзади БТР. Идём... Проезжаем какой-то посёлок. Дома тут за высокими заборами. Одинокие фигуры женщин. Мужчин нет. Провожают взглядом. Скорость – километров 60-70 в час. Лицо уже покрыто тонким слоем грязи. А кусочки побольше – таким же ровным слоем поверх... Ловлю на себе насмешливые взгляды, которые тут же гасятся, когда я смотрю на бойцов – сейчас я уже замполит ОМОНа. Не раньше. Только сейчас... Чуть позже наши же ребята объяснили мне

разницу между замполитом и комиссаром. Звание, которое мне удалось заслужить несколько позже...

Машина постепенно задирает нос всё выше и выше. Повороты становятся круче. На горизонте появляются две «вертушки» – две стрекозы с каждой секундой становящиеся всё больше и больше. Крутой поворот. Вижу много раз простреленную вывеску «Горагорск». Проезжаем несколько полуразрушенных домов. Людей не видно. Выезжаем. «Вертушки» догнали нас. Вижу справа и слева тупые вершушки гор, тянущихся вдаль. Дорога идёт по вершущке горы. Справа и слева – обрыв. Глубокий. Крутой поворот. Останки танка, БТРа... Опять танка. БМП... Боже, что это?! В растерянности смотрю на ребят, но они прикипели к автоматам. До меня и моих немых вопросов никому нет дела. Лишь Юра Зиновьев, глядя на меня, наострил уши. Заехали между двух небольших высоток. И тут тишина лопнула, внезапно разорвалась. Впереди разрывы! Трескотня автоматов! «Вертушки» начали обстреливать что-то впереди. Кузов «Урала» наполнился пороховыми газами и перезвоном летящих со всех сторон гильз. Следующий за нами «крокодил» окрасился вспышками протуберанцев. Машина набрала скорость. Прошла ложбинку. И на большой скорости устремилась вниз – на равнину. А я и не выстрелил ни разу. Оглушён и подавлен, растерян и напуган. Вдобавок ещё упал на Юрку со своих коробок, которые при наборе скорости расплзлись подо мной. Похоже, зацепил винтовку. Услышал рычание. Удара не почувствовал. Ребята сразу были водружён обратно на свои коробки. Обернуться боялся...

В Чечню (со стороны Моздока) можно попасть несколькими путями: воздушным, а также через Горагорск-Долинский-Радужное или Ищерскую-Червлённую-Виноградное. Мы выбрали второй вариант.

Ещё на полпути в Грозный я увидел столбы жирного дыма. Казалось, он как хитрый кот улыбался нам, провожая, подталкивая и маня нас к Грозному. Позднее узнал, что это горели нефтяные вышки... Шли быстро. Километров 80-90 в час. К грязюке привык. Лицо уже не вытирал, смирился.

Шли уступом. Три машины: первая слева по дороге, вторая по центру, третья по правому краю. Следующая тройка так же. Редкие невоенные машины, идущие навстречу, были вынуждены съезжать в придорожную канаву. Сначала это вызывало недоумение и возмущение, но после короткого объяснения деталей этой войны, я успокоился...

Поворот. Сначала круто вправо, а затем так же круто влево. Так круто, что Грозный, серый Грозный, оказался у нас под правым крылом. Или мы под его левым. Если по дороге, ведущей в неизвестность, справа и слева, сквозь дымку и белый снег проглядывали чёрные вершушки возвышенностей, то Грозный встретил хмурым и серым пятном.

Блок-пост. Вот и Грозный. Здравствуй. Или привет... Старопромысловский район. Олег Малышев встал и прокричал из машины фразу, смысл которой дошёл до меня несколько позже: «Очистим город Грозный от мирных жителей». Потом я понял, что, наверное, по всему Калининграду специально собирали эту группу приколистов – для того чтобы усадить их вместе со мной в одну машину. Это потом я понял, что это тоже часть моего обучения – находить во всём плохом и во всём хорошем частички чёрного юмора. Того юмора, который помогает выжить в мире бардака и хаоса. Того юмора, который объединяет и заставляет забывать (хотя бы на время) тот ужас, который тебя окружает. Смех – доктор и психотерапевт. Боль, тревога, надежда и цинизм, выраженные смехом – это, наверное, и есть чёрный юмор. Чёрный юмор войны. Чёрная гримаса жизни...

Грозный. Машина, как и вся колонна, ощутимо набрала скорость. Первое впечатление не тягостное. Нет, оно давяще убивающее. Широкая дорога – магистраль. По дороге то там, то сям большие воронки от разрывов снарядов и бомб. Не снижая скорости, объезжаем их. Ни одной секунды замедления. Напряжение в кузове достигло апогея. Сплошная каучуковая масса готовности к нападению. Готовности к агрессии и ещё Бог знает к чему...

Бог... С некоторых пор всегда с заглавной буквы... Если раньше я относился к нему, как учила меня Мама – «не знаешь, не трогай», – то уже через дней двадцать... Только с большой буквы... Бог...

Слева от дороги и вдали в основном одноэтажные дома. Разрушенные крыши. Остатки стен. Огромные дыры в высоких, кирпичных заборах. Высоких, железных, в пробоинах и дырках от пуль различного калибра. И надписи на них: «Продаётся», «Здесь люди», «Здесь люди», «Здесь люди»...

Справа – пятиэтажки. Они расположены повыше, чем их соседи слева. Напоминают стадо баранов, тянущееся вдоль дороги. Бело-серое стадо... Дома мелькают, быстро сменяя друг друга. Вот целое здание. А вот руины. Снова руины. Огромная дыра с торца. Целое. Дыра. Дыра. Дыра. Кусок. Часть...

Стёкол нет. Стёкол не видно ни справа, ни слева. Дорога усыпана гильзами от автоматов, пулемётов, орудий... Справа и слева покорёженные и обгоревшие останки танков, БМП, БТР, машин и ещё неизвестно какой техники... Людей нет...

Всё это сверху накрывает какая-то серая, водянистая, пахнущая порохом, гарью, вонью, тошнотой мгла, висящая неподвижно в воздухе. И прямо под ней, вырываясь из объятий каши из грязи, мелькают робкие островки зимы. Серо-грязный снег...

Застывший хаос...

БАЗА

База оказалась школой. А рядом какая-то поликлиника. Обгорелые и закопчённые окна. Обкоцанные пулями стены. Во дворе грязюка непролазная. По колено. Глиняное месиво. Прямо перед входом бочка для воды. Вокруг степенно, по-деловому, ходит Саша Кленков – зам по тылу. Осматривает её. Вода – это жизнь. Привозная. Должность заместителя командира отряда по тылу. Кленков Александр Владимирович. Блатная должность. Карамелевая. Вот только если Саня «закарамельится», то катастрофа. Чтобы все были накормлены и напоены, нужно встать часов в шесть. Выдать продукты на завтрак, подготовить машину к поездке за водой, обеспечить доставку боеприпасов, пищи, воды, обмундирования. И не вчера и не завтра, а тогда, когда нужно. Первым встать. Украсть. Обмануть. Обменять. Вертеться день и ночь. Крутиться, чтобы у ребят был свежий хлеб, свежее мясо. Чтобы были дрова – обогреться, приготовить горячую еду. Следить, чтобы все были сыты, довольны. Гвозди. Доски. Инструменты. Всё надо. Всем надо. А Саша один. Однажды нашим сапёрам потребовался тротил. А его нет, и вдобавок нам не положено. Саня где-то день пил водку с военными. А вечером приполз. Живой. Чуть тёплый. Но с мешком тротиловых шашек. А вы говорите: блатная должность...

Снаружи и внутри кипит работа. Снаружи ребята укрепляют окна. Прибывают над бойницами металлические сетки от армейских кроватей. Оказывается, при попадании гранаты из подствольного гранатомёта в сетку она не взрывается, а отбрасывается в сторону. Век живи, век учись. В снегу она оказывается, тоже не всегда взрывается...

Внутри стерильная чистота. Ну, по сравнению с тем, что здесь было во время нашего приезда. Коридор. Кухня. Пост охраны. Спальный кубрик. Справа и слева двухъярусные кровати. Первый взвод и второй. По проходу между кроватями. В конце кровать. Посередине, за кроватью – брезентовый полог. За пологом – спальное помещение, кабинет и зал заседаний руководящего состава. Моя кровать над доком - Сазонычем. У Сазоныча под кроватью два армейских зелёных ящика. Открываем. Самый главный – со спиртом. Сазоныч сказал, что умрёт, но никому не сдаст. А во втором он не знает что. Открываем. По сравнению с содержимым его ящика здесь полная ерунда. Если сравнивать разрушительную силу содержимого ящиков, то ящик Сазоныча – ядерная бомба против автомата. Подумаешь, ящик гранат с взрывателями. Сазоныч начал незло, по-домашнему, по-доброму, материться на зам по тылу. Сашка стал в позу. А куда я его дену? Больше некуда. И тут же предложил забрать ящик с гранатами... вместе со спиртом. Вымогатель. Так Сазонычу и пришлось спать и работать в прямом и переносном смысле на пороховой бочке...

Без дела никто не ходит. Никто не шумит. Спит смена, работавшая ночью. Смена, охранявшая покой, сон, здоровье и жизнь ребят. Кубрик внутри напоминает муравейник. Кто-то чистит оружие. Кто-то прибывает чёрно-синие одеяла на окна. Одна группа. Вторая делает туалет в дальней комнате. Как люди до нас здесь жили, непонятно. Пробиваются дыры в железобетоне. Попутно устанавливаются перегородки мешками с песком и всякой гадостью. Закладываются окна по пути следования к кабинкам. Третья группа баню делает. Вот одно из достойнейших качеств калининградских милиционеров – хорошо обосноваться. И в самых тяжёлых условиях создать максимум для себя удобств. Делается всё для полноценного отдыха ребят после выполнения поставленных задач... А как всё-таки жили те, кого мы сменили?..

А здесь уже сооружена кухня. Горка наколотых досок – дров. Дрова здесь дефицит. Но обед и ужин – как дома.

БЛОК-ПОСТ

Остановка. Темноту над головой разрезает шкворчание белой ракеты и тут же красной – «своей». Едем дальше. Стоим. Выпрыгиваем из машины. В машину тут же влезает грязные и немые. Кто-то в непонятном звании и должности объясняет: там внутренние войска, там то, там сё. Ночью стреляют оттуда и отсюда. Стоять и бояться здесь и тут. Главный – восьмисотый, комендатура. Мы – «Контроль-14». Канал связи по радиации – этот, запасной – тот. Удачи мужики! И «крокодил» рычит в ночи...

Здравствуй, Чечня!

«Контроль-14». Правее от дороги на Ханкалу из Грозного – дорога, в том числе на Совхозное. Блок-пост на высоте. Внизу, чуть ниже нашей дороги, трасса «Грозный-Аргун». Как на ладони. Дальше и правее – «Контроль-15» – первые ворота в Ханкалу. За ним – сама Ханкала. За нашей спиной какой-то непонятный забор из железобетонных плит. Вроде расположение подразделения внутренних войск. Справа какие-то полуразрушенные постройки похожие на гаражи, уходящие в темноту. Слева вагончик, наполовину вкопанный в землю. Внутри железные двухъярусные кровати – штук пять. Дальше – наша дорога, которую мы должны контролировать. Впереди лента траншеи глубиной практически в полный рост человека. Справа траншея заканчивается непонятной техникой с двумя стволами, а слева – «кукушкой», нависшей над дорогой. «Кукушка» представляет собой высокое сооружение из железобетонных блоков с бойницами, очевидно, служащее в качестве долговременной огневой точки. Практически посередине – сооружение, находящееся под слоем земли. Арки из кирпича, залитые сверху бетоном толщиной около трёх метров, с одним входом, вентиляционной трубой и надеждой на спасение при бомбёжке. Этакое бомбоубежище на горе. Наследство от «братьев-дудаевцев». Сверху снег – сантиметров пятнадцать. Практически везде. И я – старший этого хозяйства на ближайшие сутки...

Старший по званию. По знанию не первый. И не старший. Этому дома не учат. Не учат выживать. Не учат грамотно расставить-расположить ребят. Расставить, чтобы часть отдыхала, а другая – контролировала округу. Расставить, чтобы не проспать и не прозевать... Расставляю: половину в вагончик на кровати, часть – на «кукушку» и в бомбоубежище. Вроде нормально. Нормально для Калининграда серии 1990 года... Чувствую, что что-то не то. Хмурые лица. Но все идут по указанным направлениям... Приказ командира – закон для подчинённого. Даже если командир – полный тормоз на войне...

Учителя... Что бы я делал без вас? Что бы я делал без вас в школе, СПТУ, армии, совхозе, милиции и дальше? Чему бы я научился без ваших наставлений и корректировок, без вас, направляющих и наставляющих на короткий путь достижения цели? Понимающих и прощающих...

Минут через тридцать подошёл Сиротинушка... Сирота Сергей Васильевич. Старый прапорщик. От слова старший. Пришёл в отряд мальчиком-юношей. Юношей с наивным, простым и добрым взглядом. Человек добрейшей души. Справедливый. Чуткий. Во время боя превращающийся в совершенно чужого человека – безжалостного, расчётливого и неутомимого. Машина-убийца. Берсеркер. Проходит волна боя. Проходит накал огня. И Сергей снова добрый, чуткий, внимательный. Смотря на него, я понял, как обманчива доброта. Этот, с виду простой и добродушный, паренёк, на которого можно запросто «наехать», оказывается, нашпигован смертельными знаниями и опытом. Страшным опытом. Опыт, приобретённым в вечной схватке, борьбе за жизнь. Опыт, приобретённым на полях сражений против врагов Родины. С этим опытом он пришёл на землю Чечни, чтобы защитить её народ от зла, принесённого наёмниками и бандитами всех мастей...

И теперь пришёл. Пришёл учить меня. Пришёл учить мальчика. Учить выживать. Учить чуть-чуть воевать. Учить беречь людей. Учить беречь себя...

Минут через пятнадцать разместились по-другому... А время-то... Ещё и восьми нет... Темно, хоть глаз коли...

ДОТ. Газовая горелка в «буржуйке». Ящики. Открытые. Закрытые. Консервы. Тушёнка. Каша – с мясом, рисом, гречкой. Хлеб. Консервированный. Сухой. Пуленепробиваемый – «смерть зубам». Гранаты. Патроны – в цинках, пачках, россыпью. Много. В ящиках и под ногами. Каски. Истерзанные бронежилеты в грязи. Не нужны.

Половина бойцов внизу греется, кушает, спит. Вторая – наверху. Разогрел кашу рисовую с мясом. Только после этого понял, что пищу кушал только утром. Оголодал. Осмотрелся. Ребята, кто был, разместились у печки, на ящиках с боеприпасами. Поели. Примостились. Так и заснули. От стен – холод арктический, всю душу вынимает. Полез наверх. Теплее. Спокойнее.

Тиха украинская ночь, Чечня проснётся только ночью...

Ещё один урок выживания. Сиротинушка положил на снег невесть откуда взятые доски. На пригорок. Подальше от вагончиков, «кукушек», дотов... Мы – на доски. Сверху одеяло армейское. Сначала холодно. Потом согрелся, ветер не дует. А мы всё видим: и справа, и слева, и впереди. Кайф! А спать не хочется. Адреналиновый озноб. Лежим. Тихонько переговариваемся. Васильевич учит слушать и видеть ночь. Терпеливо объясняет, как передвигаться, когда и как стрелять – теоретическая подготовка. Учусь. Впитываю. Постепенно ребята засыпают... Если это можно назвать сном. Глаза открываются при малейшем шорохе. Автомат и нервы на полном взводе. Мирно спящая растяжка...

ФИЛИППЫЧ

Ребята загрустили. Новый год. А Филиппыча не будет. Грустно.

А потом кто-то где-то надыбал, вырвал, отбил, захватил, выкупил, обменял, оторвал, украл, притырил, обманул, принёс... ёлку! Она – как в пустыне глоток воды... Трогали. Щупали. Гладили. Украдкой целовали... Славяночка... Праздник...

Поместили и нарядили. Патроны. Гирлянды – ленты с патронами. Шары – гранаты на кольцах. Праздник, окрашенный чёрным юмором. Праздник застывшей опасности...

А Филиппыч не приедет...

Незаметно, буднично проходит день... Ещё один. Рутинка. Стрельба. Война. Неразбериха. Слушаем рацию. Джонсон. В эфире бардак. Ёжики. Лошадки... Война. Кто с кем воюет, уже непонятно... Тем более, кто в кого стреляет... Что в мире происходит?..

Пришла ночь. А с ней темнота... Пришла темнота. А с ней ночь....

Около восьми часов – тревога. Все в секунды заняли боевые позиции – у амбразур, проломов и в проёмах. В холоде ночи Грозного. В холоде ночи Минутки. Шум двигателей машин. Много...

Первую линию обороны заняли бойцы ДОНА. Траншеи, выкопанные в земле. Общая тревога. Наши не ездят. Значит, «духи». Полная боевая готовность...

Рёв двигателей сильней и сильней... Может, проедут мимо?..

Рёв стих аккуратно возле выезда к нашим апартаментам... Все застыли, замерли. Патроны в патронниках. Предохранители сняты... Лязгнула дверца «Урала». Шаги в нашу сторону... Густоту ночи разорвал на куски звонкий, практически детский голос. Слова, учитывая ситуацию, абсурдные и неуместные. «Стой! Стрелять буду!»

И тут над землёй, над руинами, над гарью и грязью прозвучал ровный, спокойный, густой и насыщенный, до боли знакомый и родной голос: «Сынок! Ты что, в меня стрелять будешь!?» И со всех сторон, по грязи, перепрыгивая через траншеи, кирпичи, как тени, наши бойцы метнулись... «Филиппыч!»

Вспоминая события тех лет, всё больше проникаюсь восхищением и преклоняюсь перед человеком, который смог в полном радиомолчании, во время запрета, ночью, без единого выстрела привести в Грозный из Моздока целую колонну... Для этого мало обладать бесстрашием. Для этого надо обладать мужеством. Мужеством взять на себя ответственность за жизни других. Талантом полководца. Гением интуиции. Филиппыч...

Сделать такое не для минутной славы – здесь этого никто не оценит. Не для наград. Не для звезды Героя. А для пятидесяти пар горящих глаз. Для тех, кого искренне любишь. Устроить маленький праздник. Рискуя жизнью. Дать почувствовать в этой клоаке, забытой Богом и людьми, востребованность. Дать окрепнуть вере. Вере, которая угасает с каждым днём, уступая место безысходности и неотвратимости... Дать почувствовать воинам Великой страны нужность ей... Слезы на глазах... Благодарность ему...

Пройдут годы. А в памяти останется этот незаметный, незамеченный, запечатлённый в сердце подвиг. Подвиг Человека. Человека, знающего цену празднику. Празднику на войне и его значению для нас – маленьких серых и незаметных песчинок Великой России... Песчинок, из которых строится и высится громада её Славы...

Маленький человек... А сколько понимания, сострадания и любви вложил в него Господь! Какими талантами он его одарил. Сколько душ и судеб он спас и согрел. Согрел и спас...

Среди криков, возгласов, смеха Филиппыч каким-то образом успеваешь решить вопрос о постановке машин колонны во дворе – под прикрытие охранения. Раздвигаются противотаранные заграждения, заграждения колючей проволоки, и машины, радостно пофыркивая, размещаются во дворе, в уже подмёрзшей вечерней грязи...

Общее построение. Несмотря на то, что многие спали. Уставшие. Измотанные изнуряющей неделей. Измотанные неизвестностью. Измотанные неопределённостью своего положения... Измотанные, наконец, тоской по дому...

Вся эта грязь вокруг, эти завалы, эти длинные ночи и короткие дни, наполненные злом и горем, озарились сиянием. Заиграли другими красками. Наполнились добротой и дыханием дома и Родины. Ветром Балтики.

Команду «становись» никто не услышал. Все её почувствовали. Пошупать, потрогать, обнять Филиппыча хотел каждый. Общая свалка, в середине которой был Александр Филиппович... Построились. Выравнивались несколько раз. Всё время получалась кривая... Всем хотелось стать к нему поближе... Остановился. Маленький. Незаметный. Провёл пальцами по ремню на поясе. Наполнил воздухом грудь... И здание наполнилось зычным, уверенным, сильным голосом... Он стал великаном... Прибывшие с ним ребята таскали ящики. Все смотрели на Филиппыча...

Речь оратора и мужа. Речь боевого офицера. Человека, привыкшего отдавать приказы и нести за них ответственность. Каждое слово им взвешивается, примеряется размером и формой, весом и интонацией, бьёт в сердце. Речь отца. Речь друга. Речь брата...

Осматривает каждого. Взгляд забирается в душу, сердце, сканирует мозг. Одним этим тяжёлым, пронизательным взглядом он оценил состояние отряда. Состояние его боевого духа. Состояние каждого бойца. И на основе этого звучит его голос – выдержанный, чёткий, точный как выстрел снайпера, достигающий каждого в вибрирующей морозной тиши войны.

Он говорит. Он вспоминает другое время. Время войны. Рассказывает о том, как такую же колонну не пустили ночью под прикрытие. Как погибли люди. Он повествует о том, как они добирались. Как шли через Чечню. Через блок-посты. Через руины. Через огонь... Чем отличается подполковник от полковника...

Он ведёт диалог. Диалог со всеми и с каждым. В его речи каждый слышит что-то своё. То единственное, нужное и необходимое именно сейчас...

Он передаёт «привет» от руководства УВД области и города, от родных и близких...

Передать, повторить, как он это сделал, передать, повторить, как он это произнёс, – невозможно. Так, как невозможно передать и повторить шум волны, шелест листвы, тепло солнца...

А потом он стал всех целовать. Крепко и смачно. Каждого... Он становится перед строем... Слезы на глазах... И тут, как говорится, голос из толпы: «А ещё!» Возглас подхватывается... И Филиппыч пошёл целовать всех вновь... И я там был... Филиппыч вновь встал перед строем. Окинул всех тёплым отеческим взглядом. Вытер губы. И, хитро улыбаясь, сказал, как бы про себя: «А целуются-то как!»

Общее ликование...

А дальше началось вскрытие привезённых ящиков. Филиппыч из одного из них стал доставать пакеты. От родных. Из дома. Небольшие. Перевязанные и запечатанные скотчем и... омытые слезами...

Филиппыч превращается в почтальона. Он выкрикивает фамилию, имя. Подошедшему коротко рассказывает о родных. Историю получения пакета... С душой... С теплотой... Получивший уходит в сторонку. Находит более или менее неприметное место. Распечатывает пакет... В сторону откладываются вложенные вкусности. Из глубины извлекаются листы бумаги. Фотографии. Фотографии, которые сразу же раскладывались вокруг... И, дрожа, руки раскрывали полученные письма. И губы закусывались. И вытирались глаза от слёз...

В кубрике наступила тишина... Такую картину я видел и раньше. Видел я её в наших фильмах о той, Великой войне... Письмо из дома... Добро и любовь... Мы ждём вас, возвращайтесь! Мы любим Вас! Возвращайтесь...

Мы любимы! Нас ждут!.. Ветер, освежающий ветер...

А потом, вытерев слезы, потихоньку выходя из своих уголков, бойцы возвращались к этой жизни. Суровой и простой. Где или ты, или тебя...

Возвращаюсь назад... Пытаюсь... Вскрываю ячейки памяти... Вскрываю... Взрываю... То, что было... То, что забылось... То, что приказал себе забыть... То, что приказал не вспоминать... Но то, что должен... То, что обязан... Вспомнить то, что было... Вспомнить то, что нужно... Вспомнить то, что надо... Вспомнить то, что все забыли... Вспомнить то, от чего многие теперь оградилась стеной... Глухой стеной беспамятства... И, как сказал Филиппыч, как повторяю я: «...это нужно живым!» Пишу эти строчки – возвращаюсь назад... Хожу по комнате из угла в угол... Не сплю... Ящик Пандоры... Мой ящик Пандоры... Вскрытый, взрезанный, взорванный... Этими строчками он возвращается в меня... В мой дом... Боль стрелой пронзает сердце... Кричу... Но тишина поглощает крик... Поглощает стон... Со временем научусь с этим бороться... Научимся с этим бороться... А нет... Просторы вечной охоты открыты воинам... Открыты нам...

Иду по улице... Брань... Хамство... Кулаки сжимаются... Как рассказать об огне? Как рассказать о вулкане бьющем, рвущем из груди?..

Записки сумасшедшего... Записки трезвого во время всеобщей попойки...

Сейчас рассказывают о том, что там все были пьяными. Что все были наркоманами... Нет, это не так! Мы просто любили свою Родину! Мы любили свою Страну! Непонятной и необъяснимой любовью... Хаяли. Проклинали. Ругали... И подставляли свою грудь под пули... Отдавали свою жизнь... За неё... Обхаянную и Великую... Славься, Отечество наше народное...

Почему вспоминаю это? Да потому что не может быть всё гладко в этой проклятой войне. Не может быть всё хорошо на земле, покрытой горем. Есть трудности. Есть проблемы. И есть Филиппыч... Человек, шагающий через них... Главное – все живы!

Вот так просто и буднично начался наш Новый год. Ёлка с игрушками. Дед Мороз - Филиппыч. И куча «морозят» с автоматами...

А ещё вспоминаю одно из самых ярких событий уходящего года. События, в котором я участвовал впервые... Не в протокольном и не для галочки... Это награждение боевыми наградами Родины... Наградами, вес, значимость которых понимаешь там – в окружении людей, знающих их подлинную цену. Там, где это не звенящие, блестящие цацки. Там, где это – боль и кровь. Там, где это – доблесть и мужество. Там, где знают, за что и как... «За боевые ордена давай поднимем, старина!»

Всё тихо и торжественно... Отряд расположился вокруг стола. Стоя. Сидя... Огонь в печке бьётся... Полумрак... Холодные стены... Окна, заложенные мешками с песком... Исчезающие в темноте потолок и стены коридора... Филиппыч... В руках у него стопка красных книжечек... На столе коробочки... «Указом Президента Российской Федерации награждается...» «Служу России!» «Указом Президента Российской Федерации награждается...» «Служу России!» «Указом Президента Российской Федерации награждается...» «Служу России!» «Указом Президента Российской Федерации награждается...» «Служу России!»..

Служу России!.. Мы служим Великой России!..

Награды Родины осторожно, тихо, без стука, по очереди кладут в закопчённую, но чисто вымытую внутри кастрюлю... Заливают водкой... Калининградской... Первым отпил Филиппыч... Сказал добрые слова. Передал следующему... И по кругу... Взял... Встал... Отпил... Передал... Взял... Встал... Отпил... Передал... Взял... Встал... Отпил... Передал... Взял... Встал... Отпил... Передал... Награждённым в конце этой цепочки достаётся то, что осталось... То, что в народе называется слезами...

По литературным местам

Александр Новосельцев

Александр Новосельцев родился в 1958 году в Сталинграде. Работал слесарем на заводе, служил в Советской Армии. После окончания в 1983 году архитектурного факультета Волгоградского инженерно-строительного института живёт на родине Бунина и Пришивина, в древнем Ельце, где много лет был главным архитектором города. Автор проектов строительства жилых и общественных зданий и воссоздания храмов Елецкой округи, усадьбы И.А. Бунина в Озёрках и музея писателя в Ельце. Член Союза архитекторов и Союза писателей России и Республики Сербия, советник Российской Академии архитектуры и строительных наук, доцент Елецкого государственного университета.

Лауреат литературных премий: «Имперская культура» имени Э. Володина (2005), «В области литературы и искусства» (2006, за лучшее произведение художественной литературы, Липецк), Всероссийского конкурса на лучший короткий рассказ имени В. Шукшина «Светлые души» (2006), Бунинской премии (Липецк, 2007), Большой литературной премии России (2007).

Автор 50 научных и краеведческих работ, в том числе 6 книг по истории Ельца и его архитектуры. Автор книги художественной прозы «Пал».

Выступает в составе музыкального ансамбля «Червлёный Яр».

Скорбь... В.И. Лихоносов в Бунинских местах

Дважды, летом 2008 и летом 2010 года, у меня - в Ельце и в деревне - гостил Виктор Иванович Лихоносов. Долгих полвека любовь к Бунину вела его в бунинские места. Мы познакомились в дни выездного пленума Союза писателей. Накануне Пушкинских празднований мне позвонили из Союза, и знакомый голос издали и как-то осторожно спросил:- Ты уже, наверное, слышал, что мы проводим Пушкинские праздники в Липецкой области. Будет пленум на родине его предков, под Липецком. Праздничные мероприятия проводятся, писательские встречи. Ты в эти дни где будешь?

- В Ельце.

- Замечательно! Мы обязательно и в Ельце проведём писательские встречи. Со студентами университета, например. Выставку фотографий там откроем. Перечень вопросов я тебе электронкой вышлю. Ты уж помоги там, предупреди ректора в университете, власти, переговоры, что, мол, писатели приедут.

- Хорошо, сделаю. Программу только присылайте.

- Вышлем. Только к тебе ещё одна небольшая, но очень важная просьба будет. От Союза.

- Какая?

- Да мы официально весь секретариат и правление уже предупредили, а Лихоносова пригласить поручаем тебе. Лично. Он ведь так Бунина любит – всю жизнь мечтает попасть в ваши края. Ты бы смог сам позвонить ему, договориться и встретить? – и, не давая мне времени осознать такое неожиданное предложение, заторопился. – Он ведь, Виктор Иванович, человек своеобразный, а вы с ним, как мне кажется, такие родственные души. Бунинские. Нам он ни да, ни нет не сказал. А тебе он не откажет. Пригласишь?

- Да мне... как-то... Мне – и Лихоносова!

- Ручка есть? Пиши!

И он продиктовал телефон Лихоносова, взяв с меня слово обязательно пригласить Виктора Ивановича.

- Записал? Ну, пока. Электронку жди, с программой.

- Постой!

- Чего?

- Он-то хоть в курсе, что за мероприятие? Чего мне ему говорить-то?

- Да ничего! Назовешь себя, скажешь, что из Ельца, он о тебе уже слышал, да и пригласи. Обо мне не говори, что я тебе звонил. Скажешь, что ты в составе оргкомитета, потому и приглашаешь в Елец. Ему из Краснодара будет проще приехать сразу, а не через Москву. А обо мне не надо. Только по телефону говори погромче, он слышит неважно. Всё понял? Пока. Обнимаю.

В одной руке я держал трубку, в другой – листок со строчкой цифр, следом за которой стояло имя, обозначавшее для меня мир современной литературной классики: Виктор Иванович Лихоносов. Стоит только собраться и позвонить – и услышу его голос. Долго примерялся, что и как говорить. Но раз пообещал – надо звонить. Решился. Позвонил. Из того разговора в памяти остались только глуховатый голос и то, что он обрадовался, когда я представился и сказал о Ельце, и о Бунине, и о приглашении. Он обрадованно заверил, что непременно приедет, попросил меня продиктовать мой телефон и сказал, что перезвонит мне, чтобы сообщить номер поезда и время прибытия.

Всё потом состоялось: и его поездка, и моя встреча с ним, и четыре проведённых вместе дня: наскоро, из-за писательских встреч, суетных, но очень душевных. Впечатлений было много, а времени так мало. Он уехал, и в частых его звонках ко мне, радуясь, сообщал, что вот ещё очередная подборка моих рассказов напечатана в его «Родной Кубани», и о том, что собирается печатать, но всё время звучала тоска его из-за ничтожно малого времени, проведённого на бунинской земле. Два года я снова «сватал» его и к Ельцу, и к Озёркам и окрестностям, сулил ему зимой тёплые валенки и лошадь с бубенчиками, которая вмиг домчит нас от Озёрок до моего дома в сельце Польском, и тёплую печку, и тихие зимние вечера, и покой – ровно столько, насколько ему захочется. Несколько раз мы мельком встречались в Москве, в Союзе писателей, и он всё жаловался на свою, уже кажущуюся ему ненужной, редакторскую занятость с журналом, и всё говорил, как он завидует тому, что я каждый день хожу по бунинской земле, а его всё никак не отпускают – то дела, то большая матушка, которую он не может оставить надолго. Но через полтора года матушки не стало, и в августе он позвонил мне:

- У меня намечается поездка к молодому Толстому в Ясную Поляну, и я так хочу заехать на несколько дней в Елец, к Бунину, и к Вам, его прямому наследнику. Примете?

- Конечно, Виктор Иванович! С радостью! Я только съезжу в Карелию и в конце августа вернусь.

- За-ме-ча-а-а-тельно, - протянул Виктор Иванович. – Я тогда на обратном пути заеду в Бутурлиновку, на родину моей матушки. Я всё обещал ей съездить и рассказать о местах, где она выросла. Всё стремился, всё собирался, а вот не успел. Теперь у меня долг перед ней, и я его должен исполнить.

Договорились на последние числа августа.

29 августа, поздно вечером, я встречал его на вокзале. Когда в темноте между пристанционными огнями появился яркий движущийся глаз локомотива, раздался звонок:

- Александр Васильевич! Вы где?

- Я на вокзале, уже вижу Ваш поезд.

- Ну, хорошо... Я в первом вагоне...

В светящемся стекле первой двери первого вагона медленно проплыл его знакомый профиль, и я махнул ему рукой...

- Примите сумки мои, их у меня много...

Мы обнялись на перроне. Даже в неярко-резком свете фонарей лицо его показалось грустным. Грустными были глаза и опущенные уголки губ, и брови домиком, и даже усы. Все последующие дни выражение это так и не покинуло его лица, словно он заранее убедил себя, что едет прощаться. Так и повторял он несколько раз потом, в разговорах, когда мы возвращались из очередной поездки или прогулки к одному из бунинских мест – Бутырок или Осинава, Глотова или Петрищева (Рождества). То ли болезненное состояние, то ли постоянно живущее в нём чувство угасания России нынешней, как продолжение того её исхода, что было начато ещё в бунинские времена – были причиной этой его грусти, больше похожей на скорбь.

И все эти дни мы, словно сопровождаемые Буниным, строками, сюжетами и настроением из его книг и дневников, скорбели вместе. И уж ему-то, Виктору Ивановичу, даже приметилось во мне то усугублённое его скорбью и моё состояние всё растущей скорби:

- Что-то Вы, Александр Васильевич, такой грустный...

А у меня от его кратких, часто повторяемых междометий, произносимых им с лихоносовской интонацией («Да-а-а...» или «Ой-ёй...»), от всех его грустных слов при виде очередного запустевшего места холодело сердце, и наваливалась такая тоска, которая прежде не была мне знакома в такой силе, избыть и пережить которую, как казалось, не смогу ни через какие добрые вести или праздники.

А ему, не делавшему и десятка шагов, чтобы не остановиться и не снять очередное одинокое дерево или очередную руину дома или храма, травинку или кусочек чернозёмной дороги, или березовую аллею – ему так хотелось всё вместить в сердце и память, и от осознания этого бессилия запечатлеть весь этот бунинский мир. И оттого, что им остро вдруг воспринимались и бунинская тоска, и бунинская досада на ту деревенскую бедность, видимую ещё век назад. И он со вздохом в очередной раз говорил своё длинное «да-а-а...» И как же это «да» казалось вдруг похоже на то, как произносил его мой дед Алексей, «отломавший» три войны, начиная с империалистической.

Так и ходили мы втроём с невидимым, но ощущаемым во всём Буниным.

- Без Бунина я бы не состоялся. Он меня просто спас, - несколько раз говорил Лихоносов. – Читая Бунина, я понял, что сюжет не так важен, важно переживание. То самое, что обычно у писателей не читается. Описание природы, состояние героя – это обычным читателем просто пролистывается. А как же может существовать природа у Бунина отдельно от человека? Ведь это он, герой или автор, ощущает, он же живёт среди этого всего.

В первый вечер по приезде в Елец я поселил его в гостинице отца Василия, что рядом с Великокняжеским храмом. Виктор Иванович заранее несколько раз просил меня договориться с отцом Василием, который встречал его и приютил ещё в первую его поездку. И тот не отказал:

- Как же! Помню. Пусть заселяется и выбирает любую гостиницу.

Я выбрал эту, у храма.

Занесли вещи. Пробыл я несколько минут, пожелал ему спокойной ночи и завтрашнего, полного свободы, дня. Мне же предстояла поездка в Липецк, с возвращением к вечеру.

30 августа я вернулся к семи вечера. Через полчаса погрузились и поехали в Польское. Машина, ещё не тронувшись, зачихала, и жена даже вышла из дома:

- Ну, куда ты поедешь? Ещё сломаетесь по дороге. Езжайте лучше завтра.

Но мы всё равно едем.

Дом в Польском встретил нас уже в потёмках.

Ужинали, говорили об Озёрках, которые мы проскочили в сумерках, чтобы успеть расположиться, и, конечно, о Бунине, о его детских, юношеских годах, о его такой щемящей тоске по родному дому над прудом, в котором «качается звезда».

- А хотите увидеть эту звезду?

- Конечно!

И мы поехали в Озёрки.

Над Озёрками стояла тихая, безлунная, совсем-совсем бунинская, ночь. Пахло тёплой застоявшейся водой и сырой травой. За усадебным домом, за лозинками над прудом тоскливо желтели редкие огни деревни, слышался брёх собак. А в тёмных водах пруда качалась ясная, грустная звезда. Грустным нам казалось всё – и ночь, и звёзды, и одиноко стоявший на взгорке бунинский дом...

Легли поздно, долго ещё вздыхая и вспоминая ту звезду – единственного уцелевшего свидетеля того, бунинского времени.

31 августа. Решили поехать в самую дальнюю точку, которую наметил для себя Виктор Иванович, – в Кропотово-Лермонтово.

Едем через Злобино. Останавливаемся у храма, где венчались Бунины, где похоронены их предки. Ясный день, с ветром и ярким солнцем.

В Кропотовке остался одна жительница – 80-летняя старушка. Жилой вид деревне придают корова, стадо гусей и козы, пасущиеся у речной запруды; веселит нас крик петуха. Вся запруда речки Любашовки, согласно расставленным через каждые сто метров плакатам, является частным объектом; рыбалка и даже ночёвка здесь – платные. Кругом пестрят красные стрелки с

надписью «Оплата рыбалки». Показывают они на домик-вагончик, стоящий на берегу, в нём сидит охрана.

В усадьбе, которую я ожидал увидеть совершенно заросшей, как это было лет десять назад, когда я последний раз был там и продирался сквозь заросли, долго ища места дома и построек, аллея теперь прочищена, а на месте господского дома, на разровненной бульдозером площадке, поставлен камень с прикрепленной на нём памятной доской. На ней написано, что здесь был дом Лермонтовых, а чуть подальше, на поляне, на столбах ещё два плаката и скамейки. На одном из плакатов нарисован дом Лермонтовых (я узнал свой рисунок-реконструкцию, публиковавшийся в «Липецкой газете» четверть века назад), а на другом – стихотворение Лермонтова, посвящённое отцу. Виктор Иванович медленно прочёл его вслух.

Прости! увидимся ль мы снова?
И смерть захочет ли свести
Две жертвы жребия земного,
Как знать! Итак, прости, прости!..
Ты дал мне жизнь, но счастья не дал;
Ты сам на свете был гоним,
Ты в людях только зло изведаль...
Но понимаем был одним.
И тот один, когда, рыдая,
Толпа склонялась над тобой,
Стоял, очей не обтирая,
Недвижный, хладный и немой.
И все, не ведая причины,
Винили дерзостно его,
Как будто миг твоей кончины
Был мигом счастья для него.
Но что ему их восклицанья?
Безумцы! не могли понять,
Что легче плакать, чем страдать
Без всяких признаков страданья.

Воскликнул, подняв руки:

- Восемьсот тридцать второй год! В восемнадцать лет написал! Какие стихи – в восемнадцать лет! Мальчик, совсем мальчишка!.. Ой-ёй...

Он долго ходил вокруг старых вязов, обозначавших начало аллеи, и всё снимал самый старый вяз, уже пустой внутри, и оглядывал каждую его веточку, и гладил его свилеватую кору. Из нескольких небольших веточек вяза составил букет:

- А это я возьму к себе, в Краснодар. Буду смотреть, вспоминать Лермонтова...

Он потом срывал цветки и веточки, искал подходящий камень – всё это будет напоминать ему о Кропотове, как осколки минувшей усадебной жизни, как частички памяти о самом поэте.

Запруда на неприметной прежде речке Любашовке сильно изменила пейзаж. Теперь вода, как сказала старушка, в собственности главы района. Частное владение, за пользование которым народ должен платить. Не в казну – в карман хозяина.

Бабушка подсказала и дорогу в Шипово. У неё двенадцать детей, все живут «кто где».

- Боюсь – помру, а скотину ни подоить, ни накормить будет некому...

Попетляли дорогой вдоль посадок, огибающих поля. Ещё издали показалась церковь, словно вытянувшая шею, выглядывая нас пустыми глазницами высокого восьмерика из-за разросшихся кустов сирени. Окна нижнего яруса заколочены, но вход в широкой арке с западной стороны свободен. Где-то здесь, среди зарослей сирени у стен храма, упокоились родные дед и отец Лермонтова. В 1980-е годы искали его могилу, чтобы перевезти к сыну в Тарханы, во владение не любившей его тёщи. Из нескольких безымянных могил выбрали тогда одну, как показалось, «подходящую». Бренные останки были перевезены. Но был ли то Юрий Петрович, может утверждать лишь «решение исполкома». Местного...

В храме вычищено. В центре, под куполом, стоит дубовый крест с повязанным расшитым рушником и надписью, поведавшей нам, что до 30-х годов прошлого века в нём «служил

священник Григорий Афонасьевич Оболенский. Мир праху его». А поставили крест «соболезнующие родственники и внук Владимир».

- Мир праху его, - повторил Виктор Иванович. Погладил крест, перекрестился. Долго стоял перед ним, глядя из сумрака храма в окно на яркую волю.

Вокруг храма, сколько видно глазу – ни деревни, ни домика. Лишь через дорогу как-то весело, словно замещая следы утраченной жизни, голубеет крестами кладбище. Есть и свежие могилы, и цветы, и венки совсем недавние. И живёт здесь, и растёт одно лишь кладбище – замена шумевшей когда-то жизни. За кладбищем начинаются тульские земли, но народ по-прежнему не по административному делению, а по родственной связи, съезжается сюда, «к своим», на вечное поселение.

Мысленно возвращаясь к этой церкви, Виктор Иванович несколько раз задумчиво скажет потом:

- Да-а-а... Жалко мне её. Вот мы здесь, а она – там. Одна стоит...

И я пойму, о чём сейчас грустят его глаза.

Его впечатления от очередного бунинского места неизменно заканчивались словами:

- Боже мой! В какой скудости проходило его детство, в какой глуши!..

И его слова, когда речь заходила о Бунине:

- А я ведь никогда не подражал Бунину. Но, читая его, я понял, как можно писать... Этот его ритм изложения, его мелодичность.

Возвращались мы из Кропотово под привычное уже:

- ...да-а-а... Иван Алексеевич, Иван Алексеевич. Тоже приезжал сюда, чтобы увидеть дом Лермонтова. Он ещё успел посидеть на крыльце его дома, а мы... Да-а-а...

В Кропотово нас застал звонок Комарова.

- Вы где?

- В Кропотово...

- А то петрищевские в Польское обещались подъехать к пяти вечера.

- И мы как раз вернёмся.

Виктор Иванович повеселел. Ему предстояла встреча с петрищевскими. Петрищевские – это участники хора, которые ему так понравились в прошлый раз – и своими песнями, и простыми характерами. Это обычный народ, сельский. Тут и пенсионеры, и бывшие работники совхоза, а ныне безработные по причине развала хозяйства, и библиотечкарь, и повар, и работники сельской администрации. Лихоносов просто «спелся» с ними в первую встречу и тепло вспоминал их.

На обратном пути заехали в Огневку. Здесь стоял когда-то дом брата Ивана Алексеевича - Евгения. Здесь писался его «Гайавата», здесь написал он и рассказ «Антоновские яблоки», запах которых я «услышал», впервые открыв купленный в 1979 году на волгоградской толкучке томик Бунина. Здесь же в 1906 году умер его отец, Алексей Николаевич. На самом месте усадьбы (я уже знал об этом) не осталось ничего, кроме нескольких кустов сирени. Издалека, из-за прудов, Виктор Иванович снова и снова снимал пейзажи: деревья, переходящих через дорогу гусей и, нехотя отрывая глаза от очередного предмета своего внимания, медленно произносил своё привычное «да-а-а...». Дальше путь наш лежал той самой скорбной дорогой – в Грунино, Грунин-Воргол, которой везли в последний путь отца писателя к кладбищу при Грунинском храме.

Вид, открывшийся нам при подъезде к Грунино, порадовал нас. Уже издали виднелся храм, и вокруг него чернела расчищенным чернозёмом ровная площадка. От бывшего бурьяна не осталось и следа, алтарный свод светился новой кирпичной кладкой. У стен храма стояла автовышка, в её люльке виднелся человек, делавший какую-то работу у карниза. Внизу, глядя из-под руки, сначала вверх, на рабочего, потом на нас, рассматривавших на расстоянии храм, стояли женщины и молодой мужик. Он увидел нас и зашагал в нашу сторону. Ещё издали я узнал его – это был Евгений, живший в селе Каменка-Бунино. Он занимался историей края, правда, весьма распространённым в наше время, почти варварским, способом – «черной археологией», заключающейся в поиске древностей с помощью металлодетектора, который по-простому в народе зовут «миноискателем». Поздоровались. Оказалось, что он год назад переехал в Грунино. Он помнил встречу с Лихоносовым, когда два года назад мы заехали в Бунино, и показал коллекцию найденных на усадьбе бунинских прадедов артефактов. Это были кресты, пряжки, пуговицы с

места усадьбы Буниных (оно в ста метрах от его дома). Евгений даже подарил один крестик Лихоносову, который от этого подарка был в полном восторге. Поздоровался, секунду подумал, сказал:

- Пойдём, – и зашагал к своей «Ниве».

Достал из машины несколько металлических предметов – пуговицу, пряжку, гвоздь...

- Восемнашка, - сказал он, что на языке, который известен и «чёрным», и «белым» археологам, означало XVIII век. Поговорили, обсуждая, где было место, откуда начало заселяться село, где было кладбище. Где-то у храма была могила отца Бунина – Алексея Николаевича, но теперь не только признаков его могилы нет, но и от самого кладбища следов не осталось. Прав был Бунин, вспоминая отца и писавший ещё в 1916 году, что спустя десять лет после его смерти, верно, не осталось от могилы ни следа – «всё скотина столкла».

Уже позже, когда мы вернулись в Польское, Виктор Иванович, думая о своём, задумчиво сказал:

- А ведь он так и не был на похоронах – ни матери, ни отца... Нет, не был...

Я понял: он о Бунине. Он то ли осуждал его за это «последнее непрощание», то ли пытался понять – как же так вышло, что «не был». И эти его размышления шли от него самого, он будто бы примерял к себе: как это – не быть на похоронах родителей. Сам он недавно похоронил мать и теперь, спланировав нынешнюю поездку, всё думает на обратном пути попасть под Бутурлиновку, в село Елизаветино, где родилась она, его мать. И будто казнится:

- Ведь мог же я ещё раньше побывать там, пока мать ещё была жива. Мог... Это было так важно – побывать, пока она была жива, и рассказать ей потом, как там, и кого видел. Теперь там живёт ещё наша дальняя родня. А матери вот уже нет...

Горек долг сыновий, свят. Всё его существо в эту минуту говорило об этом.

Пока Евгений передавал мне эти находки, чтобы я подарил их Виктору Ивановичу, он уже обходил храм, и всё снимал и снимал – сам храм и деревенские пейзажи, и дома, и женщину, которая смотрит за храмом. Он так обрадовался этой женщине, словно родной, когда она сказала, что этот храм окормляет отец Василий.

Время подходило уже к пяти, и надо было торопиться обратно, но если ехать опять по асфальту, то выйдет крюк километров в сорок. Напрямую же, я знал, с десятков километров. Спросил Евгения о прямой дороге – полями. Он нарисовал сложную схему полевой дороги до Озёрок, и без неё мы наверняка бы заплутали, а нашли бы нескоро: в тех местах, от Грунина, нет ни одной живой деревни до самой Буниной, и спросить было бы не у кого. Глядя в эту схему, мы быстро выехали на дорогу-большак между Озёрками и Осиновыми Дворами. И хотя все посадки почти на одно лицо – та же набитая дорога, те же деревья и кусты, – но какие-то неуловимые признаки указывали: вот и знакомое место! Вот и низинка, через которую объезжал когда-то лужу, а тут, у поворота, выкапывался зимой из сугроба. Слева показалась купа деревьев – место бывшей деревни Круглое. Ещё три-четыре километра – и Польское.

В Польском нас уже ждали петрищевские – почти весь хор. Весь вечер пели.

Допоздна перекидывали фото на компьютер. У Виктора Ивановича четыре фотоаппарата и горсть флэшек. Провода, сим-карты, телефон, узелок с лекарствами, пакеты с харчами, сумки с вещами – всё это вынимается из четырёх сумок, быстро и в произвольном порядке заполняет пространство избы. Повсюду – на столах, стульях, на полу и кровати – стоят сумки и вынутые из них «филиалы» (пакеты), и Виктор Иванович каждый раз перебирает по несколько раз сумки, пакеты, куртки и всё что-то ищет...

1 сентября. Едем в Осиновые Дворы. Вокруг простор, тоска и печаль. Стояли в низине оврага, разделяющего деревню, словно в «чаше жизни», из которой во все стороны открываются пейзажи невероятной красоты. А вокруг, почти не задевая нас, шёл дождь из туч разных форм и оттенков, и сотни молний хлестали, и всё вокруг тяжело, утробно гремело, а мы всё смотрели на это буйство, как зачарованные, и снимали, снимали, снимали... Возвращались через Знаменское. У поворота с асфальта Измалковского большака, у Знаменского столба-указателя, сидит чёрно-палевая такса, и Виктор Иванович останавливает:

- Стойте, стойте, я сниму! – и снимает собаку, а попутно и указатель, и куст у дороги. Все встречавшиеся нам в дороге указатели с названиями сёл и деревень, известных ему по творчеству Бунина и его дневникам, он снимает обязательно, чтобы сохранить в фотопамяти – тогда они

станут путеводителями по многочисленным снимкам, большая часть которых изображает деревья со склонёнными ветвями, дорогу или выцветший куст татарника с растрёпанными седыми головками, которые встречаются нам на каждом шагу. Почти на каждом из «видов» он делает три-четыре дубля – и всё разными фотоаппаратами. Один из фотоаппаратов он сразу доверил мне:

- Вот это хороший, современный фотоаппарат, я его перед поездкой купил.

Несмотря на обилие техники (а у него ещё и два диктофона, один из них, подаренный ему пять лет назад («хороший, японский»), он ни разу ещё не включал, так как «к нему нет никакой инструкции»), он умеет лишь «щёлкать виды», не зная, какие есть ещё функции. От такого простого обращения с вещами (будь то фотоаппарат, ботинки или сломанная, как сувенир, палка-посох) старый фотоаппарат приобретает вид почти камуфляжный, а оптика замутнена, словно её протирали простой тряпкой. При этом Виктор Иванович трепетно охраняет крышки от объективов. Крышка от старого фотоаппарата привязана у него к длинному фоторемню с большим, почти альпинистским, карабином, и она всё время, как только приседаешь в поиске лучшего ракурса, волочится по земле. А на новом фотоаппарате такого шнурка нет, и Виктор Иванович сетует, снимая крышку и держа её отдельно от фотоаппарата, говорит тоскливым, тонким голосом, с укоризной:

- Вот видите... Почему-то у этого фотоаппарата нет шнурочка, чтобы он был привязан к нему и не потерялся, - и поднимает голос возмущённо, язвительно. – Нет даже дырочки в ней, чтобы привязать! «Японцы»! Не могли догадаться сделать хотя бы дырочку, я бы сам нашёл шнурочек и привязал... Ой-ёй... «японцы»!

При этом лицо его, как у старого учителя, укоряющего записного шалуна-школьника, совершившего очередную мелкую провинность: «Ну, что же ты, братец?.. А?»

Речь Виктора Ивановича музыкальна, и его «ой-ёй» звучит всегда в одной тональности как «ми – до диез», и чаще всего (а особенно при размышлениях вслух) она звучит как печальный романс, иногда, впрочем, и ироничный. Его речь вполне можно положить на ноты в подстрочнике. Так, наверное, музыкально звучало в подлиннике «Слово о полку Игореве». Так говорила баба Маня – Мария Ильинична Кузнецова – из однодворок, жившая в Польском на той стороне пруда. Не зря же говорится: «говорит монотонно», то есть на одной ноте, и это понимается как «надоедливо». Я никогда не видел матушку Виктора Ивановича и не слышал её речи, но мне кажется, что эта мелодичность речи у него – от неё, рождённой недалеко от Бутурлиновки Воронежской области. Её родное село Елизаветино и село Гвазда, откуда в 1818 году вышли и мои предки (два четырежды прадеда и оба Иваны), стоят на одной речке – Осереде, в двадцати километрах друг от друга. Этот край был заселён однодворцами – потомками казаков. Это места, признанные воронежскими фольклористами самыми песенными.

А через минуту Виктор Иванович уже забывает о «шнурочке», поскольку видит пасущуюся в логу лошадь, и он делает охотничью стойку, припадает на колено, задумчиво целится, выбирая кадр. Теперь он весь там, в этом кадре, и забывает при этом, что на руке у него, на шнурке висит фотоаппарат-«мыльница», а свой старый «Кэнон» с длинным объективом он, не глядя, опускает на шнурке на землю. Когда после снимка он ищет его в траве, то приподнимает его, и из квадратного зрачка окуляра сыплется земля.

- Да ничего страшного, - спокойно говорит Виктор Иванович, счищая пальцем и вытряхивая землю из объектива, а для верности дунув на него пару раз. – Он очень надёжный и неприхотливый.

Снова становится в стойку, увидев «кадр»: облако в виде огромной белой перины, из-за которого пробиваются лучи солнца, а на лазурном небе – черно, графично лежат два дерева без единого листочка, лишь чёрные ветки видны на этом фоне. И он приседает, снова и снова выискивает кадр, делает ещё два-три щелчка и ищет новый фотоаппарат, чтобы для верности запечатлеть эти лежащие деревья. Он так и не сводит с них глаз, будто они могут убежать, несколько раз хлопает по всем карманам, приговаривая:

- Да куда же она делась?

- Что Вы ищите, Виктор Иванович?

- Да «мыльницу»! Где-то я её, кажется, оставил, а нужно сделать этот кадр, чтобы было наверняка...

- Какая «мыльница»?

- Красная.

- Она у Вас на руке висит.

- Что? – не слышит Виктор Иванович.

- На руке висит! – кричу я ему, сложив ладони рупором и для верности показывая пальцем. Идёт второй день, а я уже охрип.

Виктор Иванович осматривает приподнятые руки и, увидев красную «мыльницу», скидывает брови:

- А! На руке... - и снова целится – теперь уже «мыльницей».

Слышит Виктор Иванович неважно, у него в левом ухе – слуховой аппаратик, заметный только по пластиковой трубочке, огибающей ухо. Она – телесного цвета и почти незаметна. Когда мы возвращаемся в деревню и сидим, занимаясь каждый своим делом, в доме стоит обычная деревенская тишина, изредка нарушаемая далёким, едва слышным лаем озёрских собак. Его аппаратик издаёт вдруг тихие пронзительные звуки, «фонит», и мне эти звуки высокой частоты кажутся даже со стороны неприятными и резкими, а каково же Виктору Ивановичу воспринимать их в самом ухе! Но лицо его ничего не выражает. Видимо, привык. Прислушиваясь к тому, что говорит его собеседник, он постоянно закладывает указательный палец в ухо с аппаратом, наклоняет голову вниз и к собеседнику.

Ложимся спать... В форточку от прудов веет тёплым, влажным травяным духом... В темноте Виктор Иванович, видимо, перебирая впечатления очередного дня, в самых памятных местах тихо и очень образно произносит своё длинное «да-а-а», и мне даже кажется, что из многочисленных впечатлений он сейчас имел в виду этим своим «да-а-а»...

2 сентября.

Под утро обеспокоился: стал прокручивать очередной намечаемый маршрут. Меня приглашали в Липецк, но движок у машины хандрит, как бы чего не случилось. Встал пораньше, пока Виктор Иванович спал, тихо вышел, открыл капот: опять масло пошло в карбюратор. Дела неважные, но, может, это и к лучшему – не смогу поехать на намечаемую сегодня встречу в Липецк. Созвонился, дал отбой. Но нам с Виктором Ивановичем ещё столько надо объехать! Надо что-то делать. Пошёл к Володе: не поможешь? Он замялся:

- Да у меня бензина – на дне, а до заправки в Становом – сам знаешь.

Я достал НЗ – полную канистру с бензином. Всё. Едем в Глоново.

Глоново, мост через Семенёк, запруда, из которой торчат затопленные деревья, узким извилистым пространством обозначая истинное русло запруженной речки. Стояли на мосту, глядя на воду: то на один берег, где когда-то стояла усадьба Пушешниковых, то на другой, где и сейчас виднеется «дом управляющего Туббе», в котором жили управляющий и его дочь, чей милый юный вид и картавая речь так пленяли юного Ваню. Виктор Иванович сказал вполне ожидаемое:

- Вы знаете, я отчего-то так люблю Колонтаевку... Может, из-за названия.

И мы поехали на другой берег Семенька, в сторону Колонтаевки. Дорога, по которой Бунин то ездил, то пешком прогуливался до Колонтаевки, быстро кончилась: её пересекала трасса очередного газопровода, идущая из неведомых местным жителям недр Сибири в ещё более неведомые европейские страны. Дальше, через эту изрытую трассу, мы переехать не могли, но дорога нас звала, замуравленная, затянувшаяся, но всё ещё видимая. Та самая, что помнит спокойный, как нам кажется, шаг Бунина. И мы, оставив машину и Володю, со словами «мы только чуть пройдемся, глянем» пошли в сторону зелёной кущи, в которой находилось то, что называлось прежде Колонтаевкой. Справа поле уходило в небо, слева, за забурьяневшим лугом, в низине тёк неприметный, изредка прослеживаемый то изумрудной зеленью влажной травы, то парой-тройкой печальных лозинок, Семенёк. За ним, без приметных кустов, деревьев и чего-либо ещё, что напоминало бы о цивилизации, поднимался бугор правого берега и тоже уходил в небо. Мы шли, стараясь всем видом показать оставшемуся у машины Володе, что вот сейчас мы, скоро, совсем недалеко и ненадолго, пройдемся лишь чуть поближе к Колонтаевке. Но чем дальше шли, тем больше понимали, что просто так подойти и поглядеть на Колонтаевскую рощу издали мы уже не сможем. Виктор Иванович снимал дорогу и едва приметную тропинку, спускавшуюся к речке, и деревья, что ровным рядом обозначали деревенскую межу, и снова радовался, что он в Колонтаевке. Но радость у него выходила какая-то печальная.

На обратном пути, размахивая очередным разноцветным сувениром, букетом полевых цветов, Виктор Иванович всё кричал:

- Прощай, Колонтаевка!

Вернулись в Глотова. Стали искать дом, где жил описанный Буниным столетний дед Таганок, и в порядке домов за «домом Туббе» мы встретили его дальнюю родственницу. Виктор Иванович сфотографировался с ней, и она показала нам, где жил её предок. Выяснилось, что в этом порядке домов, где она живёт, многие дома скупили кавказцы. Снимая на ходу из машины один из домов, мы привлекли их внимание, и нас стала «сопровождать» машина с двумя черноволосыми, смуглыми мужичками с агрессивными лицами.

Дом Таганка оказался цел, хозяева разрешили нам походить и по нему, и по усадьбе, а подъехавшим к дому и стоявшим поодаль кавказцам сказали что-то, и те уехали. Теперь в этих местах стало много «кавказца»: в Глотова, Знаменке и в Озёрках вольно пасутся их стада, пастухами в них – местные мужики.

На месте усадьбы Пушешниковых, через которую прошла дорога, – памятный камень. Ещё в последние советские времена заведена была мода – поставить камень с надписями о том, что вот здесь когда-то «что-то было», или о том, что «что-то будет построено» - но в этом случае ещё обязательно капсулу зароят с высокопарными словами «будущим потомкам». Правда, многие такие камни так и оставались лежать, и на них, заросших травой и кустами, и теперь, спустя три десятка лет, можно ещё прочитать, что тут будет «аллея» или «дворец молодёжи», но всё чаще строятся махины «гипермаркетов».

Домой дорога опять через Знаменку, и опять у храма Виктор Иванович просит остановиться, снова достаёт свои фотоаппараты...

Вечер, Польское. Договариваемся с Володей, что утром он захватит нас по пути в Елец и завезёт в Петришево:

- Ладно. Подходите завтра к 8.30.

Дома вечером Виктор Иванович разбирается с фотоаппаратами, вздыхает:

- Да... Колонтаевка... – и мы вспоминаем это, самое, пожалуй, пустынное теперь и такое любимое Буниным место.

- Виктор Иваныч! А я там в первый раз побывал двадцать пять лет назад. Тогда это была деревня с брошенными домами, а теперь, видите, уже непроходимые дебри, почти лес. И я тогда об увиденном написал.

- Да? И у Вас есть с собой?

- Есть, всё же на компьютере.

- А почитайте, - оживает Виктор Иванович.

Включаю компьютер и читаю ему о его любимой Колонтаевке. Он сидит, склонив голову, и, приложив ладонь к уху, слушает.

«Четверть века назад, объезжая бунинские места под Ельцом, побывал я в Колонтаевке. Той самой, где любил отдыхать Бунин, прогуливаясь по окрестностям Глотова. В ней, за разросшимися, одичавшими садами стояли дома, тогда ещё почти все целые, но пустующие. Стены их, по скудости в здешних местах строевого леса и из-за вечной крестьянской бедности, были сложены из поленьев на глиняном растворе, словно из кирпича, крестовой кладкой, оштукатурены и выбелены снаружи и изнутри извёсткой. У домов - треснутые оконные стёкла, открытые двери, на крыльцах - трава, пробивающаяся сквозь щели досок.

Пыль, запустение, брошенные столы в избах, фотографии и письма в рамках. А на крыльцах дорожки спящих муравьев: от муравейника во дворе и куда-то внутрь дома, отчего выжженные солнцем и вымытые дождями доски крыльца кажутся костями дома, тускло, мертвенно и мутно глядящего на мир пустыми глазницами окон. С крыльца одного из домов виден сруб колодца с редким для этих мест журавлём, коровьи следы в болотистой низине у пересыхающей речки. За низиной, в которой потерялась речка - противоположный берег, крутой и кочковатый от кротовин, монотонно заросший травой, без единого предмета, указывающего на величину пространства. Всё тихо, безлюдно, странно в своей пустынности. Место, где совсем недавно кипели человеческие страсти, сегодня - труп деревни»...

- Боже мой... Как печально всё это! Как тоскливо-трогательно... Вот жили люди... трудились, детей растили. Бунин ходил по этой дороге. Бегали детишки по улицам, а потом вдруг... Н-да-а-а... Вы мне сбросьте всё это, всё, что у Вас про эти бунинские места. Хорошо?

Он посидел ещё немного за столом, записывая что-то в свою толстую записную книжку... Уже снят его слуховой аппарат, и свет потушен. В постели, в темноте, он вздыхает:

- Да-а-а... Бунин, Бунин...

А я, в свою очередь, про себя: «Эх, Виктор Иванович, Виктор Иванович...». И мне кажется, что я до мелочей, до оттенков чувствую то же, что и он... Спим... А собаки – ничего, под них даже спится лучше. По их ровному брёху ясно, что это они так, для порядку да для миски завтрашних харчей, подсказывают хозяину: мы на службе, спи спокойно.

Спим... Виктор Иванович всё равно ничего не слышит, кроме того, что является ему во сне. Но об этом – Бог даст – мы все ещё прочитаем. Когда-нибудь. Он спит, а мне опять слышны и его голос, и его речь, и представляется вся та неспешность, с которой он говорит, и глуховатый тембр, и я понимаю, как же близки эти интонации к тем, известным мне людям. Это ведь и мой отец, и дед, и друг Шукшина Александр Петрович Саранцев, и сам Шукшин – их предки с верхней Волги, и есть в них что-то общее, коренное.

3 сентября.

Утром, как рассвело, сходил на пруд, покидал удочку – авось на ушицу наловлю. За всю зорьку попалась только пара карасиков да чуждый, заморский гость – ротан, ставший в наших прудах почти хозяином. Три рыбёшки – ни туда ни сюда – и на уху не хватит, и на сковородку положить смешно, едва серёдку прикроют. Оставил их плавать в ведёрке, с которым ходил на рыбалку. Выдастся ещё полчаса на зорьке, подловлю. А солнце уже высоко.

- Виктор Иванович!.. А, Виктор Иванович!.. – я успел сварить кашу, шкворчит на плитке яичница, и я кричу, стараясь разбудить его. Он не слышит, и приходится шумнуть чуть громче.

- А? – поднимает он голову.

- К Петрищевским едем?

- Что? – прислоняет он ладонь к невооружённому уху.

- К Петрищевским едем или нет?

Он понимает, улыбка на его сонном лице. Тут же, выпрастывая руки из-под одеяла, разводит ими:

- Ну а ка-а-к же! – и беспокоится. – А что, поздно уже? Время у меня есть?

- Ещё минут сорок. Полчаса на завтрак, пять минут – до Володи дойти.

Он надел на ухо пищаний аппарат, и, услышав, что каша и яичница готовы, говорит уже потише:

- А... Так это замечательно. – Одевается, что-то ищет попутно. – А то, Вы знаете, мне снился Бунин. Странно так... Что-то вроде из «Жизни Арсеньева», но он уже взрослый... Трудно передать, а чувствовалось что-то печальное и трогательное. Дом, усадьба... Трудно передать.

- Ну вот, и сон Вам в руку. Едем в Озёрки, на усадьбу. Володя, наверное, уже машину прогревает.

Завтракаем и идём «на ту сторону». Ещё издали видим, что машины нет.

Стукнули в окошко. Вышла Наталья, сунула руки в боки:

- Да он ещё вчера уехал!

- Как?

- А ему не понравилось, что я ему стала высказывать. Распушила его – он и уехал.

Ну, что ж... Переглянулись.

- Виктор Иванович. Что Бог ни делает – всё к лучшему. Пошли пешком?

- Да коне-е-ечно! Прогуляемся до Озёрок.

- А вы чего, пешком собрались? – спрашивает Наталья.

- Да нам что – мы люди вольные. Собрались да пошли.

- Да и я, наверное, уеду!

- Чем?

- Да ничем! Пешком в Елец пойду! Брошу всё да уйду! – грозитя. Пешком ей тяжело, но досада, видать, ещё крепче.

- Ну, смотри. Мы на Озёрки подались. – И мы, вдохновлённые уже одной только предстоящей пешей утренней прогулкой, идём за деревню.

- До Озёрок-то дойдём, а в Петрищево как? – спрашивает Виктор Иванович.

- А мы Мише позвоним в Петрищево, он за нами подскочит.

- А! Это хорошая мысль.

И мы идём, радостные от предстоящей дороги «к Бунину». У околицы звоню Мише. Он только спросил:

- А вы где сейчас есть?

– В Польском, выходим в Озёрки.

- Ждите! Я махом!

Только успели пройти часть дороги, навстречу запыхала его машина. Через четверть часа мы были в Петришево, в клубе, в библиотеке. Сошёлся «наш» народ, быстро накрыли стол, разговаривали, пели. А к вечеру в Озёрках нам должны были открыть усадебный дом и провести экскурсию. Но позвонили и сказали: сегодня не получится, давайте завтра. И Михаил повёз нас в Бунино, а Озёрки мы решили посетить завтра вместе с музеем - пообещали, что музей откроют до обеда.

4 сентября. Не дожидаясь машины, пошли в Озёрки. Подошли к дому Натальи – заперто. Ушла, уехала? Пошумели ей: может, на огороде, в саду? Нет. Да и запирает она только тогда, когда совсем уезжают. Значит, не зря грозилась вчера. Уехала. Позавчера, когда были у неё в гостях, Виктор Иванович пожаловался:

- Что-то я зябну.

И Наталья протянула ему шерстяные носки:

- Надевай, Виктор Иванович, я не топила, по полу тянет, потому ноги и мёрзнут.

- Да? – замаялся Виктор Иванович.

- Надевай, надевай! Свойские, сама вязала!

Он надел их и повеселел.

Шли вдоль берёзок и рассуждали, когда же Наталья уехала? И с кем? Вдруг Виктор Иванович остановился, на лице его появилось лукавое выражение, и он, будто читая для меня уже известный ему рассказ, сказал:

- А вот неплохое начало для рассказа: «Утром он зашёл к ней, чтобы вернуть носки. Но её, к счастью, не оказалось дома...» А! Каково! – и продолжил. – «И он так и уехал, в глубине души тая надежду когда-нибудь вернуться к ней и вернуть носки. Но так и не приехал... А она тихо и печально сидела вечерами у раскрытого окна и вязала всё новые и новые носки для очередного заезжего кавалера»... А!? Совсем по-бунински, - торжествовал Виктор Иванович.

- А рассказ так и назвать, тоже почти по-бунински: «Носки», - подхватил я. - И закончить его так: «Спустя двадцать четыре года он сидел в глубоком кресле с протёршейся муаровой обивкой, на засыпанном листьями балконе своего старого дома, изредка глотая сладковатый дым сигары, тоскливо смотрел на стёршиеся до сплошной дыры подошвы обветшавших носков и, чувствуя глубокую печаль, тревожившую его душу все эти годы, тяжело вздохнув, выбросил их через сизые от древности, деревянные перила...»

Рассмеялись...

- Стоп! – вдруг опять остановился Лихоносов и, порывшись в сумке, достал томик с «Жизнью Арсеньева» Бунина. – Вот что я придумал – совершенно гениальный ход! Ручка есть? – он открыл обложку и протянул книгу мне. – У Вас почерк хороший. Пишите вот здесь: «Идём из Польского в Озёрки. Лихоносов. Новосельцев» и сфотографируем друг друга с этой надписью.

Сказано – сделано. Дальше он шёл, весело рассуждая:

- Это за какие же невероятно большие деньги после нашей смерти на аукционе будет продана эта книга с такими надписями! Только давайте поднимем её ценность нашими автографами. Обя-за-ательно подпишемся. Как же!.. – и он опять достал из сумки потрёпанный томик «Жизни Арсеньева».

Снимали в аллее: сначала друг друга, потом – испятнанное тенями берёзовых листьев и солнечными бликами коровье стадо, и поле, и высокое ясное небо над верхушками деревьев...

Пока никого не было, обошли усадьбу, дом. Потом, уже в доме, Виктор Иванович не спеша обошёл его весь, вглядываясь в полупустые интерьеры. Я не мешал ему. Уходя, он сел за стол в «кабинете отца» за книгу отзывов и написал то, что, верно, написал бы сам Бунин:

«И поля, и раскрытое во всю ширину небо, и оставшиеся уголки усадеб и деревень, и колеи дорог, и татарник, кусты шиповника, и «дом Таганка» в Васильевском (Глотове) и (о чудо!) вороны над Озёрками, и над храмом в Знаменском – всё возвышенной печалью напоминало мне о Бунине, которого я полюбил ещё в Сибири (в 1955 году), когда мне привезли из Москвы 6-томник в издании Маркса... И о себе самом вспоминал я в эти дни везде – в Польском, в Каменке, в Осиновых Дворах и в Васильевском, - потому, что и моя жизнь прошла (почти). Дай Господи уцелеть нашей России, душа просит, ибо здесь, в бунинских местах, видишь её красоту, чувствуешь её историческое величие... Господи, береги Озёрки и дом Буниных...»

*В. Лихоносов (из б-в. Екатеринодара)
Озёрки, 4 сентября 2010 года.*

Мы уже подходили к Польскому, когда опять сзади послышалась машина – к нам ехали петрищевские. Со смехом втиснулись, вшестером подъехали к моему дому.

Вынесли стол из дома, достали все лавки, стулья, табуретки и посуду, сели на поляне перед домом. Заставили весь стол привезёнными домашними припасами. Следом из дома явилась гармонь. Пели. Славно пелось, и даже к неизвестным им, народным песням быстро подлаживались – всё же хор! Петрищевские поэты – Михаил и Люба – читали свои стихи, которые радовали Виктора Ивановича, поглядывавшего на меня: до чего ж талантлива земля бунинская! К восьми вечера они засобирались: сегодня пятница, библиотекарь и завклубом в одном лице, Р.М. должна открывать клуб для «дискотеки», и ей нужно весь вечер быть на месте. Она отозвала Виктора Ивановича и подарила ему шерстяные носки, связанные её дочерью, чем привела его в тихий внутренний восторг. Через пару минут машина запыхтела в сторону Петрищева. Не успели помахать им вслед, как по плотине к дому зашагал сосед с той стороны, Саша.

- А вы здесь диск включали или сами пели?

Теперь так редко в деревнях русская песня, что воспринимается как экзотика, как «радио».

За прудами остановилась машина, по плотине в нашу сторону шёл незнакомый человек. Издалека спросил:

- А вы тут мясо, случаем, не продаёте?

Какое теперь мясо в Польском! А прежде сколько было скотины! Каждая травинка была при деле! И знать не знали, что такое бурьян или сухостой.

Вечером - баня на усадьбе знакомого.

После бани мы собирались к завтрашнему отъезду.

Завтра уезжать. Виктора Ивановича из Ельца будет забирать машина в Ясную Поляну.

Собираясь в дорогу, укладывая свои многочисленные вещи, он остановился... В руках у него был пуховый платок.

- А Вы знаете, дорогой Александр Васильевич, ведь она мне подарила вязаные носки. А вот этот платок я почему-то, когда ехал на поезде, на одной из станций неожиданно для себя купил. Подумал: а пусть будет мне как память о матери, как бы ей я купил его. А теперь, после такого подарка, вот этих носков, я понял, что платок этот нужно подарить Р.М. А? Как Вы думаете? Мы завтра, по пути в Елец, сможем заехать в Петрищево и вручить ей этот ответный подарок?

- Конечно.

Уложили сумки. Я «сбрасывал» всю массу сделанных фотографий на компьютер, потом ему, на многочисленные флэшки. Он сидел, писал в свой толстый блокнот.

- Александр Васильевич!

- Да?..

- А что Вы можете как писатель сказать обо всём об этом? – спросил он меня неопределённо.

Я не понял смысла вопроса.

- Обо всём? О чём, Виктор Иванович?

- О чём? Эх Вы... Вы как писатель вполне могли бы догадаться и понять, как непросто теперь в душе старого, пожилого писателя, вдруг проникшего такими, вполне юношескими чувствами к одной за-ме-ча-тельной особе...

- А, это Вы о развитии сюжета нашего с Вами рассказа «Носки»? Да конечно, Виктор Иванович! Это было заметно ещё с первого Вашего визита, насколько Вы равнодушны к этой замечательной особе. И эти Ваши звонки ко мне, в которых Вы непременно передавали привет всем, и ей в том числе. А теперь ещё эти носки...

- Да-а-а... - неопределённо и задумчиво проговорил Виктор Иванович. – А вот скажите, отчего, как Вы считаете, так одиноки бывают такие замечательные женщины? Их много по всей России, и они одиноки, с несложившейся судьбой?

Ответа он не ждал, ему хотелось высказаться. И он продолжал размышлять вслух:

- Да и потом: что нас может ожидать в будущем? А? Ведь это только мечты. Это я рассуждаю как человек, умудрённый опытом. А влюблён совершенно по-юношески! Как же много в этом бунинского...

Он задумался... Я продолжал своё техническое дело, а он, сидя с торца стола и положив дневник на коленку, что-то увлечённо в нём писал. Спустя час он оторвался и с радостным, азартным видом сказал:

- Ага! Вот так! Есть целые две страницы!

И он стал читать. Написано было от третьего лица. Что-то о чувствах, об увлечении. И было похоже не на дневник, а на готовый рассказ.

5 сентября.

Отъезд. Но до него была зорька, ещё до солнца, поднимающегося из-за берёз. Вышел я к пруду с удочкой: хоть полчаса, но мои. В розовом пруду тихими кругами расходилась вода: то ли рыба играет, то ли водомерки беспокоят утренние воды. Поплавок лежал, будто досыпая за меня утреннее времечко, и у меня вместо того внимания, которое требует поплавок, прошли перед глазами чередой все наши с Лихоносовым дни. Явилась дорога из Кропотовки и Шипово, и то, как, увидев вдали очередной пустой храм, он спросил:

- А как Вы относитесь к нынешнему патриарху?

Я сказал ему обычное: как можно обсуждать священников? Конечно, нельзя не увидеть, что слишком много сейчас в церкви политики. И вспомнил, что как раз в тот же день, когда прибыл Виктор Иванович, к нам в епархию приезжал патриарх. Виктор Иванович крестился на пустой купол полуразвалившегося лермонтовского храма и с сожалением говорил:

- Конечно, не мне советовать, но патриарху следовало бы один раз в год приезжать в такие вот глухие места и служить молебны не в блистающих золотом и покрытых ковровыми дорожками храмах, а вот в таких, брошенных... Может, они скорее бы возродились...

Буквально следом, в сених одного из домов в Петрищеве, куда мы зашли, нам попала в глаза «Липецкая газета» с крупным заголовком и цветной фотографией на всю страницу: о визите патриарха и вручении губернатору, который заявлял недавно, что «Бунин – белогвардеец и любитель фашизма», что «из-за Пришвина Розанова выгнали из гимназии», очередной высшей церковной награды. И Виктор Иванович не удержался, сфотографировал этот цветной официальный восторг и снова вспомнил о заброшенных храмах, к одиночеству которых он относился так же, как к одиночеству людей...

Я очнулся, когда поднявшееся из-за берёзок солнце, отражаясь от пруда, слепило глаза, и поплавок за эти светом уже не было видно. Вынул прибившуюся к берегу снасть с пустым крючком. Что ж, пора ехать. Глянул в ведёрко, в котором на дне стояли три узкие тени, ожидавшие своей участи, и вылил их с водой обратно в пруд.

По дороге в Елец заехали в Петрищеве. Лихоносов достал пакет с платком, держал его в руках. У дома Михаила дымил костёр. Сам он с озабоченным лицом стоял перед горкой рамок для ульев, показывая на них:

- Вот, приготовил про запас рамки для ульев, а их все насквозь моль проела. Видите, что творится! – он выбирал из рамок жирных личинок моли и бросал в костёр.

Оказалось, что Р.М. не было дома.

- Она на картошку уехала. С родственниками убирает. Вам показать, как туда проехать?

Гляжу на Виктора Ивановича: поедет?

- Да что уж теперь, меня машина ждать будет, мне ж ещё в Тулу ехать. Ладно. Вы тогда с Шурой передайте ей вот этот пакет... - и отдал его Михаилу.

В Елец мы успели вовремя, машина ещё не подошла, и мы, ожидая её, поехали в Бунинский музей. Посидели там, поговорили с Тamarой Георгиевной. Но вот и машина подошла, и мы попрощались у порога музея...

Дела городские закрутили меня, но вечерами, стоило только отвлечься от дел, сразу вспоминался Виктор Иванович. Да он и сам напоминал о себе звонками, рассказывая, где он сейчас. Но больше его занимали воспоминания о наших совместных днях и поездках.

- А Вы знаете, напишите обо мне, будет гениальная вещь, и Вы прославитесь на весь мир, - начал Виктор Иванович почти весело. Потом голос его потускнел, и он почти пропел в трубку

грустно и распевно... - О всех наших, таких замечательных, поездках, обо всём этом унынии, об этой вечной, вселенской заброшенности, в которой мы с Вами ещё способны разглядеть и величие той самой России, и тот самый, бунинский и лермонтовский мир, и опишите всю эту глушь и запустение. И назовите всё это – «Скорбь»...

- Но, Виктор Иванович, мне придётся многое придумывать и додумывать, а у меня рука не поднимется писать о том, чего не было и что я могу только представить. А мне так хочется как можно точнее передать Ваши слова, речь.

- Ничего, можете и придумать. Обещаете мне?.. Пишите, дорогой мой Александр Васильевич, пишите непременно и не забывайте меня... Обнимаю Вас!

Всё, что я записываю, лишь стенография наших с ним разговоров и впечатлений. Хотя «стенография впечатлений» уже сама по себе не более, чем «субъективизация объективного». Это футбольный матч можно комментировать стандартным языком: у кого мяч, кто куда бьёт или даёт пас, и на какой минуте был забит мяч.

В первый же день, когда я спел ему песню «На тропе», он всё время ходил и тихо мурлыкал её, а когда доходил до слов: «Не хо-о-оди, не ходи ты, хороший мой...», то пел уже в голос, с чувством, и спрашивал: «Интересно, откуда эта замечательная песня?»

Я нашёл в своих старых записях размышления об этой песне. Он внимательно выслушал и, глядя поверх очков, показал пальцем на статью:

- Вы мне её сбросьте, - и нацелился ручкой на новую страницу блокнота. – А слова этой песни прочитайте, я их сейчас запишу...

И Виктор Иванович записал все слова, но, не заглядывая в блокнот, напевал лишь одно: «не хо-о-оди, не ходи ты, хо-роший мо-ой...», а я подхватывал: «...и в око-о-ошко моё не стучи!» Славно выходило. А напевал он её потому, что, наверное, связывал с обликом той, которую называл «замечательной особой» и её судьбой – больше выдуманной, чем узнанной.

- Да-а-а... - это уже мой вздох, так похожий на вздох Лихоносова, и это сразу напоминает мне то наше общее состояние при виде нынешнего бунинского края, и все те слова, что отражают его состояние: скорбь, запустение, ветхое, брошенное, но и – вечное... У Бунина это состояние вековой давности было то же!

Виктор Иванович при виде очередного дерева и пейзажа за ним:

- Как я люблю склонённые ветки... Так же, наверное, как и склонённых женщин, - и смеётся.

Как же это по-бунински. Я, сопровождая его, не мог отделаться от чувства, что я все эти дни хожу с Буниным. Ничего, конечно, Лихоносов «с Бунина» не копирует, но как же они кажутся мне похожими своим внутренним состоянием и восприятием мира – природы и общества. Ведь у Виктора Ивановича есть свои «Окаянные дни». Это его повесть «Госка-кручина», и это его определения: президент-карлик, политики-дристуны...

Спустя ещё один день – звонок из Ясной Поляны. Восторженный голос:

- А ведь она мне звонила, благодарила за платок! – И, как бы ища поддержки и желая поделиться, совсем по-юношески, тем, чем наполнена была его душа, посетовал. – Но что я могу поделать со всем этим! Вы же меня понимаете! Пусть всё будет по-бунински...

Наверное, глубоко и надолго засело в нём то прочувствованное, совсем «бунинское», что живёт ещё в этих местах, и что-то, кроме тех двух страничек, он непременно напишет. Но в его словах и интонациях всё больше слышались слова и мелодия прощания... Что-то напишет ещё Виктор Иванович?..

Сентябрь 2010 – 30 апреля 2012 г. Елец и окрестности, Россия Бунинская.

Искусство и культура

Лидия Довыденко

Художник и педагог Светлана Максимова

Светлана Максимова родилась и выросла в Калининграде. Закончила художественный курс члена Союза художников России Анатолия Павлючика, прошла обучение в Калининградском областном институте развития образования по программе «Актуальные проблемы совершенствования художественно-эстетического образования в условиях его модернизации», член национально-культурной автономии «Полония», руководитель студии живописи «Весёлые краски».

Высшему Разуму, Вселенной понадобились на земле художники, поэты и музыканты, чтобы через них выражать Божественное. Земные творцы ощущают в себе Создателя и видят его в других, напоминая им про Образ и его подобие в них своими творениями. Хотя «не продаётся вдохновенье», рукопись, ноты, картину могут купить. Только вот покупателей таких всё меньше. И всё же творчество на земле не иссякает, художник внимает тому, что продиктовано ему свыше, чтобы выразить это на холсте, в слове, в мелодии, включив своё воображение, фантазию, жизненный опыт, мастерство, то, что уже постигнуто в Бытии - в его гармонии и ритмах.

Путь художницы Светланы Максимовой к творчеству был не самым простым. Девятнадцать лет она работала в профессии, которая не имеет ни малейшего отношения к живописи. Первое её образование – техник-технолог. Благодаря этому она отлично разбирается в черчении, что впоследствии очень пригодилось при работе преподавателем ИЗО и черчения в школе. Второе образование – экономическое – Светлана получила в Санкт-Петербурге. Этот город и разбудил дремлющий тогда интерес к живописи, который всегда в ней был, потому что ребёнком училась в Художественной школе, рисовала всегда и везде. «К сожалению, - рассказывает Светлана, - выбор профессии был далёк от моей мечты, и только в зрелом возрасте, сознавая, что я знаю и могу делать то, что хочу, познакомилась с замечательным человеком – Анатолием Павловичем Павлючиком. Благодаря судьбу, что он стал моим учителем и наставником. Он, словно Ангел-Хранитель, вёл меня по пути к творчеству. В студии мы писали замечательные картины, которые мне очень дороги. Он много вложил в меня, как педагог. Может, поэтому я в дальнейшем определилась в своём жизненном пути и в выборе профессии. Мы и сейчас часто встречаемся с Анатолием Павловичем. Здоровья и творческих успехов этому прекрасному художнику и просто человеку!»

Итак, Светлана Максимова выбрала путь художника. Работает она в разных стилях и технике. Очень любит масло и, в основном, работает в этой технике, потому что масляные краски благородны. Это очень гибкий и мягкий материал. И художница часто работает пальцами. В результате сохнут работы не так быстро, но позволяют исправлять созданное, даже на следующий день. «И самое главное, - считает Светлана, - написанная маслом картина приносит в дом уют и умиротворение». «По духу мне очень близок Иван Константинович Айвазовский, - продолжает художница. - Я очень люблю пейзажи и натюрморты, поэтому работаю в этом направлении. В картинах «Волна. Балтика», «Шторм. Балтика» мне хотелось выразить потрясающую грандиозность морского пейзажа: чувство свободы, силы стихии. Часто бываю у моря и, гуляя по берегу, чувствую потребность изобразить нашу Балтику именно в игре волн и шторма. Видимо, этого требует состояние души. Я часами вглядываюсь в накат волн, цвет, замечая, как при этом меняется состояние неба и воды».

Зная о трудностях творческого пути женщин-художниц, о том, что на мировых аукционах их работы продаются за меньшие суммы, нежели равнозначные работы художников-мужчин (например, на одном из последних аукционов Sotheby's картина Люсьена Фрейда «Портрет обнажённой женщины с отражением» была продана за 23,4 миллиона долларов, а картина Марлен

Дюма «Посетитель», ставшая самой дорогой работой ныне живущей женщины-художницы, продана на Sotheby's всего за 6,3 миллиона долларов, при том, что о качестве и художественной ценности их работ можно спорить), я задала Светлане вопрос о том, может ли женщина стать великой художницей. Ответ её удивил меня своей искренностью: «Ценю работы своего учителя – Павлючика Анатолия Павловича. нравятся и работы Саркиса Гогоряна - члена Союза художников России. Студии Павлючика и Гогоряна находятся рядом, на одном этаже, поэтому немного знаю этого художника. Знакома и с художником Евгением Тропыниным. Не так давно видела работы Елены Аванесовой (современное искусство) - замечательные картины в технике «масло». Поскольку я – ученица классической школы, то люблю это направление, оно мне ближе. Женщины-художницы? Моё мнение - великим художником может быть мужчина, не хочу никого обидеть»...

Мечта о карьере художницы всегда была и остаётся, но Светлана Максимова находит большое удовольствие в работе с детьми, а это требует самоотдачи, того, чтобы на первом месте была педагогическая деятельность. «Мне очень интересно думать, рисовать, мечтать вместе с ними, - рассказывает Максимова-учитель. - Когда меня спрашивают, что значит для меня сейчас моя работа, я отвечаю: «Творчество и позитив». Спасибо, что всё так удачно сложилось, что на моём пути встретились замечательные люди. Я с удовольствием передаю свой опыт ребятам, ведь искусство подобно драгоценному камню: чем больше вглядываешься в него, тем глубже он затягивает в глубину своего очарования».

Работая преподавателем изобразительного искусства и черчения в МАОУ СОШ №3, Светлана начала осознавать, что ей мало школьной программы, которая ставит определённые рамки для детского творчества. В 2009 году она создаёт студию живописи «Веселые краски» для детей 9-14 лет. Учебные занятия, где дети обучаются азам художественного мастерства по таким предметам, как рисунок, живопись, композиция, беседы по истории искусств, увлекательны и интересны, развивают индивидуальные и творческие способности, будят воображение, вырабатывают художественный вкус. Они построены в порядке постепенного роста от простого к сложному. Одновременно дети учатся анализировать свои работы, сравнивая их с натурой или сверяя с поставленной задачей. В процессе обучения они усваивают понятия формата, размера, пропорций, тоновых отношений, цвета и декоративности. Практические занятия, связанные с изучением пейзажа, отнесены на летний период, на пленэр.

При содействии местной польской национально-культурной автономии «Полония» в Калининграде (председатель Е.А. Рогачикова) в сентябре 2013 года творческие работы детей приняли участие в Первой региональной выставке живописи «Мир вокруг нас», проходившей в Армянском культурном центре Калининграда. В декабре 2013 года в здании «Рыбной биржи» (Зимний сад) Калининграда организована выставка студийных работ детей на тему «Зимняя сказка».

С большим удовольствием я посетила это мероприятие, приуроченное к празднованию детского праздника – Дня Святого Миколая. Его участники в возрасте от 5 до 15 лет применили различные техники – гуашь, акварель, масло, декоративный гель, цветной карандаш. Мир, представленный на выставке «Зимняя сказка», - это природа волшебной зимней поры, празднование Дня Святого Миколая, Рождества, Нового года. Создавалось светлое настроение от богатства красок в сказочных и библейских сюжетах, нарисованных зимних забавах и праздниках, особенно в удачных работах Галанской Екатерины (14 лет), «Гости на Новый год» (акварель, гуашь), Конторез Ксении (13 лет), «Зима-красавица» (масло), Ли Людмилы (15 лет), «Сказочный зимний вечер» (масло), Луференко Полины (7 лет), «Серебряный олень» (акварель, гуашь, декоративный гель). Притягивала взгляд и графическая работа Дениса Максимова «Рождественский ангел» (простой карандаш). Сын художницы - отличный графист, который учился в художественной студии «Аистёнок». В настоящее время он – студент, будущий специалист по связям с общественностью, увлекающийся философией.

Светлана Максимова – талантливая художница и педагог, тонко чувствующая мир, изящно владеющая ремеслом. В мире мужчин-художников женщина всегда была Музой и Моделью, а женщина-художница сама Творец и Муза, поэтому её работы неповторимы. Вматриваясь в морские пейзажи, полевые цветы, подсолнухи Светланы Максимовой, открываешь для себя замеченные внимательными глазами художницы, неуловимые, длящиеся короткий миг состояния природы, игру цвета и света, как говорил Клод Моне, «то малое, что мы в состоянии постичь» из образов Вселенной, «чтобы засвидетельствовать увиденное своей кистью».

Выставки Светланы Максимовой:

2010 год. Варшава, Галерея «Платер» (Warszawa, Galeria «Plater», ul. E. Plater, 14) .

Июль 2010 года. Персональная выставка живописи «Прекрасный мир» («Piękny świat»)
Варшава
(Warszawa, «Lokalna Kafe», ul. Kwiatowa, 1/3/5).

Август 2011 года. Четыре работы участвовали в выставке живописи «На пути к профессионализму», проходившей в Калининградском областном историко-художественном музее.

«Волна. Балтика»
40 x 30. ДВП, масло. Калининград 2011 г.

«Шторм. Балтика»
40x30. ДВП, масло, Калининград 2011 г.

*«Мартовские тюльпаны»
40 x 30. ДВП, масло. Калининград 2011 г.*

*«Полевой букет»
20 x 25. ДВП, масло. Калининград 2011 г.*

Переводы

Алексей Троицк

Алексей Иванович Троицк – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института Канта БФУ им. И. Канта.

Некоторые переводы англоязычных поэтов

Роберт Фрост (1874–1963) – один из крупнейших поэтов в истории США, четырежды лауреат Пулитцеровской премии (1924, 1931, 1937, 1943).

Лёд и Пламя

Кто говорит, что мир огнём испепелится,
Кто говорит – во льду его конец.
А я желание вкусил и с теми согласился,
Кто так огонь всю жизнь любил.
И если б суждено нам было умереть два раза,
О ненависти знаю всё,
Скажу тогда, что лёд – такая же зараза,
В ней каждый обретёт своё.

Карл Сэндберг (1878-1967) – американский поэт, биограф, бард.

Трава

Груды тел, как стрелы в Аустерлице, Ватерлоо.
Сгребаю под себя – закончить дайте в срок –
Трава я; накрываю всё.

И в Геттисберге груды до небес
И кучи – в Ипре, Вердене.
Сгребаю под себя – закончить дайте в срок.
Два года, десять лет, проводнику – вопрос:
Где мы?
И что это за место?
Трава я,
Закончить дайте в лето.

Узелки

Я выдумал пляжи, поляны,
Слёзы и смех.

Я придумал дома –
И разрушил их смерч.

Я придумал свидание,
После встречи – прощай.

Я выдумал звёзды, идущие вдаль,
Ореолы по парам, закаты на ощупь ступали
В смертельной тоске.

Я всего лишь пытался идти
Навстречу звезде, последней звезде.

Я просил ради нескольких капелек слёз
И какой-то улыбки.

Джон Донн (1572-1631) - английский поэт и проповедник, настоятель лондонского собора Святого Павла, крупнейший представитель литературы английского барокко («метафизическая школа»). Автор ряда любовных стихов, элегий, сонетов, эпиграмм, а также религиозных проповедей. С переводов Донна на русский язык начал свою литературную карьеру нобелевский лауреат Иосиф Бродский.

Песня

Любовь моя, я не уйду,
Усталость прогони скорей,
Надежды нет, что мир проявит
Такую же любовь ко мне;
С тех пор,
Как суждено мне умереть, нет лучше ничего,
Чем в шутку смерть,
Так тленные в притворстве погибают.

Вчерашней ночью солнце растворилось,
Сегодня ещё здесь,
Оно бесчувственно и безжеланно есть,
На полпути остановилось:
Теперь не страшно мне,
Пришпорен и крылат тобой,
Я Солнца путь пройду с игрой,
И тотчас возвращусь к тебе.

Как слабы человека силы,
Удачу задержать на час,
Мгновения нет, ведь силы хилы
Утрату времени вернуть назад!
Но если неудаче к нам прийти,
Стремительно мы к ней рванём,
И будем преданно, из кожи вылезая вон,
Самих себя пытаться превзойти.

Когда смотрела ты, безропотно смотрела,
То душу твоим взглядом унесло,
Когда слеза твоя истечь успела,
То силы жизни погребли в ничто.
Не может быть,
Чтобы меня любила, как обещала ты,
Меня своею жизнью расточила,
И это лучшее, что может быть.

Не дай пророческому сердцу своему
Предугадать несчастья,

Доступно это Провидению одному,
Ибо исполнятся кошмаров страсти;
Ты лишь представь: во сне
С тобою мы разлучены;
У каждого горит огонь в душе –
И нераздельны мы.

История и краеведение

Леонид Тимин

Леонид Васильевич Тимин - генерал-лейтенант, воин-афганец, заместитель главного военного советника, советник начальника Главного политического управления Афганской армии с ноября 1989 года по сентябрь 1991 года. Автор книг: «Офицерская служба», «Серебряный век», «Под сенью Святой Варвары», «Время выбрало нас». Лауреат премии имени А. Фадеева

Размышления об Афганской войне

Ещё в 1858 году в статье «Афганистан» Фридрих Энгельс писал: «...афганцы – храбрый, энергичный и свободолюбивый народ; война для них является развлечением и отдыхом от однообразных занятий хозяйственными делами. Афганцы разделяются на кланы, причём различные вожди осуществляют нечто вроде феодального господства над ними.

Только их неукротимая ненависть к государственной власти и любовь к личной независимости мешают им стать могущественной нацией; но именно эта стихийность и непостоянство превращают их в опасных соседей, поддающихся влиянию минутных настроений и легко увлекаемых политическими интриганами, которые искусно возбуждают их страсти...

Афганцы редко прибегают к помощи закона. Их ханам принадлежит право устанавливать наказания, вплоть до смертной казни. Кровная месть является обязанностью рода».

Прошло с тех пор более 150 лет, но мало что изменилось. И все, кто в разные годы пытался покорить Афганистан, терпели неудачу. Трижды – на протяжении восьмидесяти лет – вели войну в Афганистане англичане, однако каждый раз в результате противодействия свободолюбивого афганского народа, казалось бы, в покорённой стране, силы британцев иссякали, и они вынуждены были покинуть эту страну.

Англичане знают, что в Афганистан легко войти, но оттуда трудно выйти. Это горная страна с тесными ущельями, крутыми перевалами и полным отсутствием шоссейных дорог. В таких условиях даже армия, уступающая по своим боевым качествам и техническому вооружению силам английского экспедиционного корпуса, тем не менее может вести серьёзнейшую партизанскую войну, способную истощить, изнурить, обескровить и, в конечном счете, уничтожить противника. Англичане помнят до сих пор незабываемый факт, когда десяти тысячный отряд лорда Роберта был поголовно истреблён в Афганистане.

В Афганистане никогда не было абсолютной централизованной власти. Афганские правители находились в зависимости от могущественных пуштунских племён, платили им за охрану государственной границы, но зато брали двойной налог с других, более слабых племён. Для того, чтобы наладить связь с влиятельными племенами, правители Афганистана даже жён себе брали из их среды.

Генерал армии Махмут Гареев, военный советник при президенте Республики Афганистан в 1989-1990 году, в своей книге «Моя последняя война» пишет: «Когда в 1989 году президент Республики Афганистан Наджибулла рассказывал об этих аспектах афганской истории и при этом сокрушался по поводу того, что к прежним неурядицам Афганистана добавились неутраченные распри между двумя крыльями партии – халькистами и парчамистами, – я в шутку посоветовал ему взять одну жену – халькистку, а другую – парчамистку и тем самым добиться их примирения».

Но дело было не столько в межпартийных противоречиях, сколько в том, что народы и племена, населяющие Афганистан, по-прежнему не признают централизованной власти, как в центре, так и в провинциях. Раздираема острыми противоречиями была не только государственная

власть, но и сама оппозиция. Отряды моджахедов состояли из 7-8 независимых и соперничающих друг с другом группировок, внутри каждой из которых были свои лидеры, имевшие различные интересы.

Афганская война для народов нашей страны долгое время оставалась неизвестной, внешне гладкой, а главное, почти бескровной, ибо в СССР был официально разрешён только определённый уровень знания об этой войне, дабы не возникла опасность получить «подрывной» элемент.

Да и сегодня, в условиях нынешней демократии, далеко не всё доводится до сознания людей, а только то, что нельзя скрыть и то, что получило громкое звучание.

За прошедшие после Афганской войны годы написано множество книг, статей, произнесено множество речей, в которых нередко давались диаметрально противоположные оценки вводу советских войск в Афганистан. Всё зависело от переживаемого времени, позиции говорившего, писавшего человека, занимаемого им служебного места.

Афганская война явилась одним из крупных событий конца двадцатого века. Она оказала немалое влияние на внутреннюю жизнь Советского Союза, явилась одним из факторов, ускоривших крушение нашего государства.

Мне кажется, что обоснованность этой войны не была очевидна даже тем, кто принимал решение о вводе войск в Афганистан. Тогда обстановка в мире была совершенно иной, чем в 1989 году или значительно позднее. Во внешней политике, дипломатии доминировало недоверие, подозрительность, конфронтация, которые приобрели опасный характер, активно влияя на процесс принятия политических решений.

В южном подбрюшье Советского Союза создалась тогда угрожающая обстановка. США и их союзники готовили создание военных баз, стремились воздействовать на среднеазиатские республики, поощряя распространение наркотиков и ислама в Среднюю Азию. И это во многом определило позицию тогдашних советских военных руководителей.

Это сейчас чуть что, и сразу с протестом идут под стены Администрации президента или Кабинета министров, а тогда протест не был «в моде», да и кто знал о том, что вводятся войска, пока люди не были поставлены перед фактом.

В декабре 1989 года Второй съезд народных депутатов СССР признал решение Политбюро Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза от 12 декабря 1979 года о вводе войск в Афганистан ошибочным и заслуживающим осуждения. Одновременно народные депутаты объявили, что это ни в коей мере не бросает тень на солдат и офицеров, которые выполняли приказ Родины.

Последний президент Республики Афганистан Наджибулла по поводу решения Съезда народных депутатов в декабре 1989 года, осудившего ввод советских войск в его страну, писал: «Ваши власти дали оценку решению о вводе советских войск в Афганистан в декабре 1979 года. У политиков своя ответственность, и о ней уже достаточно сказано. Я же склоняю голову перед памятью советских людей, которые отдали свои жизни, выполняя воинский долг. Война принесла много горя. Она не сразу забудется. Но не забудутся также многими и многими афганцами доброта и мужество советских людей, их бескорыстие и человечность».

Армия никогда не бывает вне политики в том смысле, что выполняет свойственные ей функции после принятия соответствующего решения руководством страны. У солдат нет выбора – выполнять или не выполнять приказ. Они принимали военную присягу и клялись в верности Родине и народу. Протестовать могут гражданские лица, а военный человек этого позволить себе не может. Приказ – это закон. Протестные действия разрушили бы армию.

Война в Афганистане продолжалась более девяти лет. Это была попытка СССР обезопасить свои границы от внешней угрозы, исходящей с юга. И большая часть поставленных задач была решена. Эта война стоила Советскому Союзу многих жертв.

Безвозвратные потери составили 14403 человека. Из них убиты в бою 9511 человек, умерли от ран – 2386. В числе погибших 4 генерала, 2129 офицеров, 632 прапорщика, 139

рабочих и служащих, 11549 солдат и сержантов. Пропало без вести 417 человек, из них 219 освобождено из плена.

Наши воины в Афганистане не были оккупантами, и жертвы, принесённые на алтарь этой войны, какими бы тяжёлыми они ни были, не напрасны. Ценой своей жизни и крови участники боевых действий в Афганистане продемонстрировали верность Отчизне и присяге, сделали невозможным повторение в будущем подобного, чем спасли жизни многим и многим соотечественникам. Вечная им Слава и Память!

Через боевые действия в Афганистане прошло 620 тысяч военнослужащих. Награждено боевыми наградами 200153 человека, в том числе посмертно – 10955 человек. 86 воинов были удостоены звания Героя Советского Союза, 6 – звания Герой Российской Федерации. Тридцать три человека получили это высокое звание посмертно.

Однако ввод советских войск в Афганистан имел больше минусов, чем плюсов. В международном плане были подорваны Хельсинские соглашения о разрядке международной напряжённости. СССР оказался в изоляции. Обострились отношения с США, европейскими странами-членами блока НАТО, с Китаем. Война, поддержка кабульского режима потребовала огромных финансовых и материальных ресурсов, подорвав и без того хромавшую экономику.

Вооружение, боевая техника, горючее, строительные материалы, продовольствие, медикаменты – всё это поставлялось из Советского Союза. Чем платил Афганистан? Изюмом, орешками, шерстью, лазуритом и пр. Но всё это было в минимальных количествах, никак не покрывавших затраты на вооружение. В итоге Советский Союз простил Афганистану долг почти в 12 миллиардов долларов.

Непонятные для народа цели войны, замалчивание хода боевых действий, убитые и раненые, которых тайно хоронили и тайно лечили в различных районах страны, – всё это вызывало негативные настроения в обществе и в Вооружённых силах, подрывало авторитет армии. Война способствовала усилению противостояния различных социально-политических сил, обостряла негативные явления, которые способствовали развалу СССР.

Задним числом все мы становимся зрячими. Это уже сейчас мы знаем, что Генеральный штаб Вооружённых сил СССР, некоторые советские военачальники были против этой операции, возражали против ввода войск в Афганистан. Об этом говорят и документы, и сами ветераны, которые были задействованы тогда в этих процессах.

Десятки лет супердержавы и их союзники находились в условиях глобальной конфронтации, действовали сообразно своему пониманию геополитических интересов того времени. Но как бы ни проходил процесс принятия решения, итог очевиден: Советский Союз оказался втянутым в бесперспективную войну, которая растянулась почти на десять лет. И сегодня мы обязаны анализировать и учитывать уроки Афганской войны, смотря при этом правде в глаза.

Главный урок в том, что никто не имеет права вмешиваться в жизнь другой страны. Ни коммунизм, ни демократию, ни рыночные отношения насаждать силовыми решениями никому не дозволено. И невозможно везти это в другую страну на броне танков, нельзя оправдать никакими идеологическими соображениями. Это урок всему мировому сообществу.

Человеку, побывавшему в боях, свойственно суровое чувство справедливости, которое опасно оскорблять. Машина войны давила, рвала тела воинов-интернационалистов. Это разрушало и их сознание, это было самым тяжёлым испытанием. Волна нетерпения, раздражения воинов после возвращения их из Афганистана наталкивалась на равнодушие чиновников, а то и на осуждение за участие в этой непопулярной войне. Всё это вначале вызывало недоумение, а потом и возмущение вернувшихся домой афганцев.

Оправдан ли был ввод советских войск в Афганистан? Герой Советского Союза Руслан Аушев говорит: «Конечно, ввод советских войск в Афганистан был ошибкой, которую повторили сейчас американцы». Сегодня для всех ясно, что ввод советских войск в Афганистан в 1979 году

был непродуманным, политически ошибочным шагом. Но советское руководство действовало не в вакууме. К этому ведь объективно подталкивали многие внешние обстоятельства.

В то время СССР оказывал помощь афганским правительственным войскам, а США – моджахедам. В конфликте внутри Афганистана ни одна из сторон не могла добиться решающего превосходства. При наличии советских войск оппозиция в лице Гульбедин Хекматияра, Бурхануддина Раббани, Сибгатуллы Моджадеди, Ахмад Шаха Масуда и других полевых командиров ограничивалась партизанскими, диверсионными действиями с целью дестабилизации обстановки в стране. А после вывода советских войск перешла к решению задачи свержения режима Мухаммеда Наджибуллы и захвата власти. Этим и определялись размах и ожесточённость боевых действий в течение 1989-1991 годов.

После вывода советских войск возможности правящего режима ослабли, ограничилась помощь военная и экономическая, а к сентябрю 1991 года её ручеек совсем иссяк.

Режим Наджибуллы пал после этого, а военная поддержка моджахедов увеличилась, вопреки Женевским договорённостям.

Политика национального примирения потерпела крах. Вместо этого США повернули события в своих интересах; всё осталось по-прежнему.

Где выход? Рано или поздно противоборствующие стороны в этой стране вынуждены будут искать компромиссы и находить приемлемый баланс интересов. Учитывая исторические традиции Афганистана, они придут к необходимости рационально сочетать минимально необходимые элементы централизованной власти и относительной самостоятельности племён и народностей Афганистана.

Выход – в предоставлении автономии национальным меньшинствам, в сохранении целостности афганского государства, в недопущении эскалации войны, в решении своей судьбы самим афганским народом.

Совместными усилиями надо сделать так, чтобы из Афганистана к нам шёл мир и спокойствие, чтобы нерешённые проблемы не обернулись для наших народов новой бедой. Надо усилия сосредоточить на восстановлении экономики Афганистана, извлечь уроки из трагических страниц истории.

Сейчас США и западные страны ведут, как пишут об этом политические обозреватели, Четвёртую мировую войну. Третья мировая война (так называемая «холодная») – против империализма – нами была проиграна.

Получилось так, что армия не воевала, бомбы на Советский Союз не падали, вражеские солдаты не вступили на нашу землю, вроде бы был мир, но нашей страны от такого «мира» не стало. В «холодной» войне невоенные, нетрадиционные средства, способы и методы борьбы оказались во много раз более эффективными, чем традиционные военные.

Масштабность демографических, территориальных, политических, экономических и духовных потерь Советского Союза неизмеримо больше ущерба проигравших сторон во Второй мировой войне.

А сейчас американцы осваивают регион за регионом, создают сеть контролируемых опорных пространств на пути к мировому господству. Хорошо известно, что США продолжают проникать и закрепляться в Ираке, Ливии, Египте. Стремятся внедрить в Иране и Сирии угодные им режимы, создать военные базы и выкачивать природные богатства этих государств.

Их цель – не только территории, сырьевые ресурсы и рынки сбыта, но и изменение всего мироустройства. А главное, овладение Россией и всем постсоветским пространством путём проведения «цветных революций», создание глобального пространства для решающей схватки с Китаем.

США с 1991 года провели шесть войн, в том числе войны в Югославии (1999 г.), Афганистане (2001 г.), Ираке (2003 г.). Уже объявлена очередная жертва агрессии – Иран. Раздаются угрозы в адрес Сирии, Северной Кореи, Кубы, Беларуси. Война в Афганистане, которую США ведут с 2001 года, то есть уже больше по времени, чем находились там советские войска, не принесла им успеха, если не считать уничтожения Усамы Бен Ладена.

Оккупировав Афганистан, США тем самым обеспечили себе прорыв в Евразию, осуществили решительный бросок в Среднюю Азию, непосредственно в подбрюшье России, Китая, Индии, Ирана, установили контроль над Прикаспийским нефтеносным бассейном и путями вывоза нефти и газа на мировой рынок.

Во много раз возросла при их попустительстве и содействии наркоторговля в странах Средней Азии, Европы, России. Наркотики приносят колоссальную прибыль и превращают людей в одурманенных зомби. Военно-политическое присутствие США и их союзников способствовало вовлечению дехкан в наркобизнес. Производство опиума в Афганистане за 2011 год выросло на 61%. За год изготовлено в стране 5800 тонн опиума, что составляет 90% мирового рынка. В планы этих, не афиширующих свою деятельность, людей входит радикальное сокращение населения планеты до одного миллиарда человек.

Мифический образ терроризма создаётся для того, чтобы скрыть истинные стратегические цели США и их союзников. Бывший директор ЦРУ США Дж.Вулси утверждает, что «Четвёртая мировая война – это не просто борьба против терроризма». Это война «за распространение демократии на те регионы арабского и мусульманского мира, что угрожают нашей свободолюбивой цивилизации, на создание и защиту которой мы потратили столько сил во время Первой, Второй и Третьей мировых войн».

В Ираке и Афганистане погибли от огня американско-английских оккупантов уже тысячи мирных жителей. Таким образом, за понятием «терроризм» стоит большая ложь и, если следовать по этому ложному пути, то можно невольно превратиться в орудие США, Запада и действовать в их интересах в ущерб себе.

Вместе с тем, если говорить о тактическом обеспечении операций, то здесь войска НАТО существенно превосходят советский контингент. Работают они там хорошо, обеспечение у них идеальное, потерь в операциях меньше. Их отличает глубоко профессиональное отношение к работе. Они просто делают своё дело, без ненужного ажиотажа и какого-либо показного братания с местным населением.

Военные – воюют, команды по восстановлению территорий – строят. Управленческий механизм отлажен до последней детали. В этом отношении наш контингент 25 лет назад смотрится, конечно, невыгодно. С другой стороны, натовцы допускают ту же ошибку, что и советские войска. Если уж начал воевать, то нельзя воевать вполсилы. Особенно в Афганистане. США там уже более 10 лет. А результата как не было, так и нет. Причина всё в том же – в нежелании афганцев подчиняться централизованной власти и их стремление к своей личной независимости.

США и их союзники не смогут укротить афганцев и закрыть на замок границу с Пакистаном, где находят убежище талибы. Со временем стороны наверняка договорятся о взаимоприемлемом выводе войск, но до этого в жертву будут принесены ещё многие тысячи афганцев, а также военнослужащих окупационных войск.

Прошло 25 лет после вывода советских войск. Пока тема Афганистана ещё не превратилась в холодные две-три строчки в учебнике истории. Ещё живы участники тех событий, родные и близкие погибших и те, кто несёт на себе тяжёлый крест, страдая от ран и заболеваний, полученных на войне.

Говорят, что память способна противостоять разрушающему ветру времени. Мы все должны помнить, что мы в неоплаченном долгу перед каждым, кто не вернулся из боя. Забывать об этом нельзя.

Остался голос тех, кто прошёл дорогами Афганистана, кто там был, кто гордится пройденным. Он должен звучать громче, везде и всюду. Мы сумели сберечь узы военного братства, опираясь на свою взаимную поддержку и солидарность, преодолели физические и моральные травмы. Мы сохранили и впредь будем беречь связи со своими товарищами в других странах СНГ, как залог единства и боевого братства воинов-афганцев.

Кто понимает сегодняшнее положение в мире, пусть сделает сам вывод о том, насколько правомерен был ввод советских войск в Афганистан в 1979 году. Ничего хорошего с тех пор не

произошло для нас. Больно за то, что немало ребят отдали там, «за речкой», свои жизни, а у других Афганистан до сих пор болит в душе...

Я был одним из последних свидетелей афганской драмы, поэтому и решил подать свой голос, замолвить доброе слово за её невольных участников. Время выбрало нас...

Честь имею!

Игорь Ерофеев

Игорь Васильевич Ерофеев - краевед, поэт, писатель, журналист, рок-музыкант. Член Союза

журналистов России, Международного союза журналистов и Союза писателей России. Руководитель городского литературного объединения «Рассвет» и районного историко-краеведческого общества «Седьмая земля». Печатал свои стихи и прозу в местных газетах, журналах, коллективных сборниках. Публиковался в «Антологии калининградского рассказа», журналах: «Север», «Мозаика юга». Автор книг лирики: «Устоять» (Калининград, 2009) и «Неба тонкие узоры» (Калининград, 2010). Победитель конкурса «Человекгода» в номинации «Мой город – моя судьба» (1999). Лауреат Международного конкурса малой прозы «Добрая Лира» (Санкт-Петербург, 2010). Награжден медалью «За вклад в наследие народов России».

К 100-летию начала Первой мировой войны

Ротмистр Петр Врангель в Каушенском бою 6 августа 1914 года

Имя «чёрного барона» Петра Николаевича Врангеля, главкома Русской армии, генерал-лейтенанта, лидера белого движения в Крыму на заключительном этапе Гражданской войны, упоминалось в былые годы преимущественно с негативным оттенком. Однако составители современной справочной исторической литературы не обходят вниманием опального генерала, правда, и не рискуют давать какую-либо оценку его действиям. В последнее время стали появляться исследования, в которых Пётр Врангель причисляется уже к лучшим полководцам того времени. В качестве доказательства историки приводят факты из его биографии периода Первой мировой войны, когда Врангелю за отвагу и умелое руководство было доверено командовать 1-м Нерчинским полком.

В 1910 г. Пётр Врангель закончил с отличием Николаевскую академию Генерального штаба, но вместо штабной работы предпочёл вернуться в Лейб-гвардии Конный полк, в котором состоялся как офицер и в составе которого принимал участие в Русско-японской войне 1904-1905 гг.

В августе 1914 г. Пётр Врангель в составе 1-й русской армии под командованием генерала от инфантерии Павла Карловича фон Ренненкампафа принял участие в Восточно-Прусской операции. Армия начала движение в общем направлении на Растенбург–Кёнигсберг. В первый день войны Лейб-гвардии Конный Его Императорского Величества полк, в состав которого входил третий эскадрон ротмистра Петра Врангеля, принял активное участие в боевых действиях, заставив противника оставить населённый пункт Пилькаллен (ныне пос. Добровольск Краснознаменского района). А уже на третий день операции имя Врангеля становится известным не только армии, но и всей России за мужество, проявленное бароном в ходе Каушенского боя.

Утром 6 (19) августа генерал Гусейн Хан Нахичеванский, согласно приказу двигаться через реку Инстер в направлении на Инстербург в обход левого фланга германцев, двинул конный корпус (1-я, 2-я Гвардейские и Сводная кавалерийская дивизии) тремя колоннами из района Драугупёнен (ныне пос. Муравьево Краснознаменского района) к реке Инстер, в направлении на Инстербург, чтобы предотвратить развитие наступления частей ландвера в направлении деревни Краупишкен (ныне пос. Ульяново Неманского района).

Около 12 часов два эскадрона Лейб-гвардии Уланского Её Величества полка под командованием полковника Д.М. Княжевича подверглись обстрелу со стороны германской пехоты, занимавшей позиции у хуторов между населёнными пунктами Каушен и Опелишкен. Кавалеристам пришлось спешиться и завязать перестрелку. Взвод Конной артиллерии, следовавший вместе с кавалерией, развернул орудия у местечка Опелишкен, но после первых выстрелов подвергся мощному обстрелу германской артиллерии со стороны Каушена и Туттельна и прекратил огонь во избежание потерь.

Подавить огневые точки германских батарей у Каушена и Туттельна смогли только спустя час, после вступления в бой основных сил 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии и, в частности, батарей Гвардейской конной артиллерии, которые заняли позиции у местечка Шуппинен (ныне пос. Ветрово Неманского района). Удачные действия артиллерии позволили эскадронам 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии развернуть дальнейшее наступление на Каушен. Однако преодолеть с ходу оборону противника, сосредоточившегося в районе Краупишкена и Каушена, не удавалось. Противостоявшая русским германская 2-я ландверная бригада под командованием полковника фон Люпина имела 5 батальонов пехоты, 10 пулемётов и 12 орудий.

Несмотря на то, что Сводная кавалерийская дивизия генерала В.К. Бельгарда имела преимущество в охвате позиций противника, исход боя оставался непредсказуемым. Попытки продолжить наступление успеха не имели. Немецкие пехота и артиллерия, закрепившиеся на южной окраине деревни Каушен, обрушили шквальный огонь на наступавших конногвардейцев генерал-майора П.П. Скоропадского (будущего гетмана Украины) и кавалергардов 1-й бригады 1-й Гвардейской кавалерийской дивизии генерал-майора князя А.Н. Долгорукова. Поступил приказ спешиться, после чего гвардейцы пошли на вражеские батареи в полный рост, попав под прицельный огонь. Особенно большой урон кавалерийской элите наносила немецкая батарея, пристрелявшаяся у мельницы Каушена.

Около 16 часов, в самый критический момент, командир 1-й Гвардейской кавалерийской дивизии генерал Николай Николаевич Казнаков вынужден был принять решение бросить на позиции германской артиллерии 3-й шефский конногвардейский эскадрон Лейб-гвардии Конного полка, который оставался в резерве, охраняя полковое знамя. Командовал эскадронам храбрый офицер, гвардии ротмистр, его сиятельство барон фон Врангель.

Из служебной характеристики: *«Ротмистр барон Врангель – отличный эскадронный командир. Блестяще военно подготовлен. Энергичный. Лихой. Требовательный и очень добросовестный. Входит в мелочи жизни эскадрона. Хороший товарищ. Хороший ездок. Немного излишне горяч. Обладает очень хорошими денежными средствами. Прекрасной нравственности. В полном смысле слова выдающийся эскадронный командир».*

Согласно приказу, эскадрон должен был атаковать Каушен в разомкнутом конном строю. Врангель прекрасно понимал, что конная атака на пехотные и артиллерийские позиции, ведущие плотный пулемётно-орудийный обстрел, может стать для всего эскадрона последней. Достичь цели с наименьшими потерями можно было, лишь умело используя складки местности. Укрываясь за перелеском и пригорками, Пётр Врангель повел конногвардейцев за собой. Быстро преодолев расстояние до вражеских позиций, эскадрон вылетел из-за мельницы примерно в 130-ти шагах от немецкой батареи, развернувшись на ходу. Атака оказалась столь неожиданной, что немцы даже не успели поменять прицел и ударили по наступавшим наудачу.

Этим залпом в эскадроне были убиты все офицеры (кроме командира) и 20 солдат. У вражеских траншей от 9-ти картечных ран под ротмистром пала лошадь, получившая 40 шрапнельных пуль. Барон вскочил на ноги и с шашкой бросился на батарею. В короткой рукопашной схватке оставшиеся конногвардейцы сумели захватить вражеские позиции. В ходе штурма эскадрон овладел двумя орудиями и четырьмя зарядными ящиками. Потеря батареи заставила немцев поспешно отойти, позволив русской кавалерии занять деревню Каушен.

Эскадроны полков Сводной кавалерийской дивизии вскоре заняли Мешкен (ныне пос. Малиновка Неманского района). Развивая успех, командир 5-го эскадрона 3-го драгунского полка штаб-ротмистр Роговский со своим эскадронам по длинной гати, пересекавшей долину реки Инстер, ворвался на правый берег. В 16.15 немцы стали отступать по всему фронту, а в 17.20 в Опелишкене генерал Хан Нахичеванский отдал приказ дивизиям конной группы прекратить бой и расположиться на ночлег.

Командир Конного полка полковник Б.Г. Гартман, раненный в бою под Каушеном, в докладе командованию об атаке 3-го эскадрона писал: *«Врангель развернулся и с эскадронам во главе бросился на врага. Немцы открыли убийственный огонь – и пехотный, и из орудий. Потери были большие. Убит поручик Гершельман, убиты братья Катковы. Корнет Накашидзе ранен шрапнельной пулей в голову. Но это не остановило прорыва. Эскадрон наскочил на орудия. Последним выстрелом – прямым попаданием картечи – была убита лошадь под Врангелем. В ней потом насчитали 40 пуль, но сам Врангель чудом остался жив. Ротмистр смог добежать до орудий, где шёл рукопашный бой. Орудия были взяты».*

Успех в бою в районе Каушена стоил кавалерии тяжёлых потерь. Они составили 81 чел. убитыми, 293 чел. ранеными и 22 чел. пропавшими без вести. При этом полки Кавалергардский и Конный лишились более половины своих офицеров. Большим оказался и расход боеприпасов. Германская 2-я ландверная бригада потеряла 66 чел. убитыми, 122 чел. ранеными и 30 чел. пленными, а также 2 орудия и 4 зарядных ящика. Захваченные орудия были отправлены в Петроград, где оказались на выставке трофеев.

В итоге боя 2-я ландверная бригада была отброшена на правый берег Инстера, потеряла связь со штабом германской 8-й армии и не смогла принять участия в последовавшем 7 (20) августа сражении у Гумбиннена.

Перед началом Мировой войны военные теоретики проводили мысль о невозможности конной атаки на пехотные позиции при современной плотности огня. Однако ротмистр Врангель в первом же крупном бою атаковал боеспособную пехоту, поддержанную артиллерийской картечью, и одержал яркую победу, доказав, что конница это может даже при лобовом наступлении при условии господства своего артиллерийского огня.

Подвиг Петра Врангеля (талантливое командование подобной атакой) больше никем в ходе Восточно-Прусской операции повторен не был.

За смелую сабельную атаку у Каушена полковник Конной гвардии князь Александр Николаевич Эрстов и ротмистр Пётр Николаевич Врангель были награждены орденами Святого Георгия 4-й степени. Согласно приказу по 1-й армии, ордена Святого Георгия 4-й степени, помимо Эрстова и Врангеля, были удостоены генерал-майор Дмитрий Лопухин, полковник Лев Кирпичёв, штабс-ротмистр Дмитрий Суровцев (убитый во время атаки), полковник Б.Г. Гартман и полковник А.Е. Арсеньев. Георгиевские кресты получили также генералы Скоропадский, Княжевич и Долгоруков.

В представлении Врангеля к награждению было указано: «Стремительно произвёл военную атаку и, несмотря на значительные потери, захватил 2 орудия, причём последним выстрелом одного из орудий под ним была убита лошадь».

23 августа (5 сентября) 1914 года в Инстербурге, на Альтер Маркт (ныне площадь Ленина), в присутствии Верховного Главнокомандующего всеми сухопутными и морскими силами, великого князя Николая Николаевича Младшего (присутствие на параде которого небезосновательно оспаривается, в частности, калининградским краеведом Игорем Афониним) были проведены полевое богослужение и парад Конной гвардии 1-й русской армии. Во время парада, который принимал Ренненкампф, ротмистру барону Врангелю и был вручен орден Святого Георгия 4-й степени.

О блистательной конной атаке прусской батареи заговорила не только русская, но и союзническая печать, поскольку в этом первом столкновении с обеих сторон участвовали элитные гвардейские полки. В парижских и лондонских газетах широко освещался мастерский захват батареи. Отмечалось, что сам Врангель не погиб исключительно благодаря чуду, ведь лошадь под ним была убита последним выстрелом орудия почти в упор. Ротмистра из седла перекинуло через пушку, но он всё равно остался жив. А солдаты 3-го эскадрона после этого дела были уверены, что их командир заговорён, и немецкая пуля его не берёт!

Фотографии Петра Врангеля появились на страницах «Летописи войны», популярного иллюстрированного военного журнала. И хотя возможность снова храбро отличиться Врангелю больше не представлялась, его карьера стремительно пошла вверх.

В сентябре 1914 года его назначают начальником штаба Сводной кавалерийской дивизии, в декабре он получает чин полковника и должность флигель-адъютанта свиты Его Величества, в октябре 1915 года становится командиром 1-го Нерчинского полка Забайкальского казачьего войска, воевавшего на Юго-Западном фронте. При переводе бывший командир даёт Врангелю следующую характеристику: «Выдающейся храбрости. Разбирается в обстановке прекрасно и быстро, очень находчив в тяжёлой обстановке». В течение ближайшего года барон также заслужит Георгиевское оружие и орден Святого Владимира 3-й степени с мечами.

Под его командованием полк поведёт активные боевые действия на Западном фронте в составе Уссурийской казачьей дивизии, за что Врангель неоднократно будет получать благодарности от комдива Александра Крымова.

22 августа 1916 года, участвуя в атаке, 1-й Нерчинский полк возьмёт в плен 118 германцев, захватит большое количество оружия и боеприпасов, причём многие офицеры, включая Врангеля, были ранены, но остались в строю. За это командир дивизии Крымов «от всей души» благодарил в

приказе Петра Николаевича и его боевых соратников. Врангеля наградили Георгиевским золотым оружием, назначили командовать бригадой, затем кавалерийской дивизией, а в январе 1917 года произвели в генерал-майоры.

Приложение

Во встречном бою между русским конным отрядом генерала Хана Нахичеванского и германской 2-й ландверной бригадой участвовали войска:

Отряд Хана Нахичеванского

1-я Гвардейская кавалерийская дивизия:

Кавалерийский полк

Лейб-гвардии Конный полк

Лейб-гвардии Кирасирский Его Величества полк

Лейб-гвардии Кирасирский Её Величества полк

1-я Его Величества батарея Лейб-гвардии Конной артиллерии

4-я батарея Лейб-гвардии Конной артиллерии

2-я Гвардейская кавалерийская дивизия:

Лейб-гвардии Гренадерский полк

Лейб-гвардии Уланский Её Величества полк

Лейб-гвардии Драгунский полк

Лейб-гвардии Гусарский Его Величества полк

2-я батарея Лейб-гвардии Конной артиллерии

5-я батарея Лейб-гвардии Конной артиллерии

Сводная кавалерийская дивизия:

2-й и 3-й драгунские полки

2-й и 3-й уланские полки

3-й гусарский полк

4-я, 5-я и 6-я конные батареи

2-я ландверная бригада

4-й ландверный полк (1-й и 2-й батальоны)

33-й ландверный полк (1-й, 2-й и 3-й батальоны)

1-я батарея

2-я батарея

2-й ландверный батальон

3-й ландверный батальон

Русский мир без границ

«Русский язык - это моя страсть»

Мы долгие годы с гордостью произносили: «У нас есть великая русская литература!» И это было правдой. Это и сейчас правда. Но каково её нынешнее состояние? Что думают о ней за пределами нашего Отечества? Вызывает ли она такой же живой к себе интерес, как в далёком и не очень далёком прошлом? Жива ли наша память?

Сегодня у нас в гостях видный французский славист, коллекционер, почётный член Российской академии художеств, кавалер ордена «Дружбы» Рене Герра.

- Господин Герра, Вы довольно часто приезжаете в Россию. Каково, на Ваш взгляд, нынешнее состояние русской литературы?

- Россия не иссякла. И она по-прежнему богата талантами. И я это знаю не понаслышке. Я часто бываю в России. Вот сейчас я вернулся в Санкт-Петербург с Урала. Меня пригласили на международное совещание молодых писателей, которое проходило в Каменске-Уральском. Это было для меня весьма интересно. На совещании было несколько десятков писателей не только с Урала, но и из Сибири. Я убедился в том, что в России есть молодые писатели. Новое литературное поколение подрастает. Но, в отличие от многих москвичей, я не поддерживаю пессимистических настроений по поводу современной русской литературы. На этом совещании были также писатели старшего поколения. К примеру, там был П. Краснов, с которым я уже давно дружу. Я познакомился с ним много лет назад в Ясной Поляне на одной из литературных встреч. Меня очень порадовало, что это совещание поддерживала городская администрация. Этим людям удалось создать приятную творческую атмосферу на этом мероприятии. Я принимал участие в работе одного из семинаров прозы. Я поделился с участниками семинара своими знаниями об эмигрантской прозе. Если можно так сказать, был «переброшен мост» из Парижа в этот уральский город. Меня и раньше приглашали на это совещание, но я человек занятой, и всё как-то не складывалось. А тут вот сложилось. Я прилетел на Урал из Санкт-Петербурга, где выступал на пленарных заседаниях «Лихачёвских чтений». Я делал доклад на тему «Диалог культур между Францией и Россией». Это совсем не моя тема, но я хотел подчеркнуть, что наши культурные связи завязались отнюдь не вчера.

Эта тема во Франции в настоящее время вызывает неподдельный интерес. Совсем недавно в Париже, в Академии художеств на берегу Сены была организована выставка, тема которой – «Французская интеллигенция между Парижем и Москвой». Эта выставка не прошла незаметно. Я из Ниццы, где проживаю постоянно, специально приехал в Париж, чтобы её увидеть. Отрадно, что в организации этой выставки принимало участие Министерство иностранных дел России. Стоит отметить, что подобная выставка была в Москве в 1927 году.

- Давайте теперь поговорим о современной русской литературе во Франции.

- Вот уже 50 лет я увлекаюсь культурой и особенно литературой «первой волны» русской эмиграции. По поводу так называемой «третьей волны», я имею в виду современную эмиграцию, которая началась для меня в 1973 году с появления первого номера журнала «Континент» Владимира Максимова, могу сказать следующее: я – автор этого журнала. Я несколько раз печатался у В. Максимова, хотя это было чревато неприятными для меня последствиями.

Сразу могу сказать, что стыковка между «волнами» русской эмиграции не состоялась. Попытки способствовать «сближению и наложению этих волн» закончились провалом. «Первая волна» русской эмиграции была могучей, она просуществовала более пятидесяти лет, что уникально. Из «второй волны» эмиграции, состоящей в основном из перемещённых лиц во время и после Второй мировой войны, в Европе почти никто не остался. Особенно во Франции. Представители этой «второй волны» считали, что лучшее, что может быть между ними и

Советским Союзом – это океан. Над ними дамокловым мечом висела возможность принудительной репатриации в СССР. В Европе остался один поэт – осколок Серебряного века – поэт Димитрий Калиновский. Я имел честь его знать.

Некоторые мои современники – Максимов, Синявский, Некрасов – умерли. Кублановский и Мамлеев вернулись в Россию. Сейчас во Франции от современной «третьей волны» почти никого не осталось. Можно назвать из оставшихся, мне известных, В. Марамзина. Но их наследие огромно, оно ждёт своих исследователей. Я, к примеру, был очень тронут, когда в Екатеринбурге, куда мы вернулись после конференции, одна моя русская коллега Юлия Матвеева подарила мне свою книгу «Самосознание поколения в творчестве писателей-младоземigrants». Мне было приятно, что в этой книге она меня цитирует, но не менее приятно, что я лично знал многих героев её книги: Газданова, Варшавского, Андреева, Гуля, Берберову, Емельянова и других. И таких книг с 1989 года в России вышло несколько тысяч. У меня в доме эти книги занимают три комнаты. Это убедительно. Это часть великой русской литературы. И очень хорошо, что это произошло. Все эти писатели уехали не по шкурным соображениям. И спасибо Ленину, что он отправил многих писателей, ученых, художников, философов на «философском» пароходе, пощадил их – и этим подарил культурному миру неоценимое культурное сокровище.

Я до сих пор дружу со многими писателями в современной России.

Что же касается русских писателей и поэтов в современной Франции, то, возможно, они и есть, но их имена мне неизвестны, хотя я профессионально занимаюсь русской литературой.

- Вы свободно говорите и пишете по-русски. Это плод взаимного притяжения и интереса наших стран и наших великих культур друг к другу или тому есть иные причины?

- Русский язык – это моя страсть. Я полюбил русский язык 55 лет назад. На Лазурном берегу я волей судьбы встретился с современниками А.П. Чехова, и они сумели привить мне любовь ко всему русскому. Я на всю жизнь заразился любовью к русскому языку. И мне не нужны сейчас ни переводчики, ни редакторы.

- Вы сейчас часто бываете в России. Когда для вас «упал железный занавес»?

- Это случилось тогда, когда старое поколение русских писателей-эмигрантов «вернулось» в Россию, и их творения стали выходить на их Родине миллионными тиражами.

Для меня лично «перестройка» началась тогда, когда, наконец, в России были напечатаны «Окаянные дни» И. Бунина и «Солнце мёртвых» И. Шмелёва. Эти две книги для меня были ключевыми; они довольно жёсткие, можно даже сказать – жестокие. Но они актуальны до сих пор. Эти книги не случайно появились в авторском переводе в конце 1988 года. Следует отметить, что книга И. Шмелёва «Солнце мёртвых» была издана при активном вмешательстве великого немецкого писателя Т. Манна, который лестно о ней отозвался.

И эта русская эмигрантская литература уже свершилась. Эти литература, живопись, графика – всё, что было сделано великими писателями, философами, поэтами и художниками, – стало доступно для любителей русского слова, для знатоков, для почитателей, для специалистов и учёных. Я лично этому очень рад. Об этом недавно я говорил на «Лихачёвских чтениях» в Петербурге и на Урале, где мне посчастливилось побывать. И уверяю Вас, это вызывало значительный интерес у слушателей. Я не просто исследователь, я многих этих писателей знал лично, я – живой свидетель эпохи и, как это ни странно звучит, их современник. И я считал и считаю, что моя работа – это мой долг перед Россией, перед этими великими знаниями.

То, что они сделали, было почти невозможным в тех почти невыносимых психологических условиях. Простой пример: Георгий Иванов стал великим поэтом в конце жизни, после двадцати лет отрыва от родной языковой стихии. Я помню, как известный поэт Юрий Кублановский после шести лет жизни в Париже боялся потерять слух к русскому языку. Представьте: вокруг вас говорят на каком-то чужом языке... Правда, этот язык был не совсем чужим для Бунина и для Зайцева... Но они потеряли Родину, и, самое главное, они потеряли своего русского читателя. В то время они в России «писали в стол», а в эмиграции они писали для будущего, виртуального читателя. Это очень трудно психологически. И они все надеялись, что «это безобразие» в России кончится, и всё будет нормально. Но, к сожалению, они до этого не дожили. Они все «жили на чемоданах». В отличие от «третьей эмиграции» никто из этих великих писателей не купил во

Франции ни квартиру, ни дом. При этом высказывания о том, что они прозябали, голодали и т.д. – всего лишь миф. Никто из старшего поколения русских писателей-эмигрантов не бездельничал, все они жили литературным трудом.

Они были изгоями, отщепенцами и врагами для своей страны, но они не были побеждены. Они, как писали в советских учебниках по литературоведению, так и «не приняли и не поняли» Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Здесь кавычки излишни – это факт. Это был их выбор. И они этот трудный выбор сделали. Если бы они остались в Советской России, неизвестно, написали ли бы они то, чем мы восторгаемся до сих пор. Бунин в эмиграции создал истинные шедевры, Ремизов написал в эмиграции 43 книг! А Шмелёв, а Зайцев, а многие, многие другие?.. Они писали до конца. Вот вам образец служения! Любая эмиграция – это трагедия. Но в нашем случае эта трагедия русских писателей стала в то же время и их величайшей удачей. Она стала, в конечном счёте, величайшей удачей и для них и для русской культуры.

Время показало, что они сделали правильный выбор. Это сейчас бесспорно. И все разговоры о том, что они утратили в эмиграции свой талант, – пустые. То, что сделали эти писатели, – это подвиг.

Нужно сказать ещё и о том, что все эти великие писатели, да и не только они, в России были «западниками», а в эмиграции они стали все «неославянофилами». Они выбрали свободу творчества без Родины. А это был высший цвет русской нации. То же и русские художники: 95% живописцев выехали из России. Их судьбы сложились по-разному, но они с честью, так же, как русские писатели, выполнили миссию русской эмиграции, оставив после себя честные воспоминания. И я собирал эти свидетельства более пятидесяти лет. Я как русист перед этими людьми преклоняюсь.

Были, конечно, и те, кто вернулся в Советскую Россию. Вернулся «красный граф» А.Н. Толстой, вернулся Андрей Белый, вернулся Сергей Есенин, вернулся Борис Пастернак, вернулся Максим Горький. Мы все знаем, чем они за это заплатили...

Русская литература и русская культура того времени – это трагедия, это раскол. Такого не было ни в одной литературе и культуре в мире.

- Но ведь общеизвестно, что великие французские писатели Анри Барбюс, Ромен Ролан, Андре Жид и другие Октябрьскому перевороту сочувствовали.

- Да, они попали под шарм советской идеологии. Они поверили или сделали вид, что поверили, в то, что в Советском Союзе строится светлое будущее. В те времена во многих странах Европы среди интеллигенции было много убеждённых коммунистов и социалистов, а потому отношение к белоэмигрантам и писателям-эмигрантам было весьма прохладное. Никто не хотел к ним прислушиваться, а уж тем более внимать их предупреждениям и прозрениям относительно Октябрьского переворота. Они были для западной интеллигенции «бывшими». К примеру, когда в 1972 году во Франции умер русский писатель Борис Зайцев, у которого я в течение пяти лет был личным литературным секретарём, ни одна французская газета не согласилась напечатать написанный мной некролог.

Могилы великих русских писателей, да и многих, многих русских людей разбросаны по всей Европе. И все эти творческие люди – и великие, и менее великие – остались русскими, они с достоинством продолжали быть русскими и гордились этим. И они покорили меня своим достоинством. Понимаете, когда ты никому не нужен, у тебя нет страны, нет Родины, трудно, архитрудно сохранить достоинство. Это – урок. Их пример, их заслуги – это навигатор для потомства, для сегодняшней России. У России есть великая культура, и ей есть, чем гордиться. Без великой русской культуры и литературы России нет.

Я – француз. Но я горд тем, что прикоснулся к великой русской литературе. Если бы не нашлось тех, кто «прикипел к ней сердцем», этот «континент», эта «Русская литературная Атлантида», могла исчезнуть без следа на чердаках, на мусорных свалках, в подвалах... Я же в течение тридцати лет осознанно был на стороне «побеждённых». Когда Зайцев, Бунин, Мережковский, Гиппиус, Георгий Иванов, Одоевцева, Берберова вернулись, увы, посмертно, в Россию, я оказался вместе с ними.

А предметом моей особой гордости является тот факт, что за последние двадцать лет у меня в России вышло 8 книг. Это вызывает некоторую зависть у моих коллег-славистов, но это – факт. Для меня Серебряный век не закончился после Октябрьского переворота, он продолжался

ещё несколько десятилетий. И я горд тем, что в возвращении на Родину великой русской эмигрантской литературы мне посчастливилось принимать скромное участие. Нынешние люди, живущие в России, должны гордиться своими писателями и историей, так же, как мы – французы – гордимся своими. И это поможет нам лучше понимать друг друга.

Беседу вёл Владимир Шемшученко

Критика

Валентин Курбатов

Валентин Яковлевич Курбатов – литературный критик. Родился в 1939 году в Ульяновской области. Член академии российской словесности. Член Международного объединения кинематографистов славянских и православных народов. Действительный член Академии философии хозяйства. Входит в состав редколлегии журналов «Литературная учеба», «День и ночь», «Дружба народов», «Роман-газета». Член Общественной палаты России. Член президентского Совета по культуре. Лауреат премии им. Л.Н. Толстого, Горьковской и Новой Пушкинской премии.

«По снегу русскому – домой»

День такой тихий, что этой тишиной заражается снег и идёт реденько и стеснительно, стараясь не попадаться на глаза. Сад Михайловского пуст и как-то равнодушно скучен – перемогается до весны. Седая прошлогодняя трава утомлена, бессильна и не смягчает неровного шага по изыбшей, окаменевшей земле, застывшей на бегу, как взморщенное море. Сорокаигуменья в чёрной мантии и белом подряснике (всё на ней такое новое, что она вертится во все стороны, да смотреть на неё некому) устраивается на спящем улье и больше не суетится, сидит подомашнему покойно, как сидят коты или куры. Ни души. Только далеко за разливом Сороти, на озере Кучане, в его ещё не вскрывшейся части, чёрными точками сидят рыбаки, и полоса льда похожа на неровно оторванный лист, засиженный мухами.

Рижские издатели привезли в Михайловское выпуск своего альманаха «Лукоморье». Он по-нынешнему наряжен, со щегольской вёрсткой, чудной бумагой, и это поначалу смущает, внешне противореча печали интонации об ослаблении почвы русской культуры в Прибалтике. Но понемногу слово загораживает одежду альманаха, и когда я дохожу до посмертной публикации стихов ушедшего эмигрантского поэта Игоря Чиннова, наследника долгого рода «золотопогонников» и средней руки помещиков, душа уже сбита одиночеством и предчувствием тоски, словно и сам уже не дома, не на родной земле. И вот уже не одному поэту, а и мне –

... Мне нужно вернуться
за скрипом колодца,
за криком детей у реки,
за плеском в тумане,
за плеском у сходней,
за лесом у светлой реки,
за иволгой ранней,
за ивой прохладной,
за тихим дыханьем реки.

Да ведь, похоже, и впрямь нам всем нужно вернуться за этими простыми, необходимыми сердцу «вещами». Почему я и гляжу так жадно на Михайловское и думаю вовсе не о Пушкине, а о том, как бы «починить» сердце и не ловить себя на странной наблюдательности, словно стараешься наглядеться, запомнить или вернуть утраченную связь. И всё лучше понимаю я побуждение рижских издателей напечатать эту подборку Игоря Чиннова, как будто и они, оставаясь дома, там, где жили с колыбели, тоже обречены не жить посреди родной природы, а только вспоминать её: «Чем-то нежным и русским / Пахнет поле гречихи, / Утешением грустным / День становится тихий, / Пахнет чуть кисловато / Бузина у колодца... / Это было когда-то / И едва ли вернётся».

Именно так: «это было когда-то...». Дикость какая-то. Ведь есть, есть! Вот же вокруг – этот присмиривший сад, этот разлив Сороти, эти деревни под дальним солнцем, а разум ухватился за строку и не оторвётся – это было когда-то... Было там, в прошлой жизни, где мы, говорят, были бедны, унижены, загнаны преследованием (да, кажется, и впрямь были таковы), но почему тогда при воспоминании о минувшем, как и у тех, изгнанных и ушедших, так невпопад и вопреки очевидности вспоминается совсем не это, и –

Душа становится далёким русским полем,
В калужский ветер превращается,
Бежит по лужам
В тульском тусклом поле,
Ледком на Ладоге ломается.
Душа становится
Рязанской вьюгой колкой,
Смоленской галкой в холоде полей
И вологодской иволгой, и Волгой...
Соломинкой с коломенских полей.

Мы, кажется, потому с такой жадностью и кинулись читать эмигрантскую поэзию и прозу, что затосковали о Родине. И не в одном этом противоестественном «ближнем зарубежье», внезапно выкинувшем человека из дому, не коснувшись его ни пальцем, и не в одних наших стремительно забывающих «мать-отца» столицах, но уж и в калугах, тулах, рязанях...

Началось, конечно, не сейчас. Когда я, торопясь, читал чинновские стихи гостю Михайловского, директору Грибоедовского музея «Хмелита» В.Е. Кулакову, он не зря тотчас вспомнил Рубцова. Ведь и там, странно сказать, нас уже волновало, почти мучило это острое чувство прощания, словно «тихая наша Родина» отплывала на наших глазах в необратимое минувшее, а мы оставались на чужом берегу. И вот остались...

В тот же день подвернулся мне в Михайловском и недавний, уже нашего издания, Георгий Иванов, его «Зеркальное дно». Вначале я удивлялся тому, как книги поджидают нас «в кустах», чтобы прийти в то мгновение, когда душа готова или неожиданно зажжена болезненной мыслью, но теперь уж знаю, что когда мысль действительно ранит душу, необходимое подтверждение её современности найдёт тебя хоть в чистом поле. Книги ждут нас на всех путях, и не всегда с утешением. Иногда, как вот в этот михайловский день, они приходят, чтобы ты мог отчётливее почувствовать опасность и успеть защититься от неё.

Геorgia Иванова я уже лет двадцать читаю, но всё вот эстетика и умозрение перевешивали, а уж теперь не до красоты – хоть лицо руками закрывай. Чиннов ещё утешает светом, печалью и как будто тенью надежды на возвращение домой. А этот уж нет. И ослепительность формы только усугубляет остроту боли.

...Грустно, друг. И тем ещё грустнее,
что надежды больше нет.
Это уж не романтизм. Какая
Там Шотландия! Взгляни: горит
Меж чёрных лип звезда большая
И о смерти говорит...

И как-то буднично говорит, почти скучно, с житейской обиходностью, с чеховской безжалостностью, как в «Скучной истории», где старый профессор на горячий шёпот героини о спасении («Вы умны, образованны, Вы долго жили, Вы были учителем... Что мне делать?») отвечает: «По совести, Катя, не знаю... Давай, Катя, завтракать». Вот и Георгий Иванов:

Ну, мало ли что бывает?
Мало ли что бывало –
Вот облако проплывает,
Проплывает, как проплывало...
А кончит:

Сегодня меня убили.
Завтра тебя убьют.

И это всё о том же – о России, о чувстве её в сердце, о неотступности её, когда уж, наконец, она делается так тяжела своим преследованием, что хочется защититься вызовом, срывом, желанием расчесть с этой настойчивой мыслью хорошо сыгранным равнодушием:

Мне больше не страшно. Мне томно
Я медленно в пропасть лечу
И вашей России не помню
И помнить её не хочу

И не отзываются дрожью
Банальной и сладкой тоски
Поля с колосящейся рожью,
Березки, дымки, огоньки.

А только себя не обманешь – отзываются, отзываются дрожью и поля, и берёзки, и чинновские галки, дожди, «тонкий запах осенних лесов, серо-сизые краски реки» - всё отзывается, и уже не заговоришь себя, не спасёшься готовностью к окончательному разочарованию: «Россия – счастье, Россия – свет. / А может быть, России вовсе нет...» Не было бы, не болела бы она так в русской поэзии.

Но не зря вопрос вертится. И сегодня уже не только в той, «тамошней», поэзии – у нас теперь завертелся. Вот-вот и мы теперь засомневаемся: «А может быть, России вовсе нет». Так легко она ускользает из реальности в отвлечённую эстетику, в предмет спекуляций и пререканий, в художественный образ, в рекламный буклет на продажу. Удалая, бесстыдная общественная жизнь с иллюзиями ежедневных обновлений и перемен всё настойчивее выталкивает человека из реальности в газетно-телевизионное умозрительное пространство, в бумажный мир, где прежние земные нравственные законы слишком «неповоротливы» и слишком «мешают жить». И мы сдаёмся, сдаёмся...

Но душа, слава Богу, не поспекает за умом и вот внезапно, в неожиданный час и на неожиданном слове, вдруг схватывает нас за полу, останавливая на бегу, и мы со смятением обнаруживаем себя вовсе не там, где собирались находиться. И стихи, пленявшие Георгия Адамовича «перламутровыми переливами» и смущавшие Владимира Вейдле тем, что «в каждом затаились слова, что «и в раю – я», открываются иной, куда более горькой стороной, напоминая о Родине, которая всё ждёт нас и всё светит ненаглядной красотой, дожидаясь нашего возвращения из всеобщей эмиграции.

Выглядывает солнце, и Сороть вспыхивает ликующим зеркалом – молодая, весенняя, давняя, вечная... Это было когда-то... Это будет всегда.

Правила подачи материалов

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях. Присылаемые рукописи должны быть сохранены документом Word (шрифт – Roman, кегль 11, межстрочный интервал – 1). Текст необходимо пропустить через функцию – непечатаемые символы: между словами - только 1 пробел, не форматировать, не подчеркивать, разрешается части текста выделять курсивом. Файл называть своей фамилией, в начале текста – краткие сведения об авторе. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала.

Главный редактор:
Лидия Довыденко
Телефон: +7 9118630467
E-mail: dovidenko_L@mail.ru
<http://www.dovydenko.ru>

Дизайн и верстка: Анна Степанова
Отпечатано в типографии ООО «Салон Цифровой Печати»
г. Калининград, ул. Леонова, 77, тел. (4012) 915-111, www.915111.ru.
Тираж: 500 экз.

Издание предназначено для лиц старше 12 лет.
При распечатке материалов, в том числе использования их в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Берега» обязательна.
Редакция не несет ответственности за содержание рекламных материалов,
может не разделять точку зрения опубликованных авторов.
Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются

№3
Февраль 2014